

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2022. Том 20, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая лингвистика

- Борисова Т. С., Табаченко Л. В.* Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния 5
- Тихонова О. В.* Сравнительная орфография испанских текстов в арабской и еврейской графиках 19
- Иванова И. Б.* Глагольные конструкции как средство выражения понятия «возраст человека» в якутском языке 39
- Селиванова И. В.* Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии 51

Прикладная лингвистика

- Буйлова Н. Н., Ляшевская О. Н.* К вопросу о частотностях глагольных конструкций в некоторых жанрах массовой литературы 64
- Бурцева А. В., Калашникова О. В., Троцюк С. Н.* Анализ десигната в практике судебной лингвистической экспертизы: к вопросу о построении методологии 75
- Кагиров И. А., Рюмин Д. А.* База данных русского жестового языка поликлинического предназначения: лингвистические особенности материала и аннотирования 90

Психолингвистика. Концептуальные исследования языка и речи

- Соловьева Е. А.* Персонификация в социально-психологической прозе М. Ю. Лермонтова 109
- Савина О. Ю.* Влияние типа ввода на эффективность усвоения коллокаций (корпус vs словарь) 123
- Ноева (Карманова) С. Е.* Смех как инициация: функционирование элементов смеховой культуры в якутских фольклорных текстах 139
- Товкес М. Ю.* Моделирование структуры групповой интерпретации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре 151
- Информация для авторов 166

V E S T N I K

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2022. Volume 20, № 3

CONTENS

Theoretical Linguistics

- Borisova, T. S., Tabachenko, L. V.* Conceptualization of the Horizontal Position in Space in Russian and Greek Stative Verbs 5
- Tikhonova, O. V.* Comparative Orthography of Spanish Texts in Arabic and Hebrew Script 19
- Ivanova, I. B.* Verb Constructions Expressing the Functional-Semantic Concept “Human age” in the Yakut Language 39
- Selivanova, I. V.* Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy 51

Applied Linguistics

- Buylova, N. N., Lyashevskaya, O. N.* On Verbal Construction Frequency in Certain Genres of Popular Literature 64
- Burtseva, A. V., Kalashnikova, O. V., Trocuk, S. N.* Designatum Analysis in Forensic Linguistic Expertise: On the Question of Constructing a Methodology 75
- Kagirov, I. A., Ryumin, D. A.* Russian Sign Language Database for Clinical Use: Data and Annotation Peculiarities 90

Psycholinguistics and Conceptual Studies

- Solovyeva, E. A.* Personification in the Socio-Psychological Prose of Mikhail Lermontov 109
- Savina, O. Yu.* Influence of the Input Type on the Efficiency of Collocations’ Retention (Corpus vs Dictionary) 123
- Noeva (Karmanova), S. E.* Laughter as Initiation: The Functioning of the Elements of Laughter Culture in Yakut Texts 139
- Tovkes, M. Yu.* Group Interpretation Structure of the “Russian” Concepts МУЖЧИНА (MAN)/ЖЕНЩИНА (WOMAN) 151
- Instructions for Contributors 166

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantsev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

The journal is published quarterly in Russian since 1999

by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University

1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 811.14:811.161.1'373.44

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18

Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния

Татьяна Станиславовна Борисова¹
Людмила Владимировна Табаченко²

¹Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
Афины, Греция

²Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

¹tatianaborissova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7729-0013>

²lvtabachenko@sfsedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

Аннотация

Данная статья посвящена русским и греческим глаголам, обозначающим горизонтальное положение лица или предмета в пространстве. Сопоставительный анализ русского и церковнославянского позиционного глагола состояния *лежать/лежати* с его греческими аналогами был проведен в диахронном аспекте с использованием лингвотекстологического метода. Материалом для исследования послужили шесть церковнославянских и русских переводов (редакций) и четыре новогреческих переложения Евангелия, в которых было выделено 44 соответствующих контекста, а также дополнительный материал из других библейских книг. Историко-сопоставительное исследование выявило отсутствие в греческом языке лексического средства выражения горизонтального положения в пространстве относительно поверхности. В древнегреческом языке в данной функции использовался глагол состояния *κεῖται*, а при необходимости пространственной конкретизации позиции – его приставочные дериваты. В новогреческом же языке данный глагол выходит из активного употребления, в большинстве случаев заменяясь грамматическими формами соответствующих каузативов и автокаузативов либо абстрактными экзистенциальными глаголами. Напротив, в церковнославянском и русском языке на протяжении всего рассматриваемого периода позиция лица или объекта играет важную роль при концептуализации пространства, находя свое лексическое выражение в позиционных глаголах состояния, активно употребляемых даже в тех случаях, когда конкретизация позиции в сочетании с определенным актантом избыточна. С другой стороны, сохранение семантики состояния приводит к низкому деривативному потенциалу глагола *лежать* в сочетании с пространственными приставками из-за развившейся у последних семантики предельности (результативности) и вследствие этого к необходимости передачи семантики греческих префиксов дополнительными (лексическими и синтаксическими) средствами. В целом результаты работы выявили существенные и глубинные различия в концептуализации позиционного состояния в греческом и русском языках, что необходимо учитывать при разработке национально ориентированных методик преподавания второго (иностранного) языка.

Ключевые слова

позиционные глаголы, глагол *лежать*, глаголы состояния, лингвотекстологический метод, историко-сопоставительная лексикология, Евангелие, греческий язык, русский язык

Для цитирования

Борисова Т. С., Табаченко Л. В. Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18

Conceptualization of the Horizontal Position in Space in Russian and Greek Stative Verbs

Tatiana S. Borisova¹, Lyudmila V. Tabachenko²

¹National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Greece

²Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

¹tatianaborissova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7729-0013>

²lvtabachenko@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

Abstract

The paper deals with the Russian and Greek verbs denoting the horizontal position of a person or an object in space. A comparative analysis of the Russian and Church Slavonic positional stative verb *лежать/лежати* with its Greek counterparts has been carried out in the diachronic perspective by means of the linguistic-textual method. The research is based on the material of six Church Slavonic and Russian translations as well as on four Modern Greek translations (editions) of the Gospel, in which 44 relevant contexts have been identified; besides additional material from some other Bible books has been used. Historical and comparative research has shown that the Greek language doesn't possess lexical means of expressing a horizontal position in space. In Ancient Greek, the stative verb κείμαι was used in this function, in case spatial concretization of position was relevant, it used its prefixed derivatives. In Modern Greek this verb becomes obsolete and in most cases is replaced by the grammatical forms of the corresponding causatives and autocausatives or by abstract existential verbs. On the contrary, in Church Slavonic and Russian throughout the period under consideration, the position of a person or an object has played an important role in space conceptualization, finding its lexical manifestation in the positional stative verbs, widely used even when the concretization of the position in combination with a certain actant is redundant. On the other hand, the preservation of the stative semantics leads to a low derivative potential of the verb *лежать* in combination with spatial prefixes due to the meaning of finiteness (resultativity) which they developed. Consequently, the semantics of Greek prefixes has to be conveyed by additional (lexical and syntactic) means. Generally, the results of the work have revealed significant and deep differences in the conceptualization of the positional state in Greek and Russian, which has to be taken into account when developing nationally/culturally oriented methods of teaching a second (foreign) language.

Key words

positional verbs, verb *лежать*, stative verbs, linguistic-textual method, historical comparative lexicology, Gospel, Greek language, Russian language

For citation

Borisova, T. S., Tabachenko, L. V. Conceptualization of the Horizontal Position in Space in Russian and Greek Stative Verbs. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18

Введение

Позиционные глаголы, описывающие базовые состояния картины мира человека [Кустова, 2000, с. 85–86], входят в основной словарный фонд каждого языка, в состав древнейших семантических моделей, являющихся ядром для развития вторичных номинаций и языкового расширения.

В русском языке основу ЛСГ позиционных глаголов составляют глаголы *стоять, лежать, сидеть*, обозначающие положение тела относительно поверхности, или его позицию: вертикальную, горизонтальную, вертикально-горизонтальную. Эти глаголы недеятельного процессуального состояния [Русская грамматика, 1980, с. 252] отличаются от соответствующих каузативов и автокаузативов изменения положения в пространстве (*ставить/поставить, сажать/посадить, класть/положить, вставлять/вставить, садиться/сесть, ложиться/лечь*) и, обозначая онтологически неопредельное состояние, обладают рядом грамматических особенностей, в частности, несовершенным видом при отсутствии видовой пары (одновидовые глаголы *imperfectiva tantum*) и непереходностью.

Исследование позиционных глаголов находится на пересечении актуальных направлений когнитивной лингвистики, истории языка, сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии, а также методики преподавания русского языка как иностранного [Корнева, 2006]. Их тесная связь с концептом пространства – одним из ключевых концептов лингвокультуры каждого языка – делает их изучение особенно интересным в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах, а также находит практическое применение в методике преподавания иностранных языков, так как правильное употребление данных глаголов на неродном языке свидетельствует о высоком уровне языковой компетенции и понимании глубинных лингвистических структур.

Цель настоящей работы – на основе историко-сопоставительного анализа выявить особенности концептуализации горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния, а также их изменения в исторической перспективе и возможные взаимовлияния.

Объект данного исследования – русский позиционный глагол *лежать* в сопоставлении с его греческими соответствиями.

Русский глагол *лежать* является глаголом состояния, в значениях которого могут быть реализованы:

- позиционная семантика – ‘горизонтальное положение относительно поверхности’;
- пространственно-позиционная семантика – ‘нахождение предмета в определенном месте в горизонтальной позиции’;
- пространственно-статальная семантика – ‘нахождение в определенном месте в состоянии неподвижности, покоя’. Комбинация локального и статального семантических компонентов формирует у глагола *лежать*, указывающего на наиболее неактивную – горизонтальную – позицию, при сочетании с актантами, обозначающими неодушевленные объекты, значение ‘храниться где-л., лежать без употребления’ (нефункциональность) (о реализации нелокативных функциональных компонентов значений глаголов *стоять* и *лежать* в современном русском языке см. [Рахилина, 1998]);
- абстрактно-экзистенциальная семантика, сводящаяся к констатации факта существования объекта.

Сопоставительный анализ двуязычных [Хориков, 1993], а также одноязычных толковых словарей [Μπαμπινιώτης, 2002] выявил отсутствие в новогреческом языке единого лексического эквивалента для данного русского глагола. Ближайшими его лексическими соответствиями можно считать:

1. Глагол ξαπλώνω, одновременно являющийся:

- каузативом (‘приводить в горизонтальное положение, укладывать спать’): Η μαμά ξάπλωσε το μωρό στην κούνια. = *Мама уложила младенца в кроватку*;
- автокаузативом (‘занимать горизонтальное положение, ложиться спать’): Ξάπλωσα για να ξεκουραστώ. = *Я лег отдохнуть*;
- глаголом состояния (‘находиться в горизонтальном положении, спать’): Ξάπλωνα στο καναπέ και διάβαζα. = *Я лежал на диване и читал*.

Данный глагол действительного залога (ενεργητική φωνή) употребляется исключительно в позиционном значении для обозначения горизонтальной позиции лиц и, реже, животных. Актуализация его каузативной, автокаузативной или семантики состояния в речи происходит как на основе грамматических показателей (при помощи употребления временных форм с законченной либо длительной грамматической семантикой), так и синтаксически (наличие либо отсутствие прямого дополнения). Для обозначения состояния, помимо временной формы глагола, употребляется и причастие в сочетании со вспомогательным глаголом: είμαι ξαπλωμένος (‘быть лежащим’).

2. Глагол состояния κείτομαι, который ограничен в употреблении книжной речью и с морфологической точки зрения относится к отложительным глаголам (αποθετικά ρήματα), употре-

бляемый исключительно в форме страдательного залога (παθητική φωνή) с так называемой нейтральной диатезой (ουδέτερη διάθεση). Данный глагол имеет:

- пространственно-позиционную и пространственно-статальную семантику ('пребывать неподвижно где-либо в горизонтальном положении'), реализуемую с актантами, обозначающими прежде всего тяжело больных или умерших людей или животных: Οι νεκροί άνθρωποι κείτονται στους δρόμους. = *Мертвые люди лежат на дорогах*. Отсюда происходит и вторичное значение глагола, обусловленное также его книжным, традиционным характером, – 'быть похороненным': Σε αυτό το νεκροταφείο κείται η γιαγιά μου. = *На этом кладбище лежит (похоронена) моя бабушка*.
- пространственно-статальную и экзистенциальную семантику в сочетании с актантами, называющими неодушевленные предметы ('находиться, быть расположенным, простирается, принадлежать'): Στα πόδια του Παρθενώνα κείτονται καλύβες. = *У подножия Парфенона находятся лачуги*.

Этот глагол происходит от древнегреческого отложительного глагола κείμαι ('лежать; находиться, быть; быть поставленным, назначенным, положенным').

3. Глаголы с абстрактной пространственной или экзистенциальной семантикой, такие как εἶμαι ('быть'), βρίσκομαι ('находиться'), υἰάρχω ('существовать'), употребляемые со всеми актантами без семантических и грамматических ограничений.

Сложность передачи в греческом языке семантики, выражаемой русским глаголом *лежать*, и отсутствие однозначных лексических соответствий свидетельствуют об иной концептуализации позиционного состояния в греческом языке, создающей принципиальные трудности при переводе или изучении иностранного языка. В рамках данной работы мы предлагаем сопоставительно-исторический подход к этой проблеме, который основан на сравнении употреблений соответствующих глаголов в редакциях одних и тех же текстов, относящихся к разным языковым и временным планам.

1. Методы и источники

Основным методом исследования стал лингвотекстологический метод, определяемый как «система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника» [Панин, 1995, с. 101].

В качестве материала для исследования был выбран текст Евангелия в древнегреческом оригинале, церковнославянских и русских переводах (редакциях) X–XX веков, а также новогреческих переложениях. Выбор евангельского текста в качестве материала исследования был обусловлен следующими факторами:

- повествовательным и описательным характером текста и, как следствие, наличием в нем достаточного количества анализируемых глагольных форм;
- большим количеством разновременных переводов и переложений, дающих возможность проследить за языковыми изменениями;
- разработанной текстологической традицией [Алексеев, 1999], на основании которой исследователь может пропустить две предварительные стадии лингвотекстологического исследования: типологическую и текстологическую [Жуковская, 1976, с. 19–20];
- наконец, сакральным характером текста, повышающим требования к точности переводов и переложений и, как следствие, делающим лингвистические выводы, полученные на основании данного материала, более достоверными.

Помимо исходного древнегреческого текста, для исследования были привлечены следующие переводы/редакции и переложения Евангелия:

- церковнославянская редакция Евангелия, восходящая к древнейшим славянским переводам и рассмотренная по Остромирову Евангелию (1056/1057)¹ (далее – ОЕ);
- отредактированный церковнославянский текст Евангелия, проанализированный по первому восточнославянскому своду Библейских книг – Геннадиевской Библии 1499 г. [Библия 1499, 1992, т. 7] (далее – ГБ);
- церковнославянская редакция Евангелия, вошедшая в Елизаветинскую Библию 1751 г. и до настоящего времени используемая в православном богослужении [Библия, 1762] (далее – ЕБ);
- русский перевод Евангелия XIX в. (Синодальный перевод), изданный в 1819 г. [Библия 1499, 1992, т. 7] (далее – СП);
- современный русский перевод с древнегреческого В. Н. Кузнецовой («Радостная Весть»), впервые изданный в 1993 г. [Радостная весть, 2007] (далее – РВ);
- современный русский перевод Ветхого и Нового Заветов, выполненный Всемирным Библейским переводческим центром в 2006 г. [Библия, 2011] (далее – WBTC);
- новогреческое переложение Библии на кафаревусу (консервативную книжную разновидность новогреческого языка), осуществленное выдающимся греческим книжником и просветителем XIX в. Неофитосом Вамвасом и впервые изданное в 1851 г. [H Αγία Γραφή, 2017] (далее – MNB);
- новогреческое переложение Нового Завета на «упрощенную кафаревусу»², получившее название «Перевод четырех профессоров». Издание подготовлено четырьмя профессорами Богословского факультета Фессалоникийского университета (В. Веллас, Е. Антониадис, А. Аливицатос, Г. Конидарис) и впервые издано в 1967 г. [H Καινή Διαθήκη, 2015] (далее – NTV);
- новогреческое переложение Библии на димотику (современную народную разновидность греческого языка), осуществленное в конце XX в. под руководством Спироса Филоса и впервые изданное в издательстве «Пергамос» в 1994 г. под названием H Αγία Γραφή – Μεταφορά στη Νεοελληνική [H Αγία Γραφή, 2007]. Для составления данного переложения помимо исходного древнегреческого текста привлекалось вышеуказанное переложение Вамваса (далее – FPB);
- современное новогреческое переложение/перевод Библии с древнегреческого и древнееврейского языков на димотику, издаваемое Греческим библейским обществом начиная с 1997 г., [H Αγία Γραφή, 2011] (далее – TGV) (обзор и полный список новогреческих переложений Нового Завета, а также библиографию по данному вопросу см. [Vasileiadis, 2022]).

Исследование проводилось методом сплошной выборки для глагола *лежать* (*лежат*) и его приставочных дериватов в церковнославянских и русских текстах Евангелия, а также глагола *κεῖμαι* и его приставочных дериватов в древнегреческом евангельском тексте. Для сопоставления привлекались данные из других библейских книг Нового и Ветхого Заветов. В целом было рассмотрено 44 контекста из Евангелия и 13 контекстов из других библейских книг.

Результаты и обсуждение

По результатам сопоставительного анализа рассмотренные контексты были разделены на следующие группы:

¹ Для исследования использовались фотокопии памятника с электронного ресурса РНБ «Остромирово Евангелие», URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/.

² *Απλή καθαρεύουσα* – упрощенная форма кафаревусы, в противоположность консервативной кафаревусе (*αρχαϊζουσα καθαρεύουσα*) в меньшей степени ориентированная на древнегреческие образцы. Вплоть до 1976 г. являлась официальным языком греческого государства. Подробнее о языковой ситуации в Греции см. [Елоева, 2017]

1. Бесприставочный глагол $\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$ в значении ‘лежать, покоиться в определенном месте’ в сочетании с актантами-лицами (живыми или умершими) (пространственно-статальная семантика). Важным семантическим ограничением данного глагола является его сочетаемость исключительно с агенсами, обозначающими людей, неспособных самостоятельно занять соответствующее положение в пространстве (умершие или младенцы). В Евангельских текстах выделено шесть следующих контекстов: Мф. 28:6; Лк. 2:12; Лк. 2:16; Лк. 2:34; Ин. 11:41; Ин. 20:12. Большинство церковнославянских и русских переводов актуализируют позиционную семантику греческого глагола, передавая его как *лежати/лежать* соответственно. Исключение составляет WBTC, где глагол *лежать* употреблен только в двух контекстах, в прочих же вместо него используются абстрактные пространственно-бытийные глаголы или конструкции, например:

Мф. 28:6: δεῦτε ἴδετε τὸν τόπον ὅπου ἔκειτο ὁ Κύριος,
 MNB: Ἐλθετε, ἴδετε τὸν τόπον ὅπου ἔκειτο ὁ Κύριος,
 NTV: Ἐλάτε, ἰδέτε τὸν τόπον, ὅπου ἦτο ὁ Κύριος,
 FPB: δεῖτε τον τόπο όπου ἦταν τοποθετημένος ο Κύριος,
 TGV: Ελάτε να δείτε το μέρος όπου βρισκόταν το σώμα του Κυρίου,
 OE: видита мѣсто. идеже лежа господь,
 СП: посмотрите место, где лежал Господь,
 РВ: посмотрите, вот здесь Он лежал,
 WBTC: взгляните на место, где было Его Тело.

Из приведенного контекста видно, что в новогреческих переложениях, как правило, передается пространственная семантика без позиционных семантических компонентов при помощи соответствующих пространственно-бытийных глаголов $\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$ (‘быть’), $\beta\rho\acute{\iota}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ (‘находиться’). FPB заменяет глагол состояния на каузатив без позиционных уточнений $\tau\omicron\pi\omicron\theta\epsilon\tau\acute{\omega}$ (‘помещать’) в форме страдательного причастия: $\eta\tau\alpha\nu\ \tau\omicron\pi\omicron\theta\epsilon\tau\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (был помещен). Исключение составляют два контекста, описывающие младенца в яслях, для передачи которых в некоторых новогреческих переложениях используются позиционные глаголы $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\omicron\mu\alpha\iota/\xi\alpha\pi\lambda\acute{\omega}\nu\omega$:

Лк. 2:16: ἀνεῦρον... τὸ βρέφος κείμενον ἐν τῇ φάτνῃ,
 MNB: εὔρον... τὸ βρέφος κείμενον ἐν τῇ φάτνῃ,
 NTV: εὗρηκαν... τὸ βρέφος νὰ εἶναι εἰς τὴν φάτνην,
 FPB: βρήκαν... το βρέφος να κείται μέσα στη φάτνη,
 TGV: βρήκαν... το βρέφος ξαπλωμένο στο παχνί,
 OE: обрѣтоша... младенець *лежащъ* въ ясьлѣхъ,
 СП: нашли... Младенца, *лежащего* в яслях,
 РВ: нашли... ребенка, *лежащего* в яслях.

2. Близко к предыдущему и употребление глагола $\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$ в одном контексте во вторичном значении ‘быть похороненным’. Отметим, что во всех переводах и переложениях глагол состояния был заменен на каузативы, которые либо конкретизируют семантику погребения (NTV/FPB/РВ), являясь, по существу, интерпретацией греческого глагола с широким семантическим спектром, либо предлагают пространственно-каузативный (TGV: $\delta\epsilon\nu\ \epsilon\acute{\iota}\chi\alpha\nu\ \beta\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota$ ‘не помещали’) или позиционно-каузативный (ГБ/СП) варианты:

Лк. 23:53: καὶ ἔθηκεν αὐτὸ ἐν μνήματι... οὗ οὐκ ἦν οὐδεὶς οὐδέπω κείμενος,
 MNB: ἔθεσεν αὐτὸ ἐν μνημείῳ... ὅπου οὐδεὶς ἔτι εἶχε ἐνταφιασθῆ,
 NTV: τὸ ἔβαλε εἰς... μνήμα, εἰς τὸ ὁποῖον κανεὶς ποτὲ δὲν εἶχε ἐνταφιασθῆ,
 FPB: το ἔβαλε σε τάφο... όπου δεν εἶχε ἀκόμα ενταφιαστεί κανένας,
 TGV: το ἔβαλε σ’ ἕνα...μνήμα, στο οποίο δεν εἶχαν βάλει ποτέ κανένα,
 ГБ: и положи е въ гробѣ.. в немже не бѣ никто же никогда же *положень*,
 СП: положил его в гробе..., где еще никто *не был положен*,
 РВ/ WBTC: положил в гробницу..., где еще никто *не был похоронен*.

3. Греческий бесприставочный глагол *κεῖμαι* употребляется в Евангелии в пространственно-статальном значении для описания характеристики неподвижного состояния неодушевленных объектов без каких-либо позиционных (вертикальная/горизонтальная позиция) либо функциональных (рабочее/нерабочее состояние) семантических ограничений.

В новогреческих переложениях вместо *κεῖμαι* используются глаголы *κεῖτομαι*, *εἶμαι* или *βρίσκομαι*, а также безглагольные конструкции. Позиционные и функциональные ограничения, существующие в русском языке, приводят к различной концептуализации данного греческого глагола и, соответственно, к выбору в качестве соответствий глаголов *лежать* или *стоять*. В зависимости от позиции и функционального состояния актанта-предмета в славянских и русских переводах употребляются:

3.1. Глагол *лежати/лежать* для обозначения горизонтально расположенных по отношению к поверхности объектов вне зависимости от их функционального состояния в следующих семи Евангельских контекстах: Мф. 3:10; Лк. 3:9; Лк. 24:12; Ин. 20:5; Ин. 20:6; Ин. 20:7; Ин. 21:9 (ср. также 1 Кор. 3:11; 2 Кор. 3:15), в частности:

Лк. 3:9: ἡδὲ καὶ ἡ ἀξίνη πρὸς τὴν ρίζαν τῶν δένδρων κεῖται,
 MNB: Ἡδὲ καὶ ἡ ἀξίνη κεῖται πρὸς τὴν ρίζαν τῶν δένδρων,
 NTV: Ἡ ἀξίνα εἶναι πὰρ κοντὰ εἰς τὴν ρίζαν τῶν δένδρων,
 FPB: Μάλιστα, ἡ ἀξίνα κεῖτεται ἤδη κοντὰ στη ρίζα τῶν δέντρων,
 TGV: Το τσεκούρι βρίσκεται κιάλας στη ρίζα τῶν δέντρων,
 OE: оуже бо секира при корени дрѣва *лежитъ*,
 СП: Уже и секира при корне дерев *лежит*,
 RB: Уже *лежит* наготове топор у ствола деревьев.

3.2. Глагол *стояти/стоять* для вертикально расположенных объектов, находящихся в функциональном состоянии, в следующих трех евангельских контекстах: Мф. 5:14; Ин. 2:6; Ин. 19:29 (ср. также Иерем. 24:1; Апок. 4:2), например:

Ин. 19:29: σκεῦος οὖν ἔκειτο ὄξους μεστόν,
 MNB: Ἐκειτο δὲ ἐκεῖ ἀγγεῖον πλήρες ὄξους,
 NTV: Ἐκεῖ εὕρισκετο δοχεῖον γεμάτο ξύδι,
 FPB: Βρισκόταν δε ἐκεῖ ἓνα σκεῦος γεμάτο ξίδι,
 TGV: Εκεί κοντὰ, βρισκόταν ἓνα σκεῦος γεμάτο ξίδι,
 OE: съсждъ же *стояаше* пълнь оцѣга,
 СП: Тут *стоял* сосуд, полный уксуса,
 RB: Там *стоял* полный кувшин кислого вина,
 WBTC: Там *был* кувшин с уксусом.

3.3. Наконец, в случае, когда греческий глагол обозначает объект, традиционно занимающий вертикальное положение, однако в конкретном контексте находящийся в нерабочем состоянии (каменные водоносы, не наполненные водой), отмечается вариативность в его переводе – в церковнославянском языке он переводится глаголом *лежати*, подчеркивающим его нефункциональность, а в русском – *стоять*, отмечающим вытянутость по вертикали (один контекст, Ин. 2:6):

Ин. 2:6: ἦσαν δὲ ἐκεῖ ὑδρίαὶ λίθιναι ἕξ κείμεναι κατὰ τὸν καθαρισμὸν τῶν Ἰουδαίων,
 MNB: Ἦσαν δὲ ἐκεῖ ὑδρίαὶ λίθιναι ἕξ κείμεναι κατὰ τὸ ἔθος τοῦ καθαρισμοῦ τῶν Ἰουδαίων,
 NTV: Ὑπῆρχαν ἐκεῖ ἕξι πέτρινες στάμνες, κατὰ τὸ Ἰουδαϊκὸν ἔθιμον τοῦ καθαρισμοῦ;
 FPB: Καὶ υπῆρχαν ἐκεῖ ἕξι υδρίες πέτρινες, οἱ ὁποῖες κεῖτονταν σύμφωνα με τὴ συνήθεια τοῦ καθαρισμοῦ τῶν Ἰουδαίων,

TGV: Εκεί βρίσκονταν ἕξι πέτρινες στάμνες... Χρειάζονταν για τον καθαρισμό που απαιτούσε ο ἰουδαϊκὸς νόμος,

OE: бѣше же тоу водоносъ каманъ шесть *лежашь* по очищению иудейскоу,
 ГБ/ЕБ: бѣхоу же тоу водоноси камени шесть *лежаше* по очищенію іудейскоу,
 СП: Было же тут шесть каменных водоносов, *стоявших* по обычаю очищения Иудейского,

РВ: Там было шесть каменных чанов — они *стояли* для обряда очищения, принятого у евреев,

WBTC: Там *стояло* шесть каменных кувшинов для воды, которую евреи употребляли для омовений.

4. В двух следующих контекстах: Лк. 2:34; Лк. 12:19 (ср. также 2 Езд. 6:1; 1 Тим. 1:9; 1 Иоан. 5:19; 1 Фес. 3:3; Фил. 1:16; Апок. 21:16) глагол *κεῖμαι* употребляется в статальном ('быть неподвижным, находиться без движения или без употребления') или абстрактном экзистенциальном значении ('быть, существовать, иметь место'). В новогреческих переложениях древнегреческий глагол последовательно заменяется глаголами и безглагольными конструкциями с абстрактно-бытийным значением. В церковнославянской и русской традиции глагол *лежати/лежать*, подчеркивающий статальность и нефункциональность, сохраняется вплоть до СП. В современных переводах вместо него используются конструкции с бытийным значением, без подчеркивания статальности.

Лк. 12:19: ψυχὴ, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ κεῖμενα εἰς ἔτη πολλά,

MNB: Ψυχὴ, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ ἐναποτεταμειυμένα δι' ἔτη πολλά,

NTV: Ψυχὴ, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ, γιὰ πολλὰ χρόνια;

FPB: Ψυχὴ μου, ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ ἀποταμειυμένα γιὰ πολλὰ χρόνια,

TGV: τώρα ἔχεις πολλὰ ἀγαθὰ, που ἀρκοῦν γιὰ χρόνια πολλά,

OE: доуше имааши мьного добро *лежаще* на мьнога лѣта,

СП: душа! много добра *лежит* у тебя на многие годы,

РВ: Теперь у тебя много добра, *хватит* на долгие годы,

WBTC: Много добра *запасено* у тебя на долгие годы.

Особый случай употребления данного глагола содержится в Лк. 2:34. Предсказание Симеона относительно Младенца Иисуса совмещает в себе позиционную (Младенец лежит) и экзистенциальную семантику. Древнегреческий текст содержит оксюморонный образ, построенный на противопоставлении горизонтальной позиции и пассивного статального состояния Младенца его потенциальной способности быть каузативом изменения вертикальной позиции на горизонтальную или наоборот (падение / восстание) целого народа. Новогреческие переложения актуализируют исключительно экзистенциальную семантику, теряя образность древнегреческого текста, в русской же традиции, за исключением WBTC, используется позиционный глагол, делающий антитезу оригинала еще более выразительной (см. особенно РВ, где замена существительных *падение* и *восстание* на однокоренные глаголы создает образ, основанный на противопоставлении двух глагольных позиционных лексем):

Лк. 2:34: ἰδοὺ οὗτος κεῖται εἰς πτώσιν καὶ ἀνάστασιν πολλῶν ἐν τῷ Ἰσραὴλ,

MNB: Ἰδοὺ, οὗτος κεῖται εἰς πτώσιν καὶ ἀνάστασιν πολλῶν ἐν τῷ Ἰσραὴλ,

NTV: Αὐτὸς εἶναι προωρισμένος διὰ τὴν πτώσιν καὶ ἀνύψωσιν πολλῶν μεταξύ τοῦ Ἰσραὴλ,

FPB: Δες, αὐτὸς ἔχει οριστεῖ γιὰ πτώση καὶ ἀνύψωση πολλῶν μέσα στον Ἰσραὴλ,

TGV: Αὐτὸς θα γίνεи αιτία να καταστραφούν ή να σωθούν πολλοί Ἰσραηλίτες,

OE: се *лежитъ* съ на падение и на въстание мьногомъ въ израили,

СП: се, *лежит* Сей на падение и на восстание многих в Израиле,

РВ: Вот *лежит* тот, из-за которого многие в Израиле падут и многие встанут,

WBTC: Многие среди народа Израильского будут повержены во прах, и многие возвысятся от этого Младенца.

5. Для описания горизонтального позиционного состояния человека (как правило, в результате тяжелой болезни) в греческом евангельском тексте используются:

5.1. Медиопассивные формы каузатива βάλλω 'бросать, ударять, поражать' в четырех контекстах: Мф. 8:6; Мф. 8:14; Мф. 9:2; Лк. 16:20. Во всех церковнославянских и русских переводах данному употреблению глагола соответствует глагол *лежати/лежать*, в то время как большинство новогреческих переложений заменяют глагол сочетанием вспомогательного глагола с прилагательным (*быть лежащим*):

Мф. 8:6: ὁ παῖς μου βέβληται ἐν τῇ οἰκίᾳ παραλυτικός,
 MNB: ὁ δοῦλός μου κεῖται ἐν τῇ οἰκίᾳ παραλυτικός,
 NTV: ὁ δοῦλός μου εἶναι κατάκοιτος εἰς τὸ σπίτι,
 FPB: ο δοῦλος μου κεῖτεται παράλυτος στο σπίτι,
 TGV: ο δοῦλος μου εἶναι κατάκοιτος στο σπίτι,
 OE: отрокъ мои *лежить* въ домоу ослабленъ,
 СП: слуга мой *лежит* дома в расслаблении,
 RB: у меня дома *лежит* слуга, разбитый параличом,
 WBTC: Мой слуга *лежит* дома парализованный.

5.2. Приставочный дериват глагола *κεῖμαι* – *κατάκειμαι* со статальным позиционным значением ‘лежать, быть прикованным к постели’ в пяти контекстах: Мк. 2:4; Лк. 5:25; Лк. 5:29; Лк. 24:30; Ин. 5:3. В большинстве своем новогреческие переложения передают статальную семантику причастной конструкцией, сохраняя позиционное значение. Попытка калькирования приставочной структуры (OE – *сљежати*) из-за семантической избыточности, а также вследствие возникшего противоречия между развившимся значением предельности пространственных приставок и онтологической неопределенностью основ позиционных глаголов не закрепляется в переводе, в последующих версиях используется бесприставочный позиционный глагол. В целом в современном русском языке невозможны приставочные образования от статальных основ и пространственных приставок (вроде древнерусских *належати, облежати, прилежати*), так как «предельность пространственных префиксов привела к невозможности их сочетаний со статальными основами и исчезновению соответствующих словообразовательных типов» [Табаченко, 2010, с. 28]. При этом с непространственными приставками эти глаголы сочетаться могут: результативность приставки направлена не на состояние лежания, а на результат на другом уровне одушевленного агенса: вылежать что-либо, перележать кого-либо (в соревновании), отлежать бок (о трансформации в объект и результат различных фрагментов называемого приставочным глаголом полиситуативного комплекса см. [Лебедева, 2010]).

Тем не менее глагол *сљежати/сљежать* в значении ‘болеть, лежать больным’ продолжал употребляться в русском языке вплоть до XVI века [Табаченко, 2011, с. 276] (ср. современный автокаузатив *слечь* ‘серьезно заболеть’, т. е. лежать без возможности подняться), а также сохранился в русских народных говорах в следующих значениях: 1) несов. неперех. ‘лежать (о человеке)’; 2) сов. ‘пробыть на каком-л. месте лежа; улежать, полежать где-л.’ [СРНГ, вып. 38, с. 252]. Примечательно, что семантика приставки в церковнославянском языке в ряде случаев была переосмыслена как комитативная ‘лежать вместе с кем-л.’ со ссылкой на один из вышеуказанных контекстов (Ин. 5:3) [САР, т. 3, ст. 1172; Слов. Акад., 1847, кн. II, с. 146].

Мк. 2:4: ἐφ' ᾧ ὁ παραλυτικός κατέκειτο,
 MNB: ἐφ' οὔ κατέκειτο ὁ παραλυτικός,
 NTV: ὅπου ἦτανε ξαπλωμένος ὁ παραλυτικός,
 FPB: ἐπάνω στο οποίο ἦταν ο παράλυτος,
 TGV: πάνω στο οποίο ἦταν ξαπλωμένος ο παράλυτος,
 OE: на нѣмъже ослабленныи *сљежааше*,
 ГБ/ЕБ: на немже расслабленыи *лежаше*,
 СП: на которой *лежал* расслабленный,
 RB/ WBTC: на которой *лежал* парализованный.

6. Другой приставочный дериват глагола *κεῖμαι* – *ἀνάκειμαι* – использовался в семи Евангельских контекстах (Мф. 9:10; Мф. 22:10; Мф. 22:11; Мф. 26:7; Мк. 16:14; Ин. 6:11; Ин. 12:2), а также в сочетании с комитативной приставкой *συν-* (*συνανάκειμαι*) в четырех контекстах (Мф. 9:10; Мк. 2:15; Мк. 6:22; Лк. 7:49). Данный греческий глагол употреблялся с актантми-лицами для обозначения полулежачей позиции, занимаемой при трапезе. Позиционная семантика этого глагола (горизонтально-вертикальная) приближается к значению глагола *сидеть* (ср. глагол *κάθομαι* ‘сидеть’, преобладающий в новогреческих переложениях, а также соответ-

ствующий перевод в РВ). В церковнославянской традиции, а также в СП употребляется калька *възлежати/возлежать* (в последнем и автокаузатив *возлечь*), где горизонтальная позиционная семантика корня сочетается с вертикальной семантикой приставки. Это один из немногих сохранившихся в современном русском языке позиционных глаголов состояния с пространственной приставкой. В качестве архаизма его используют для стилизации или для описания античных пиров, а также как средство иронии для подчеркивания мнимой торжественности момента.

Отметим также, что ряд современных переводов или переложений (NTV, TGV, WBTC) в принципе отказывается от передачи позиционной или пространственной семантики глагола, концентрируясь исключительно на его вторичном значении ‘участвовать в трапезе, есть’. В других случаях (TGV, СП) статальные глаголы заменяются на автокаузативы, которые в истории русского языка могли их заменять. Комитативная семантика, выражаемая приставкой *συν-*, не передается ни одной из проанализированных церковнославянских и русских глагольных форм, для ее актуализации используются предложно-падежные конструкции (предлог *с* + творительный падеж) и/или лексические средства (наречие *вместе*, словосочетание *за одним столом*) [Panin, Borisova, 2019]. Отметим, однако, что в лексикографических источниках зафиксирован калькированный глагол *совозлежать* ‘сопиршествовать, соучаствовать въ пировании’ [САР, т. 3, ст. 1164; Сл. Акад. 1847, кн. II, с. 171].

Мф. 9:10: Καὶ ἐγένετο αὐτοῦ ἀνακειμένου ἐν τῇ οἰκίᾳ καὶ ἰδοὺ πολλοὶ τελῶναι καὶ ἁμαρτωλοὶ ἐλθόντες συνανέκειντο τῷ Ἰησοῦ,

MNB: Καὶ ἐνῶ ἐκάθητο εἰς τὴν τράπεζαν ἐν τῇ οἰκίᾳ, ἰδοὺ, πολλοὶ τελῶναι καὶ ἁμαρτωλοὶ ἐλθόντες συνεκάθηντο μετὰ τοῦ Ἰησοῦ,

NTV: Καὶ ἐνῶ αὐτὸς ἐκαθότανε εἰς τὸ τραπέζι εἰς τὸ σπίτι, ἦλθαν πολλοὶ τελῶναι καὶ ἁμαρτωλοὶ καὶ ἔτρωγαν μαζί με τὸν Ἰησοῦν,

FPB: Και ἐνὸ καθόταν στο τραπέζι, στο σπίτι, νόσου! πολλοὶ τελώνες και ἁμαρτωλοί, που εἶχαν ἐρθει, συγκάθονταν μαζί με τον Ἰησοῦ,

TGV: Ενώ ἔτρωγε στο σπίτι, ἦρθαν πολλοὶ τελώνες κι ἁμαρτωλοὶ και κάθισαν μαζί με τον Ἰησοῦ,
OE/ГБ/ЕБ: и бысть ѹмоу *възлежшиоу* въ домоу и се мнози грѣшници и мытаре пришьдъше *възлежаахъ съ* иисоусомъ,

СП: И когда Иисус *возлежал* в доме, многие мытари и грешники пришли и *возлегли* с Ним,

РВ: Когда Иисус *был* у него на обеде, там собралось множество сборщиков податей и прочих грешников, они *сидели за одним столом* с Иисусом,

WBTC: И случилось, что когда Он *ел* в доме у Матфея, то многие сборщики налогов и грешники пришли и *стали есть вместе* с Иисусом.

7. Наконец, в четырех контекстах (Лк. 5:1; Лк. 23:23; Ин. 11:38; Ин. 21:9) употребляется приставочный дериват *ἐπίκειμαι* (‘помещаться на чем-либо’, ‘быть плотно придвинутым к чему-либо’, ‘налегать, напирать’), не имеющий в греческом языке позиционных ограничений. В церковнославянских переводах Евангелия соотносительные по морфемной структуре с греческими приставочные глаголы, употребляясь с актантами-лицами, актуализируют только вторичную метафорическую семантику: *належати* ‘теснить, налегать’ (Лк. 5:1), *прилежати* ‘обращаться с неотступными просьбами, требованиями’ (Лк. 23:23). Новогреческие переложения и русские переводы в принципе отказываются от употребления в таких контекстах глаголов с первичным значением положения в пространстве, передавая только метафорическую семантику. Отметим, что в древнерусских памятниках письменности эти глаголы зафиксированы и в пространственных значениях: *належати* ‘лежать, находиться, располагаться на чем-л.’ [СлДРЯ, т. 5, с. 154], *прилежати* ‘находиться около чего-л., рядом с чем-л.; примыкать к чему-л.’ [Там же, т. 8, с. 470].

В сочетаниях с актантами, обозначающими неодушевленные объекты, в церковнославянском и русском языках глаголом передается либо статальная семантика греческого корня (*лежати/лежать*, пространственное значение приставки выражается предложно-падежной

конструкцией), либо только семантика приставки (РВ/WBTC). Отметим, что в первом случае позиция камня, не конкретизируемая в Евангельском тексте, интерпретируется как горизонтальная, а его положение – над закрываемым отверстием, во втором случае – как вертикальная в положении перед отверстием. Большинство новогреческих переложений выбирают первую интерпретацию, нейтральный вариант содержится в TGV.

Ин. 11:38: ἦν δὲ σπήλαιον, καὶ λίθος ἐπέκειτο ἐπ’ αὐτῷ,

MNB: ἦτο δὲ σπήλαιον, καὶ ἔκειτο λίθος ἐπ’ αὐτοῦ,

NTV: ἦτο δὲ τοῦτο σπήλαιον καὶ ἕνας λίθος ἦτο εἰς τὸ στόμιον,

FPB: Ὑπῆρχε δε ἕνα σπήλαιο, καὶ ἐπάνω του ἦταν τοποθετημένη μία πέτρα,

TGV: Αυτό ήταν μια σπηλιά, που την εἰσοδὸ της την ἐφραζε μια μεγάλη πέτρα,

OE/ГБ/ЕБ: бѣ же пещера и камень лежалаше на ней,

СП: То была пещера, и камень лежал на ней,

РВ: Это была пещера, к ее входу был привален камень,

WBTC: Она находилась в пещере, вход в которую преграждал камень.

Заключение

Подводя итог, отметим принципиально различную концептуализацию стательного-пространственного состояния в церковнославянском/русском, древнегреческом и новогреческом языках. В современном русском языке для этого используются стательные позиционные глаголы в сочетании с актантами, обозначающими как людей, так и неодушевленные объекты, и сохраняющие, как правило, следы позиционной семантики (семантические ограничения в сочетаемости глаголов *лежать* и *стоять*). Позиционная семантика глаголов при сочетании с неактивными актантами в ряде случаев оказывается в русском языке избыточной, поскольку их позиция в пространстве однозначно определяется формой и особенностями как объекта, так и пространства, где он находится (умерший в гробу может только лежать, сосуд с водой, не закрытый плотной крышкой, – только стоять). Сопоставительно-исторический анализ показал незначительное изменение семантики и сочетаемости данных глаголов в истории русского языка, в то время как семантика состояния и отсутствие видовых коррелятов приводит к ограниченности потенциала данных глаголов для создания дериватов с пространственными приставками из-за конфликта стательности основы и развившейся предельности (результативности) данных приставок.

Соответствующая глагольная система греческого языка, напротив, претерпела на протяжении истории значительные изменения. В евангельских текстах в пространственно-стательных значениях употребляется глагол *κεῖμαι*, сочетаемость которого ограничена семантически неактивными актантами (неодушевленные объекты, а также умершие или младенцы). Так, данный бесприставочный глагол не выражает позиционную семантику, он приобретает ее лишь в сочетании с пространственными приставками, такими как *ката-* и *ана-*, одновременно получая способность сочетаться с активными актантами. Таким образом, в древнегреческом языке, в отличие от церковнославянского и русского языка, при характеристике стательного состояния описывается прежде всего не позиция актанта, а его активность/неактивность. Бесприставочный глагол *лежати/лежать* мог использоваться для перевода трех различных греческих глаголов: *κεῖμαι*, *κατάκειμαι* и *βάλλω* в медиопассивной форме. В дальнейшем греческий язык идет по пути утраты стательного глагола (глагол *κεῖτομαι* ограничен в употреблении книжной речью), соответствующая семантика выражается либо абстрактными экзистенциальными глаголами, либо соответствующими каузативами и автокаузативами, что еще больше увеличивает межъязыковую асимметрию.

Более полную сопоставительную картину выражения стательных пространственных и позиционных значений в русском и греческом языках мы можем получить на основе анализа других позиционных глаголов состояния.

Список литературы

- Алексеев А. А.** Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 368 с.
- Жуковская Л. П.** Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 369 с.
- Елоева Ф. А.** Постдиглосное состояние. Случай современной Греции // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб. 2017. Т. 21. С. 976–984.
- Корнева В. В.** Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж. 2006. № 1. С. 154–164.
- Кустова Г. И.** Когнитивные модели в семантической деривации в системе производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
- Лебедева Н. Б.** Полиситуативный анализ глагольной семантики. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2010. 192 с.
- Панин Л. Г.** История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во Новос. гос. ун-та, 1995. 217 с.
- Рахилина Е. В.** Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть* и *висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69–80.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II. 709 с.
- Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 1–6. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой. Т. 3: 3–Л. 2002. 832 с. (САР)
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1988–2013. Т. 5. 2002. 647 с. Т. 8. 2008. 768 с. (СлДРЯ)
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд.: В 2 кн. Кн. II. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. 1092 с. (Слов. Акад. 1847)
- Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. СПб. (Л.): Наука, 1965–2016. Вып. 38. 2004. 372 с. (СРНГ)
- Табаченко Л. В.** Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2010. № 1. С. 7–31.
- Табаченко Л. В.** Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Ростов н/Д, 2011. 451 с.
- Хориков И. П., Малев М. Г.** Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993. 856 с.
- Panin L. G., Borisova T. S.** Comparative Linguistic Textological Analysis as a Means of Research into the Evolution of the Derivation System (On the Early Church Slavonic Translations of Greek Words with the Prefix *συν-*) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Krasnoyarsk. 2019. Vol. 12(10). Pp. 1887–1903.
- Vasileiadis P.** An Overview of the New Testament Translations in Vernacular Greek during the Printing Era // Translating the Bible: Past and Present (in press).
- Μπαμπινιώτης Γ.** Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Β' έκδοση. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2002. 2318 σ.

Список источников

- Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе: В 10 т. М.: Изд-во Московского Патриархата, 1992.
- Библия сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Санкт-Петербург, 1762. 1308 с.
- Библия. Современный перевод. М.: Всемирный Библейский Переводческий Центр, 2011. 1165 с.

Радостная Весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Российской библейское общество, 2007. 608 с.

Η Αγία Γραφή, Τα ιερά γράμματα: Η Παλαιά και η Καινή Διαθήκη στη δημοτική. Αθήνα: Πέργαμος, 2007. 1780 σ.

Η Αγία Γραφή, Παλαιά και Καινή Διαθήκη. Αθήνα: Ελληνική Βιβλική Εταιρία, 2011. 1973 σ.

Η Αγία Γραφή, Τα Ιερά Κείμενα Μεταφρασθέντα εκ των Θείων Αρχετύπων. Αθήνα: Ελληνική Βιβλική Εταιρία, 2017. 1102 σ.

Η Καινή Διαθήκη του Κυρίου και Σωτήρος ημών Ιησού Χριστού κατά νεοελληνικήν απόδοσιν. Αθήνα: Ελληνική Βιβλική Εταιρία, 2015. 1008 σ.

References

- Alekseev, A. A.** Textology of the Slavonic Bible. Saint-Petersburg, 1999, 368 p. (in Russ.)
Dictionary of Russian Academy 1789–1794, vol. 1–6. Moscow: E.R. Dashkova Publishing House, 2002, vol. 3: 3–II, 832 p. (in Russ.)
Dictionary of Old Russian Language (11th – 14th century), vol. 1–10. Moscow: Russian Language, 1988–2013, vol. 5, 2002, 647 p., vol. 8, 2008, 768 p. (in Russ.)
Dictionary of Church Slavonic and Russian Language, composed by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences, vol. 1–2. Saint-Petersburg: SPGU Publishing House, 2001, vol. 2, 1092 p. (in Russ.)
Dictionary of Russian Folk Dialects, vol. 1–49. Saint-Petersburg (Leningrad): Nauka, 1965–2016, 2004, vol. 38, 372 p. (in Russ.)
- Eloeva, F. A.** Post-diglossia Period. The Linguistic Situation of the Contemporary Greece. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2017, vol. 21, pp. 976–984. (in Russ.)
- Khorikov, I. P., Malev, M. G.** Modern Greek–Russian Dictionary. Moscow: Culture and Traditions, 1993, 856 p.
- Korneva, V. V.** Linguistics in the Vastness of Space (review of recent publications). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2006, no. 1, pp. 154–164. (in Russ.)
- Kustova, G. I.** Cognitive Models in Semantic Derivation in the System of Derived Meanings. *Topics in the Study of Language*, 2000, no. 4, pp. 85–109. (in Russ.)
- Lebedeva, N. B.** Multi-Situational Analysis of Verbal Semantics. 2nd edition. Moscow: LIBROCOM Publishing House, 2010, 192 p. (in Russ.)
- Μπαμπινιώτης, Γ.** Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Β' έκδοση. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2002, 2318 σ.
- Panin, L. G.** History of Church Slavonic Language and Linguistic Textology. Novosibirsk: NSU Publishing House, 1995, 217 p. (in Russ.)
- Panin, L. G., Borisova, T. S.** Comparative Linguistic Textological Analysis as a Means of Research into the Evolution of the Derivation System (Based on the Early Church Slavonic Translations of Greek Words with the Prefix συν-). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Krasnoyarsk, 2019, vol. 12(10), pp. 1887–1903.
- Rakhilina, E. V.** Semantics of Russian “Positional” Predicates: стоять, лежать, сидеть and висеть. *Topics in the Study of Language*, 1998, no. 6, pp. 69–80. (in Russ.)
Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1980, vol. 2, 709 p. (in Russ.)
- Tabachenko, L. V.** Prefixed Positional Verbs in the History of the Russian Language. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2010, no. 1, pp. 7–31. (in Russ.)
- Tabachenko, L. V.** Prefixed Positional Verbs in the History of the Russian Language: Multiaspect Analysis. Doctor of Science Thesis in Philology. Rostov on Don, 2011, 451 p. (in Russ.)

Vasileiadis, P. An overview of the New Testament Translations in Vernacular Greek during the Printing Era. *Translating the Bible: Past and Present* (in press).

Zhukovskagia, L. P. Textology and Language of the Early Slavonic Manuscripts. Moscow: Nauka, 1976, 369 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Борисова Татьяна Станиславовна, доктор филол. наук, доцент Афинского национального университета им. И. Каподистрии, Философский факультет, Афины, Греция

Табаченко Людмила Владимировна, доктор филол. наук, профессор Южного федерального университета, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Ростов-на-Дону, Россия

Information about the Authors

Tatiana S. Borisova, Dr. Habil., Associate Professor, National and Kapodistrian University of Athens, School of Philosophy, Athens, Greece

Lyudmila V. Tabachenko, Dr. Habil., Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

*Статья поступила в редакцию 01.05.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 27.07.2022
The article was submitted 01.05.2022;
approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 27.07.2022*

Научная статья

УДК 80

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-19-38

Сравнительная орфография испанских текстов в арабской и еврейской графиках

Оксана Викторовна Тихонова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

pajaro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-7250>

Аннотация

Для историков испанского языка большое значение имеют тексты на испанском языке в арабской графике (XIV–XVII вв.) и в еврейской (XVI – начала XX вв.). Первые называются текстами на алхамиадо и были созданы испанскими мусульманами на отвоеванных в ходе Реконкисты землях. Тексты на испанском в еврейской графике (на ладино и на джудезмо) были написаны сефардами (испанскими иудеями) по большей части после изгнания в 1492 г. Несмотря на то, что оба вида текстов записаны семитскими алфавитами, их орфография существенно отличается. Целью статьи является системное описание и анализ этих различий орфографических норм.

Эта проблема возникла вследствие асимметрии систем согласных и гласных фонем в испанском, арабском, арамейском и древнееврейском. Так, для обозначения согласных звуков испанского языка, отсутствующих в арабском и еврейском, были введены специальные обозначения с применением знаков *tauidid* () в алхамиадо и *rafe* () в джудезмо. Для передачи испанских палатальных согласных в последнем также использовались сочетания с *yod* () <у>. Однако в системах передачи гласных звуков обнаруживаются большие различия, которые вызваны, в первую очередь, самими принципами передачи на письме гласных звуков. В алхамиадо гласные испанского языка передаются с помощью диакритических знаков огласовки арабского языка, а в джудезмо гласные фонемы передавались буквами еврейского алфавита, обозначающими полусогласные и согласные звуки.

Несмотря на значимость этих текстов в первую очередь для исторической фонетики, трудно переоценить их значение и для специалистов в области лингвокультурологии. Нормы строгой транслитерации, изложенные в данной статье, делают возможной дешифровку испанских текстов в арабской и еврейской графике не только силами арабистов и гебраистов, но и специалистов по романским и другим языкам.

Ключевые слова

Алхамиадо, джудезмо, арабографичные тексты, тексты в еврейской графике, мориски, сефарды

Для цитирования

Тихонова О. В. Сравнительная орфография испанских текстов в арабской и еврейской графиках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 19–38. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-19-38

© Тихонова О. В., 2022

Comparative Orthography of Spanish Texts in Arabic and Hebrew Script

Oxana V. Tikhonova

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

pajaro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-7250>

Abstract

The purpose of this article is to analyze the basic common and distinctive features of the orthography of Aljamiado and Judesmo.

Spanish manuscripts in Arabic and Hebrew scripts are known as the Aljamiado and Judesmo texts. The former were written by the Spanish Muslims during and after the Reconquista, while the Judesmo texts were written by Spanish Jews, for the most part, after the expulsion in 1492. Both types of texts are written in Semitic alphabets, but their orthography differs significantly.

In both systems, special notations were developed to indicate Spanish consonants which do not exist in Arabic and Hebrew, using the signs tashdid (ˆ) in Aljamiado and rafa (ˆ) in Judesmo. The latter also used combinations with double yod (ʿ) <y> to represent Spanish palatal consonants.

However, in the vowel sound transmission system, the discrepancies are much greater in Aljamiado and Judesmo. These differences are primarily due to the different ways in which vowels are rendered in the two systems. Aljamiado is based on the vowel system developed in the Arabic Qur'anic literature. While in Judesmo, for this purpose the letters of the Hebrew alphabet were adapted, so they denoted semi-consonant sounds as in the Yiddish spelling system.

In addition, a special notation was developed in Aljamiado for the sound denoted by the Latin 'e'. However, both Aljamiado and Judesmo use a semiconsonant at the beginning of a word with the frontal vowel 'alif(l) <'> in Aljamiado and *aleph* (ב) <'> in Judesmo. Diphthongs and gapes also use the dividing vowel. In general, the vowel transmission system in Aljamiado is more precise than in Judesmo.

Keywords

Aljamiado, Judesmo, Spanish texts in Arabic script, Spanish texts in Hebrew script, Morisco, Sephardi

For citation

Tikhonova, O. V. Comparative Orthography of Spanish Texts in Arabic and Hebrew Script. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 19–38. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-19-38

Введение

До наших дней дошел внушительный корпус текстов на испанском языке в арабской¹ и еврейской графиках². Алфавиты мусульманского и иудейского Священных Писаний в первую очередь служили знаком религиозной принадлежности их авторов и читателей и были средством сохранения религиозной и культурной идентичности членов общины как на территории Испании, так и за ее пределами. Особое место среди этих текстов занимают романские *харджи* в арабских и еврейских *мувашишах*, созданных под влиянием арабских на территории мусульманском Испании (аль-Андалуса) преимущественно в X–XIII вв.³

¹ Значительная часть рукописей на алхямиадо описана в каталоге под редакцией А. Матеоса Парамьо [Mateos Paramio, 2014], в котором представлены тексты на алхямиадо из собраний Национальной библиотеки Испании (исп. Biblioteca Nacional de España), библиотеки Королевской академии истории (исп. Real Academia de la Historia), Библиотеки им. Т. Наварро Томаса (исп. Biblioteca Tomás Navarro Tomás); а также перечня других библиотек и собраний. Сохранилась не только мусульманская религиозная литература, но и большое количество произведений художественной и научной литературы.

² Общий корпус литературы на испанском в еврейской графике описан А. Кинтаной [Quintana, 2015]. Корпус сефардской библейской литературы описан Ф. Х. Пуэйо Меной [Pueyo Mena, 2014, p. 177].

³ Харджами называют последнее двуступенчатое еврейских мувашишах, записанное на романском языке в еврейской графике [DLE: jarcha]. Еврейские мувашишахи созданы по аналогии с арабскими мувашишахами; известно 26 харджей на романском из еврейских мувашишах [Тихонова, 2022a]. Дошедшие до нас еврейские рукописи более точно передают произношение испанских слов [Martín Baños, 2009, p. 9, 30].

Алхамиадо. Тексты на испанском языке в арабской графике создавались испанскими криптомусульманами (морискарами) в XIV–XVII вв. за пределами Испании после изгнания морисков в 1609 г. и на территориях, отвоеванных в ходе Реконквисты. На этих территориях мусульмане быстро забыли арабский (им владели только наиболее образованные представители мусульманской общины – факихи, имамы, кади), и языком повседневного общения стал испанский. Центральное место в арабографической литературе занимают Коран, Тафсир и Сунна⁴ [Bernabé Pons, 2014, p. 33].

Джудезмо. Еврейские тексты создавались общинами как на территории Испании, так и за ее пределами начиная с изгнания в 1492 г. и вплоть до начала XX в. К XIII–XIV вв. испанские евреи перешли на испанский язык, и лишь наиболее образованные круги знали арамейский [Lleal, 1992, p. 99]. Большая часть сефардов, изгнанных из Испании, Португалии, Южной Италии и Сицилии, направилась в Османскую империю по приглашению султана Баязида II (годы жизни ок. 1447–1512 гг.; годы правления 1481–1512 гг.)⁵. Язык сефардов, проживавших в Османской империи, назывался джудезмо⁶. Язык сефардов, в 1492 г. направившихся в Северную Африку (Марокко), отличается от джудезмо и называется *хакетия* [Bunis, 2015, p. 78]. Сефардские общины сформировались и в европейских странах. Р. Лапеса отмечал, что язык сефардских общин на севере Франции и в Амстердаме мало чем отличался от языка Испании [Lapesa, 1983, p. 78]. Центральное место в еврейской литературе (в том числе на испанском языке) занимают Библия (Танах) и Талмуд⁷.

1. Проблема использования термина «алхамиадо»

Тексты на испанском языке в арабской графике принято называть теперь *текстами на алхамиадо*. В терминологическом значении слово «алхамиадо» вошло в научный обиход после речи Эдуардо Сааведры *La literatura aljamiada*⁸, произнесенной в Королевской академии испанского языка в 1878 году по случаю его избрания академиком [Saavedra, 1878]. Слово алхамиадо

⁴ *Тафсир ал-Кур'ан* – комментарий, толкование Корана [Ислам, 1991, с. 292]. Бривиарио сунни (араб.-исп. 'сунна в кратком изложении'). Сунна (араб. 'обычай, пример') – сунна, пример жизни Мухаммада как образец и руководство для всей мусульманской общины и каждого мусульманина, как источник материала для решения всех проблем жизни человека и общества [Ислам, 1991, с. 214].

⁵ После ее распада одни сефарды остались жить в Турции, Боснии, Болгарии и т. д., другие эмигрировали (по большей части в страны Южной Америки).

⁶ Термином «джудезмо» принято называть повседневный язык сефардской общины в Османской империи. Его нужно отличать от «ладино», как принято называть язык еврейских подстрочных переводов Библии (и литургических книг) с еврейского (или арамейского) на испанский. Характерная черта этих переводов – наличие переводческих калек в области лексики и синтаксиса [RAE: ladino; Sephiha, 1975, p. 117]. Считается, что ладино как калькированный язык еврейских переводов на испанский восходит к XIII в., а джудезмо ведет свое начало с 1492 г., т. е. с момента изгнания сефардов из Испании [Sephiha, 1975, p. 122].

⁷ Танах – название еврейской Библии (в христианской традиции – Ветхого Завета). Танах – акроним названий трех разделов еврейского Священного Писания: Тора (Пятикнижие Моисеево), Невиим (Пророки), Ктувим (Писания) [ЭЕЭ: Танах]. Талмуд (евр. 'учение') – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма в их единстве [ЭЕЭ: Талмуд]. Также издавались отдельные книги Библии, чаще всего Песнь Песней, Книга Руфь и Есфирь [Pueyo Mena, 2014, p. 177]. Первый сефардский печатный перевод Библии на испанский в еврейской графике – *Biblia de Constantinopla* (1547 г.). Первый перевод еврейской Библии на испанский в латинской графике – *Biblia de Ferrara* (1553 г.). Феррарская Библия послужила основой для протестантских переводов Библии на испанский язык, выполненных Касиодором де Рейна (*Biblia de Oso*, 1569) и Сиприано де Валера (*Biblia de Cántaro* или *Biblia Reina-Valera*, 1602) [Hassán, 1994, p. 355]. Большинство сохранившихся средневековых переводов Библии на испанский сделаны не с Вульгаты, как в других католических странах, а непосредственно с древнееврейского и арамейского. Выполняли такие переводы сефарды. Христианские переводчики часто обращались к переводам сефардов [Pérez Alonso, 2011, p. 392]. Помимо религиозной литературы также сохранился большой корпус научных трактатов, художественной литературы и др.

⁸ Исп. 'Литература (на) алхамиадо'.

с дефиницией⁹ ‘текст на испанском языке в арабской графике’ вошло в «Словарь испанского языка» Королевской академии испанского языка в 1884 г. [DRAE: aljamiado].

Поначалу словом *алхамиа*, то есть ‘неарабский, иностранный, чужой’, мусульмане аль-Андалуса обозначали язык местного христианского населения.¹⁰ Поскольку тексты, записанные на испанском (в латинской, а позже и арабской графиках), они стали называть текстами *на алхамиа* (исп.-араб. en aljamía), то и для ученых они уже были *manuscritos aljamiados* (букв. ‘рукописи алхамиадо’), тем более, что прежде словом *aljamiado* испанские христиане называли мусульман, умевших говорить на испанском (от глагола *aljamiar* ‘говорить на алхамиа’, т. е. на испанском)¹¹ [DLE: aljamiado].

Дело, однако, в том, что со временем некоторые языковеды стали использовать термин «алхамиадо» расширительно, ошибочно обозначая им и испанские тексты в еврейской графике тоже. К сожалению, с 1992 г. он закрепился в этом значении в «Словаре испанского языка» [DRAE: aljamía]. С такой трактовкой слова, наделенного терминологическим значением, по изложенным выше причинам трудно согласиться. Также можно привести еще несколько аргументов в поддержку нашей позиции. Для обозначения текстов на испанском¹² в еврейской графике традиционно использовались другие термины: тексты на иудеоиспанском (исп. judeoespañol), джудезмо (исп. judezmo), ладино (исп. ladino), а также тексты на сефардском языке (исп. sefardí). Заметим, что сам этноним *сефарды*¹³ происходит от еврейского топонима Сфарад (евр. šəfārad) [DLE: sefardí], который традиция связывает с Испанией [ЭЕЭ: Сфарад]. Термин «ладино» использовался испанскими евреями для обозначения испанского языка **в его противопоставлении** еврейскому. Слово происходит от глагола *ladinar* (исп. ‘говорить на испанском’) [Lleal, 1992, p. 1]. Это показывает, что различные этнические группы не только объединялись вокруг испанского языка, но и одновременно стремились, несмотря на превратности истории, подчеркнуть свою автономию, сохранить, говоря современными терминами, свой культурный капитал. И для испанских иудеев, и для испанских мусульман графика языка Священного Писания (еврейская и арабская соответственно) были знаком их идентичности и служили не только средством записи текста, но и способом сохранения своей религиозной и культурной принадлежности в иноязычной среде.

2. Роль текстов на алхамиадо и джудезмо в исторической фонетике испанского языка

Благодаря арабской и еврейской письменности языковедам удалось установить или уточнить, какие именно звуки испанского языка обозначались рядом латинских букв в Средневековье. А. Небриха, описывая в «Грамматике»¹⁴ (1492 г.) испанские фонемы [š] = ç, [š̄] = x, [h] = h [Nebrija, 1492, I, p. 5], не нашел аналога-предшественника ни в греческом, ни в латыни, но обнаружил их в арабском и еврейском языках¹⁵ [Lapesa, 1981, p. 145] (табл. 1).

⁹ Aljamiado, da. 2. adj. Escrito en aljamía. Aljamía. 2. f. Texto morisco en romance, pero transcrito con caracteres árabes. [DLE: aljamiado; aljamía].

¹⁰ Исп. Aljamía < араб.-исп. al'aġamiyya < араб. a'ġamiyyah [DLE: aljamía].

¹¹ Ср. знаменитую цитату М. Сервантеса (Дон Кихот. Т. 1. Гл. 9): *Anduve mirando si parecia por allí algun Morisco aljamiado que los leyesse (...и вот стал я поглядывать, не идет ли мимо какой-нибудь мориск [алхамиадо], который мог бы мне это прочесть)* [пер. Н. Любимов] (1605 г.).

¹² Мультикультурализм создает амбивалентность в понимании выражения «тексты на испанском». Это не обязательно «написанные испанцами» испанские тексты.

¹³ Словом «сефарды» евреев стали называть после изгнания из Испании в 1492 г., когда евреи, покинувшие Испанию, поселились в различных областях Средиземноморья [Lleal, 1992, p. 1].

¹⁴ В русском переводе «Грамматика испанского языка. (Кн. I, гл. 5). О буквах и произношении кастильского языка». Грамматика А. Небрихи также доступна в электронной версии: <https://antoniodenebrija.elcastellano.org>.

¹⁵ Этот факт заставил А. Небриху, а вслед за ним и некоторых других исследователей предположить, что указанные фонемы появились в испанском под влиянием арабского языка. Однако эта гипотеза была позднее

Таблица 1

Антонио де Небриха. О буквах и произношении кастильского языка

Table 1

Antonio de Nebrija. De las letras e pronunciaciones de la lengua castellana

Испанский	Наш перевод (смысловой)
<p>...esto que nosotros escribimos con <i>x</i>, así es pronunciación propia de <i>moros</i> <...> que ni judíos, ni griegos, ni latinos, la conocen por suya...</p> <p>La <i>c</i> <...> cuando debajo de ella acostumbramos poner una señal que llaman cerilla, como en las primeras letras de estas dicciones: <i>çarça</i>, <i>çebada</i>; la cual pronunciación es propia de <i>judíos</i> y <i>moros</i>...</p> <p>La <i>h</i> no sirve por sí en nuestra lengua, mas usamos de ella para tal sonido cual pronunciamos en las primeras letras de estas dicciones: <i>hago</i>, <i>hecho</i>; la cual letra, aunque en el latín no tenga fuerza de letra, es cierto que como nosotros la pronunciamos, hiriendo en la garganta, se puede contar en el número de las letras, como los <i>judíos</i> y <i>moros</i>...</p>	<p>...тот [звук], который мы записываем [буквой] <i>x</i>, (такое есть) произношение, свойственное <i>маврам</i> <...>. Ни иудеи, ни греки, ни латиняне такого не знают...</p> <p>[Буква] <i>c</i> <...>, когда под нею мы имеем обыкновение ставить значок (который называют) <i>седилья</i>, как в первых буквах этих слов: <i>çarça</i>, <i>çebada</i>. Такое произношение свойственно <i>иудеям</i> и <i>маврам</i>...</p> <p>[Буква] <i>h</i> <...> сама по себе не служит в нашем языке для обозначения звуков. Мы ее используем для начальных звуков в словах <i>hago</i>, <i>hecho</i>. Эту букву, хотя в латыни и не обозначает отдельный звук, мы произносим, как бы царапая горло, как <i>иудеи</i> и <i>мавры</i>...</p>

Тексты на алхамиадо имеют огромную значимость для исследователей испанского языка, особенно в области исторической фонетики: «Тексты на алхамиадо морисков изобилуют <...> специфическими арабизмами: лексическими, фразеологическими и синтаксическими. Их транскрипция – прекрасное свидетельство, чтобы выяснить действительное произношение [испано-]романского¹⁶» [Lapesa, 1981, p. 263].

Транслитерация vs транскрипция. При издании рукописей или их фрагментов на испанском в арабской или еврейской графиках принято использовать их более или менее точную транскрипцию. С таким подходом нельзя согласиться, так как транскрипция текстов XI–XIX вв. всегда носит гипотетический характер и не дает четкого представления о возможном произношении транскрибируемых слов в описываемый исторический период. Нам кажется необходимым сопровождать любую такую транскрипцию обязательной научной транслитерацией, как можно более точно передающей орфографию исследуемого слова. Удачный пример такой транслитерации можно найти у Д. М. Буниса [Bunis, 2015, p. 84–90], представляющего варианты транслитерации в треугольных скобках (<>) и записывающего диакритические знаки надстрочными символами (в арабском).

опровергнута: факт, наличия в испанском языке в тот период звуков, близких к арабскому, не означает их заимствования. Появление в испанском звука [h] = h объясняется баскским влиянием, а звуки [š] = ç, [š] = x появились в процессе развития испанских сибилантов (см. ниже). Сегодня общепризнано, что испанский не заимствовал ни одной фонемы из арабского языка [Lapesa, 1981, p. 145].

¹⁶ Исп. Los textos aljamiados moriscos abundan, como es de esperar, en especiales arabismos léxicos, fraseológicos y sintácticos, y su transcripción es un precioso testimonio para conocer la pronunciación efectiva del romance [Lapesa, 1981, c. 263].

3. Сравнительная орфография текстов на испанском языке в арабской и в еврейской графиках

Тексты на алхамиадо записаны магрибским письмом, которое отличается от принятого на Востоке: кроме прочего, *kāf* (ك) пишется с одной точкой наверху (ك), а *phā'* (ف) с одной точкой внизу (ف). Буква *yā'* (ي) встречается без двух точек, что делает ее схожей с *алифом максурой* (ي) [Мазняк, Тихонова, 2022].

Тексты на джудезмо обычно записаны сефардским полукурсивом¹⁷, который в печати обычно передается шрифтом Раши. Этот шрифт широко использовался сефардами в Венеции и назван по имени еврейского ученого французского происхождения, известного комментариями к Библии и Талмуду. С изобретением книгопечатания комментарии Раши¹⁸ (1040–1105 гг.) набирались сефардским «раввинским» шрифтом, в то время как текст самого священного писания набирался квадратным шрифтом [ЭЕЭ: палеография].

Тексты на алхамиадо, как и тексты на арабском, записываются справа налево и в целом следуют нормам орфографии арабского языка: в текстах нет заглавных букв; обычно отсутствуют знаки пунктуации, хотя в отдельных рукописях все-таки встречаются точка (.), запятая (,) и вопросительный знак (?); часто встречается слитное написание не только артикля с существительным, как в арабском, но и местоимения с глаголом, предлога с существительным и т. п. Тексты на джудезмо также пишутся справа налево, однако слова разделяются пробелами и система пунктуационных знаков богаче [Мазняк, Тихонова, 2022] (табл. 2).

Таблица 2

Нормы транслитерации текстов в арабской и еврейской графиках

Table 2

Norms of Transliteration of Texts in Arabic and Hebrew Scripts

Алхамиадо					Джудезмо ¹⁹				
Исп. буква	Араб. буква		Назв.	Транслит. по DIN ²⁰	Исп. буква	Евр. буква		Назв.	Транслит. ²¹
	2	3				Кв.	Раши		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Гласные									
a	-	ā	<i>фатха, + 'алиф</i>	<a>, <'a>	a	א	ב	<i>алеф</i>	<'>
					-a	א	ב	<i>хе</i>	<h>
i	-	ī	<i>кясра, + 'алиф</i>	<i>, <'i>	i, e	י	י	<i>йод</i>	<y>
e	ē	ē	<i>фатха + 'алиф, + хамза</i>	<a'>, <.a'>					
u, o	ū	ū	<i>дамма, + 'алиф</i>	<u>, <'u>	u, o	ו	ו	<i>вав</i>	<w>
-	°		<i>сукун</i>	<o>					

¹⁷ С вариантами начертания букв, записанных сефардским полукурсивом, можно ознакомиться в книге С. Якерсона [Якерсон, 2015, с. 110–112].

¹⁸ Настоящее имя Шломо бен Ицхак. Раши (Rashi) – акроним от **R**abbi **S**hlomo **Y**itzhaki (евр. 'наш учитель Шломо, сын Ицхака') [ЭЕЭ: Раши].

¹⁹ С описанием соответствий букв еврейского и испанского алфавитов, а также с описанием обозначаемых ими звуков можно ознакомиться в трудах П. Паскуаля Рекуэро [Pascual Recuero, 1988. pp. 10–12].

²⁰ В данной работе транслитерация приводится в соответствии с системой, разработанной в DIN (Немецкий институт по стандартизации). Наиболее распространенный стандарт научной транслитерации арабского языка – DIN-31635.

²¹ В данной работе транслитерация букв еврейского алфавита дается по изданию [Lambdin, 1998, p. 26].

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Разделительные полусогласные									
w	و	вāв	<w>	w	ו	ו	вав	<w>	
y	י	йā' ²	<y>	y	י	י	йод	<y>	
-	א	'алиф	<'>	-	א	א	алеф	<'>	
Согласные									
b	ב	бā'		b	ב	ב	бет		
				v ¹	ב	ב	бет + рафе		
ç	ס	сйн	<s>	s, ç	ס	ס	самех	<s>	
ch ¹	ח	джйм + ташидид	<çç>	ch ¹	ח	ח	гимель + рафе	<ç>	
d	ד	дāль	<d>	d	ד	ד	дāлет	<d>	
f	פ	фā' ²	<f>	f ¹	פ	פ	не + рафе (кон.)	<f>	
					פ	פ			
g	ג	гайн	<g>	g	ג	ג	гимель	<g>	
j	י	джйм	<ç>	j	י	י	заин + рафе	<ç>	
k	ק	кāф	<k>	k	ק	ק	коф	<k>	
l	ל	лāм	<l>	l	ל	ל	ламед	<l>	
ll ¹	ל	лāм + ташидид	<ll>	ll ¹	ל	ל	ламед + йод + йод	<lyy>	
m	מ	мāм	<m>	m	מ	מ	мем ³	<m>	
					מ	מ			
n	נ	нāн	<n>	n	נ	נ	нун ³	<n>	
					נ	נ			
ñ ¹	נ	нāн + ташидид	<nn>	ñ ¹	נ	נ	нун + йод + йод	<nyy>	
p ¹	פ	бā' + ташидид	<bb>	p	פ	פ	не ³	<p>	
					פ	פ			
r	ר	рā'	<r>	r	ר	ר	реш	<r>	
rr ¹	ר	рā' + ташидид	<rr>						
t	ט	тā'	<t>	t	ט	ט	тет	<t>	
x	ש	шāн	<š>	x	ש	ש	шин + рафе	<š>	
z	ז	зāй	<z>	z	ז	ז	заин	<z>	
Буквы, редкие в алхамиадо				Буквы, редкие в джудезмо					
Согласные (поздние рукописи)				Согласные (редкие в иберо-романских словах)					
d	ד	зāль	<d>	e, a	ע	ע	аин	<'>	
z, c(e/í)	צ	сā'	<ç>	h	ח	ח	хет	<ç>	
h	ה	хā'	<h>	k	כ	כ	каф ³	<k>	
					כ	כ			

1	2	3	4	5	6	7	8	9
t	ط	<i>tā'</i>	<ṭ>	s	ṣ	ṣ	цади ³	<ṣ>
q	ق	<i>qāf</i> ²	<q>		ṣ̣	ṣ̣		
Согласные (арабские слова)				s	ṣ̣	ṣ̣	<i>син</i>	<ṣ̣>
h	ح	<i>ḥā'</i>	<ḥ>	t	ṣ̣	ṣ̣	<i>тав</i>	<ṣ̣>
h	خ	<i>ḫā'</i>	<ḫ>					
z	ظ	<i>ẓā'</i>	<ẓ>					
ṣ	ص	<i>ṣād</i>	<ṣ>					
ḍ	ض	<i>ḍād</i>	<ḍ>					
'	ع	<i>'ayn</i>	<'>					
Лигатура								
la	ال			al		ḷ		

¹ Обозначения для звуков испанского языка, специально разработанные в алхамиадо: *p, ch, rr, ll*. Обозначения для звуков испанского языка, специально разработанные в джудезмо: *y, ch, f, v; ll, ñ*.

² Буквы *ḫā'* (خ) <ḫ>, *qāf* (ق) <q>, *īā'* (ي) <y> представлены в магрибском начертании.

³ В верхней строчке представлен вариант буквы в начальной и срединной позициях, в нижней – в конечной.

4. Транслитерация гласных

Огласовка в алхамиадо. Тексты на алхамиадо, в отличие от арабских, всегда огласованы (исключение – Коран). В арабском языке встречаются только три знака для обозначения гласных: *фатха* (َ) <^a>, *кяса* (ِ) <ⁱ>, *дамма* (ُ) <^u>. В алхамиадо *дамма* (ُ) <^u> используется для обозначения испанских звуков [u] и [o].²² Обычно исследователи транскрибируют *дамму* (ُ) <^u> в соответствии с современной орфографией слова. В алхамиадо есть отдельное обозначение звука [e]: сочетание *фатхи* (َ) <^a> и *'алифа* (ا) <'> (табл. 3).

Таблица 3

Огласовка в алхамиадо

Table 3

Vocalization in Alhamiado

Исп.	Алхамиадо	Транслитерация по DIN	Транскрипция ²³	Испанский
a	أَبَارَانْدَارْ	< ^a p ^a r ^a n ^o d ^a r ^o >	ap ^e render	aprender
i	بِيَانْ	<b ⁱ y ^a n ^o >	bi ^e en	bien
u, o	مُرِيْ	<m ^u r ^u y ^u >	muryó	murió
e	مَدْرَا	<m ^a d ^o r ^a >	madre	madre

Обозначение гласных в джудезмо. В джудезмо для обозначения гласных используются буквы еврейского алфавита, как и в идише: *алеф* (א) <'>, *хе* (ח) <h>, *вав* (ו) <w>, *йод* (י) <y>. Буква *вав* (ו) <w> обозначает звуки [o] и [u]; *йод* (י) <y> – [i] и [e]; *алеф* (א) <'> – [a] в любой

²² Мориски не разработали обозначения для звука [u]. Возможно, потому, что фонологической нагрузки у этих заднеязычных фонем было мало.

²³ Здесь и далее транскрипция на алхамиадо приводится из опубликованных текстов [см. Мазняк, Тихонова, 2022].

позиции, *хе* (ח) <h> – олько в конечной (табл. 4). Буквы *алеф* (א) <'> и *йод* (י) <y> также используются как разделительные гласные в дифтонгах и зияниях (табл. 4).

Таблица 4

Обозначение гласных в джудезмо

Table 4

Designation of Vowels in Ladino

Исп. буквы	Евр. буквы	Джудезмо	Транслит.	Транскрип. ²⁴	Исп.
а	<i>алеф</i> (א) <'>	לס	<l's>	las (1:2)	las
		אגואס	<'gw's>	aguas (1:6)	aguas
-а	<i>хе</i> (ח) <h>	לה	<lh>	la (1:1)	la
і	<i>йод</i> (י) <y>	דישו	<dyšw>	disho (1:3)	dijo (<i>dixo</i>)
		י	<'y>	i (1:1)	y
е	<i>йод</i> (י) <y>	סוברי	<swbry>	sovre (1:2)	sobre
		יל	<'yl>	el (1:1)	el
о	<i>вав</i> (ו) <w>	לס	<lws>	los (1:1)	los
u		לז	<lwz>	luz (1:3)	luz

Начальный гласный. Как и в арабском, в алхамиадо слово не может начинаться с гласного. Поэтому для слов, начинающихся с гласной, в качестве «подставки» для огласовок используется смычный ларингальный согласный ‘алиф (א) <'>, а для начального *e-* – хамза (ء) (табл. 5).

Таблица 5

Начальный гласный в алхамиадо

Table 5

Initial Vowel in Alhamiado

Алхамиадо	Транслит. по DIN	Транскрип.	Исп.
أَغْوَا	<'ağ ^u w ^a >	agu ^w a	agua
أَبْرَأَنْدَارْ	<'a ^p a ^r 'a ⁿ o ^d a ^r 'o>	ap ^e render	aprender
ءَأَنْتَارَا	<.a ⁿ o ^t 'a ^r 'a>	ent ^e re	entre

В джудезмо перед начальным гласным используется буква *алеф* (א) <'> (см. табл. 6). При этом если слово начинается с *a-*, то используется только буква *алеф* (א) <'>.

Таблица 6

Начальный гласный в джудезмо

Table 6

Initial Vowel in Ladino

Нач. гласный	Джудезмо	Транслит.	Транскрип.	Исп.
e-	יל	<'yl>	el (1:1)	el
	ירה	<'yrh>	era (1:1)	era
	ינטרי	<'yntry>	entre (1:4)	entre
і-	י	<'y>	i (1:1)	y
	יוז	<'yzw>	izo (1:16)	hizo
u-	ון	<'wn>	un (1:5)	un
a-	אגואס	<'gw's>	aguas (1:1)	aguas

²⁴ Здесь и далее транскрипция джудезмо приводится по изданию [Sefer Tora, 1873. P. 1-3].

Разделительный полусогласный. Как и в арабских текстах, в алхамиадо не могут указываться два гласных подряд, поэтому в дифтонгах используется разделительный полусогласный *īā'* (ى) <y> или *vāw* (و) <w>, которые в транскрипции принято записывать надстрочными знаками (табл. 7).

Таблица 7

Обозначение дифтонгов в алхамиадо с буквами *īā'* (ى) <y> и *vāw* (و) <w>

Table 7

Designation of Diphthongs in Alhamiado with Letters *yā'* (ى) <y> and *wāw* (و) <w>

Араб. буква	Алхамиадо	Транслит. по DIN	Транскрип.	Исп.
<i>īā'</i> (ى) <y>	بِيَانْ	<b ⁱ y ^a n ^o >	bi ^y en	bien
<i>vāw</i> (و) <w>	بُوَاشْتُرْ	<b ^u w ^a š ^o t ^u r ^u >	vu ^w ext ^o ro	vuestro

В джудезмо буква *алеф* (ב) <'> используется как разделительный согласный в дифтонгах с *и* (см. табл. 8). При этом в дифтонге [ua] буква *алеф* (ב) <'> используется один раз для обозначения гласного [a].

Таблица 8

Разделительный *алеф* (ב) <'> в дифтонгах в джудезмо

Table 8

Letter *alef* (ב) <'> in Diphthongs in Judesmo

Дифтонги	Джудезмо	Транслит.	Транскрип.	Исп.
[ue]	פּוּי	<phw'y>	fue (1:3)	fue
	בּוּינָה	<bw'ynh>	buena (1:4)	buena
[ui]	פּוּיִסְטִי	<phw'yesty>	fuiste (3:19)	fuiste
[uo]	פּרַאגּוּוּ	<phr'gw'w>	fraguo (2:22)	fraguó
[eu]	פּוּיִפּרַאטִיס	<'y'wphr'tys>	Eufrates (2:14)	Eufrates
[au]	פּלַאטָא	<phl''wth>	flauta (4:21)	flauta
[ua*]	פּאגּוּוּ	<'gw's>	aguas (1:6)	aguas

В зияниях буква *алеф* (ב) <'> также используется как разделительный полусогласный (табл. 9).

Таблица 9

Разделительный согласный *алеф* (ב) <'> в зияниях

Table 9

Letter *alef* (ב) <'> in Hiatus

Зияния	Джудезмо	Транслит.	Транскрип.	Исп.
eo	קריאו	<kry'w>	krio (1:1)	creó
ía	דיאה	<dy'h>	dia (1:5)	día
	בַּזְיָה	<b'zy'h>	vazia (1:2)	vacía
ea	סיהא	<sy'h>	sea (1:3)	sea

В дифтонгах с [i] в качестве разделительного полусогласного используется *йод* (י) <y> (см. табл. 10).

Таблица 10

Разделительный йод (◌) <y> в дифтонгах в джудезмо

Table 10

The letter yod (◌) <y> in a Diphthong in Judesmo

Дифтонги	Джудезмо	Транслит.	Транскрип.	Исп.
[io]	פרינסיפיו	<prynsyry ^o >	prinsipio (1:1)	principio
	דיו	<dy ^w >	Dio (1:1)	Dios
[ai]	אירי	<'yry>	aire (3:8)	aire

При этом в дифтонгах [ia], [ie], [ei] разделительный йод (◌) <y> не используется (табл. 11).

Таблица 11

Полусогласный йод (◌) <y> в дифтонгах в джудезмо

Table 11

The Letter yod (◌) <y> in a Diphthong in Judesmo

Дифтонги	Джудезмо	Транслит.	Транскрип.	Исп.
[ie]	סילוס	<syylws>	sielos (1:1)	cielos
	טיירה	<tyyrh>	tierra (1:1)	tierra
[ei]	ריינו	<ryynw>	reino (10:10)	reino
[ia]	קריאדוס	<kry ^w dws>	kriados (2:4)	criados

В целом, сочетания для обозначения дифтонгов менее стабильны, чем в алхамиадо. Еще меньшая стабильность в обозначении дифтонгов и гласных в целом встречается в итальянских текстах в еврейской графике [Воевуцкий, 1987, с. 39–41]. О проблеме обозначения гласных в джудезмо подробно в [Pascual Rescuero, 1988, pp. 13–16].

Сукун (◌) <◌>. В алхамиадо для указания на отсутствие гласного, следующего за согласным, как и в арабском, используется сукун (◌) <◌>, который в транскрипциях обычно специально не обозначается (табл. 12).

Таблица 12

Сукун (◌) <◌> в алхамиадо

Table 12

Sukun (◌) <◌> in Alhamiado

Алхамиадо	Транслит. по DIN	Транскрип.	Исп.
كُول	<k ^u w ^a l>	ku ^w al	cual

В джудезмо подобные символы не используются.

Разделительный гласный. Как и в арабских текстах, в алхамиадо в начале слога не могут использоваться два согласных подряд.²⁵ Поэтому в испанских словах такие согласные разделяются гласным, дублирующим гласный, следующий за ними. Так, гласный *i* из слога *pri-* по-

²⁵ Укоренившееся в западных научных кругах положение о том, что мориски пользовались разделительным гласным строго следуя правилам арабской орфографии, не кажется исчерпывающим, так как они широко использовали сукун для обозначения закрытого слога. Не понятно, почему мориски не воспользовались этим знаком и при передаче стечения согласных в начале слова или в закрытом слоге. Возможно, за этим явлением стояли иные причины. Можно предположить, что мориски не могли произнести стечение согласных в начале слова, подобно тому, как испанцы не могут произнести стечение согласных, в частности, в культизмах: *sp-*, *sc-*, *pn-*, *pt-*, *ps-*; а также др.: *pneumático* > *neumático*, *psicología* [sicología], *septiembre* [setiembre], и т. д. Это приводит к появлению протетического гласного *e-* в начале слова при произнесении либо к афэрезе первого из двух согласных в начале слога (часто в начале слова) [DLE: aféresis; prótesis; eréptesis]. Этот процесс наблюдается как в процессе эволюции испанского языка из латыни, так и в поздних заимствованиях: *scaena* > *escena*, *scholam* > *escuela*, *scribere* > *escribir*, *spatium* > *espacio*; *slogan* > *eslogan*; *scanner* > *escáner*, *spaghetti* > *espagueti*; *scaphandre* > *escafandra*. В разговорной речи такое незафиксированное словарем произношение расценивается как фонетический вулгаризм [IC, 2013, p. 20–21; Satorre Grau, 2012]. При произнесении иностранных слов, например, русских, испанцы добавляют протетический *e-* в начале слова: *espasibo*, *Estalín* и т. д. Так, советские народы, в чьем языке слово не могло начинаться с двух согласных, произносили русские слова, добавляя протетический гласный в начале слова: *испасибо*. Явление протезы

вторяется для разделения двух согласных *p'ri-*. Обычно такие гласные в транскрипции также записываются надстрочными знаками (табл. 13).

Таблица 13

Разделительный гласный в стечении согласных в начале слога в алхамиадо

Table 13

Dividing Vowel in a Consonant Cluster at the Beginning of a Syllable in Alhamiado

Алхамиадо	Транслит. по DIN	Транскрип.	Исп.
بِرِمَارُ	<p ⁱ r ⁱ m ^a r ^u >	p ⁱ rimero	primero
بُؤاشْتُرُ	<b ^u w ^a ʕ ^o t ^u r ^u >	vu ^w ext ^o ro	vuestro

Этот факт заставляет усомниться в справедливости укоренившегося представления о том, что испанские мусульмане использовали разделительный гласный исключительно руководствуясь правилами арабской орфографии. Известно, что в X в. в текстах испанских христиан в латинской графике было зафиксировано использование разделительного гласного (v), особенно в Леоне: *egueslesia* вместо *eglesia* (исп. *iglesia* ‘церковь’); *yélemo* вместо *yelmo* (исп. *yelmo* ‘шлем’). А в тексте священника Ильдередо встречается разделительный гласный: *Peropia nostra voluntate, vendemus tibe Salvatore et uxore tua Peraciosa terras nostras peropias, juxta felumen Torio in loco peredicto*²⁶. Но это явление, наблюдавшееся как в разговорном староиспанском, так и в испанском варианте письменной латыни в X в., принято объяснять гиперкоррекцией и пуризмом [Menéndez Pidal, 1979, pp. 159–160]. Возможно, они же повлияли на орфографию морисков.

В джудезмо разделительный гласный не используется.

5. Транслитерация согласных

Tashdid (ّ). Для обозначения испанских звуков, отсутствующих в арабском языке, в алхамиадо был разработан ряд постоянных обозначений с применением знака *tashdid* (ّ) (табл. 14).

Таблица 14

Обозначения в алхамиадо с применением знака *tashdid* (ّ)

Table 14

Designations in Alhamiado Using the Sign *Tashdid* (ّ)

Исп. буква	Араб. буква	Алхамиадо	Транслит. по DIN	Транскрип.	Исп.
b	ب	شَبِيْشْ	<š ^a b ⁱ y ^u š ^o >	xabi ^y ux	sabios
p	بْ	بَارْدُنْ	<bb ^a r ^o d ^u n ^o >	perdón	perdón
j, g(e/i)	ج	جَانْتَاشْ	<ğ ^a n ^o t ^a š ^o >	ğentex	gentes
ch	حْ	فَاْحْ	<f ^a ğğ ^u >	fecho	hecho
l	ل	لَشْ	<l ^u š ^o >	lox	los
ll	لْ	دَالَشْ	<d ^a ll ^u š ^o >	dellox	dellos
n	ن	بَارْدُنْتَا	<bb ^a r ^o d ^u n ^a t ^a >	perdonate	perdónate
ñ	نْ	شَاَنْرْ	<š ^a nn ^u r ^a >	xeñora	señora
r	ر	رَاَكْتَنْدُرْ	<r ^a k ^u n ^o t ^a d ^u r ^o >	rrecontador	rrecontador
rr	رْ	رَاَكْتَنْدُرْ	<rr ^a k ^u n ^o t ^a d ^u r ^o >	rrecontador	rrecontador

типично для заимствований в языках, не допускающих стечение согласных в начале слова (арабском, персидском, тюркских языках и др.): перс. [эстэх’ан] – ‘стакан’, араб. [ištānbu:l] – ‘Стамбул’ [ЛЭС: протеза].

²⁶ Лат. ‘По собственной нашей воле. продаем тебе, Сальвадор, и жене твоей Пресьосе [исп. прекрасная] земли наши собственные, а также реку Торио в означенном месте.’

Rafe (◌). В джудезмо для обозначения испанских звуков, отсутствующих в арабском языке, был разработан ряд постоянных обозначений с применением знака *rafe* (◌). В константинопольском издании Библии символы с *rafe* напечатаны следующим образом: **𐤁**. Однако из-за отсутствия электронного варианта такого начертания этого символа, в Раши его часто заменяют на начертание (◌). Эти обозначения можно встретить в примерах, показанных в таблице 15.

Таблица 15

Обозначения в джудезмо с применением знака *rafe* (◌)

Table 15

Notation in Judesmo Using the *Rafe* Sign (◌)

Исп. буква	Евр. буква	Джудезмо	Транслит.	Транскрип.	Исп.
b	ב	בואינה	<bw'yinh>	buena (1:4)	buena
v	בֿ	סוברי	<swbry>	sovre (1:2)	sobre
g	ג	אגואס	<'gw's>	aguas (1:6)	aguas
ch	כֿ	נוכֿ	<nwgg̃y>	noche (1:14)	noche
p	פ	פרינסיפיו	<prynsypyo>	prinsipio (1:1)	principio
f	פֿ	פואי	<phw'y>	fue (1:3)	fue
z	ז	לז	<lwz>	luz (1:3)	luz
j	יֿ	סיזינו	<syzzynw>	sejeno (1:31)	siguiente
ז ²⁷					
x	צֿ	דישֿ	<dyšw>	disho (1:3)	dijo (<i>dixo</i>)

Обозначение палатальных согласных. Для обозначения испанских палатальных согласных – бокового палатального сонанта [ʎ] и палатального носового согласного [ɲ], на письме представляемых *ll* и *ñ* соответственно – в джудезмо используются сочетания с *iod* + *iod* (״) <yy> (табл. 16).

Таблица 16

Обозначение палатальных согласных в джудезмо

Table 16

Special Notations of Palatal Consonants in Judesmo

Исп. буква	Евр. буква	Джудезмо	Транслит.	Транскрип.	Исп.
ll	ל״ל	ליאמו	<lyu'mw>	yamo (1:5)	llamo
ñ	ני	מאניאנה	<m'nyu'n'>	manyana (1:5)	mañana

Таким образом, специальные символы, разработанные в джудезмо и алхамиадо для нормирования чтения ряда звуков испанского языка, неодинаковы в двух системах (см. табл. 17). В алхамиадо были введены особые обозначения для испанских звуков, передаваемых латинскими графемами *ll*, *ñ*, *ch*, *p*, *rr*. Звуки [f], [j], [x] передавались буквами арабского алфавита. Для звуков, обозначаемых на письме латинской *v*, в алхамиадо особых символов не было. В джудезмо были разработаны символы для графем *ll*, *ñ*, *ch*, *f*, *x*, *j*, а также для фонемы, соответствующей латинской *v*. Звук, обозначаемый латинской *p*, передавался в нем с помощью буквы еврейского алфавита. Для звука, передаваемого латиницей как *rr*, обозначения не существовало.

²⁷ Примеров использования буквы *sin* (ס) [š] в Константинопольской Библии нам обнаружить не удалось.

Таблица 17

Специальные обозначения для согласных в алхамиадо и джудезмо

Table 17

Special notations for consonants in Alhamiado and Judesmo

Исп. графема	Алхамиадо	Джудезмо
ll	ля̄м + ташидид (ل) <ll>	ламед + йод + йод (לל) <lyy>
ñ	н̄н + ташидид (ن) <nn>	нун + йод + йод (נו) <nyy>
rr	р̄а' + ташидид (ر) <rr>	-
p	б̄а' + ташидид (ב) <bb>	не
f	ф̄а'	не ¹ + рафе (פ) <p>
v	-	бет + рафе (ב)
j	дж̄йм	заин + рафе (י) <z>
ch	дж̄йм + ташидид (כ) <ġġ>	гимель + рафе (כ) <g>
x	ш̄йн	шин + рафе (ש) <š>

Обозначение сибилантов в испанском языке в арабской и еврейской графиках. Система согласных (консонантов) средневекового испанского насчитывала семь сибилантов²⁸, шесть из которых составляли пары: альвеолярные аффрикаты (глухая [ʃ] и звонкая [ʒ]), апи-ко-альвеолярные фрикативные фонемы (глухая [ʃ̣] и звонкая [ʒ̣]), препалатальные фрикативные (глухая [ʃ̠] и звонкая [ʒ̠]) и постальвеолярная аффриката [tʃ], которая дошла без изменений до наших дней.

Существует два пути развития этой системы: северный и южный. В северном варианте развития на первом этапе произошла фрикативизация пары аффрикат, на втором – оглушение звонких сибилантов в парах и их совпадение с глухими, на третьем – расподобление оставшихся трех фонем [Alarcos, 1965, pp. 268–272; Alonso, 1955, pp. 336–337; Коряков, 2008, с. 8–10].

В южном варианте на первом этапе произошла фрикативизация альвеолярных аффрикат, а на втором – слияние получившихся зубных фрикативных фонем с апи-ко-альвеолярными. Такая система сохранилась в португальском и в сефардском [Lapesa, 1983, pp. 527–528]²⁹. В Андалусии на третьем этапе произошло упрощение системы при совпадении глухих и звонких, после – переход [ʃ] > [χ] под влиянием кастильского. Далее образовались диалекты типа *seseo* и *ceceo*. В последнем произошла десибилантизация зубного [ʃ], перешедшего в [θ] (табл. 18) [Коряков, 2008, с. 9–10].

²⁸ Встречаются следующие фонетические обозначения этих звуков: [ʃ] = [ts] = [tʃ], [ʒ] = [dz] = [dʒ], [ʃ̣] = [s] = [ʃ̠], [ʒ̣] = [z] = [ʒ̠], [ʃ̠] = [ʃ̣], [ʒ̠] = [ʒ̣], [tʃ].

²⁹ О дальнейшем развитии сибилантов в сефардском см. [Lleal, 1992, p. 34].

Таблица 18

Обозначение испанских сибилантов в арабской и еврейской графиках

Table 18

The Designation of Sibilants in Spanish in Arabic and Hebrew Scripts

Север				Иберо-ром.	Юг	
XV-XVI	XVII	XVI	XV	XIV	XV	
Исп.				Звук/ лат. буква	Анд.	Сеф.
					XV	XV – н.в.
Араб. граф.	Диссимиляция	(фрик.) оглуш.<			(>фрик.>) слияние	Евр. граф.
шйн (ش) <š>	[s ₂] <	[š] <	[š]	> [š] > [š]	> [s] > [z]	самех (פ) <s>
			[z]			заин (צ) <z>
сйн (ס) <s>	[θ] <	[s ₁] < [š] <	[š]	[š]	[z]	самех (פ) <s>
зай (ז) <z>			заин (צ) <z>			
шйн (ש) <š>	[χ] <	[š] <	[š]	> [š]		шин (שׁ) <š>
джйм (ج) <ğ>			[ğ]	> [ğ]	> [ğ], [dʒ]	заин + рафе (ר) <z>
джйм + ташид (ج) <ğğ>	[tʃ] =		[tʃ]	= [tʃ]		гимель + рафе (ך) <g>

В арабской графике звуки, передаваемые латинской *ç* (*ce/i*), обозначались арабской *сйн* (س) <s>, а звуки, передаваемые латинскими *s*, *x*, а также *-ss-*, – арабской *шйн* (ش) <š>³⁰. Это явление Р. Менендес Пидаль объясняет феноменом *seseo*³¹, распространенном среди испанских мусульман [Menéndez Pidal, 1902, p. 26–29]. Орфографию таких слов можно сравнить в примерах, приведенных в таблице 19³².

Лигатура. В арабо-испанских и арабо-португальских текстах также встречаются лигатуры. Наиболее распространенная из них – *лям-алиф*³³: ل [Мазняк, Тихонова, 2022]. В джудезмо существует лигатура *алеф-ламед*: א.

В качестве образцов текста на ладино и джудезмо приведем отрывок из Книги Бытия (лат. Genesis, евр. Bereshit) из Феррарской (1553 г.) и Константинопольской Библий (1873 г.) (табл. 19).

³⁰ Подробнее об особенностях представления «четырёх средневековых фонем исанского языка» (Р. Лапеса) в арабской графике см. [Тихонова, 2022b].

³¹ *Seseo* (исп. ‘шешео’) – от гл. *sesear*, произношение испанского звука [θ], обозначаемого латинскими буквами *z* и *c* (перед *e/i*), как варианта фонемы <s>, на письме обозначаемого латинской *s* [DLE: seseo, sesear].

³² Примеры, не отмеченные особо, взяты у [Bunis, 2015, p. 87]. Литерой *B* отмечены примеры из *Biblia de Constantinopla* (1873 г.), а *Y* – примеры из «Поэмы о Йусуфе» [Menéndez Pidal, 1902].

³³ В мусульманской каллиграфии эта лигатура становилась источником многочисленных метафор [Роузентал, 1978, с. 155].

Таблица 19

Феррарская Библия (1553 г.) и Константинопольская Библия (1873 г.)³⁴

Table 19

Ferrara Bible (1553) and Constantinople Bible (1873)

Феррарская Библия (1553 г.) (Быт. 1:1–5)³⁵
¹ En Principio crio el dio alos çielos y ala tierra. ² Y la tierra era vana y vazia: Y escuridad sobre façes de abysmo; y espirito del dío se mouia. ³ Y dixo el dio sea luz: y fue luz. ⁴ Y vido el dio ala luz q buena: y aparto el dio entre la luz y entre la escuridad. ⁵ E llamo el dio ala luz dia: y ala escuridad llamo noche: y fue tarde y fue mañana dia vno ³⁶ .
Константинопольская Библия (1873 г.) (Быт. 1:1–5) в оригинальной графике
<p>סיילום אי לה טיירה. אי לה טיירה אירה צ אנה אי צ איהא, א ין איל פרינספייו קריאו איל דייו לוס אזיסמו, אי איל אספיריטו דיל דייו סי מוז יאה אי אסקוריאה אד אסטא צ ה קוצ רי לאס פ אסיס דיל לוס, אי פ ואי לוח. אי צ ידו איל דייו לה לוח לאס פ אסיס די לאס אגואס. אי די א איל דייו, קיאה קוצ רי אי לה אסקוריאה. אי לייאמו איל דייו אה לה אירה בזאניה, אי אפארטו איל דייו אינטרי לה לוח קי אי פ ואי לה טארדי אי לה מאניאנה און דיאה. לוח דיאה, אי אה לה אסקוריאה לייאמו נוצ י;</p>
Константинопольская Библия (1873 г.) (Быт. 1:1–5) в транслитерации
<'yn 'yl prynsyry'w kry'w 'yl dy'w lws syylws 'y lh tyyrh. 'y lh tyyrh 'yrh v'nh 'y v'zy'h, 'y 'yskwryd'd 'yst'vh swvry l's f'sys dyl 'bysmw, 'y 'yl 'yspyrtw dyl dy'w sy mwvy'h swvry l's f'sys dy l's 'gw's. 'y dyxw 'yl dyyw, s'yh lwz, 'y fw'y lwz. 'y vydw 'yl dyyw lh lwz ky 'yrh bw'ynh 'y 'p'rtw 'yl dyyw 'ntry lh lwz 'y lh 'yskwryd'd. 'y lyy'mw 'yl dy'w 'h lh lwz dy'h 'y 'h lh 'yskwrydhd lyy'mw nwchy; 'y fw'y lh thrd' 'y lh m'nyu'nh 'wn dy'h>
Константинопольская Библия (1873 г.) в транскрипции Йегуды Сиди³⁷
¹ En el prinsipio krio el Dio los sielos i la tierra. ² I la tierra era vana i vazia; i eskuridad estava sovre las fases del abismo: i el espirito del Dio se movia sovre las fases de las aguas. ³ I disho el Dio, sea luz, i fue luz. ⁴ I vido el Dio la luz ke era buena: i aparto el Dio entre la luz i la eskuridad. ⁵ I yamo el Dio a la luz dia, i a la eskuridad yamo noche: i fue la tarde i la manyana un dia ³⁸ .

³⁴ Biblia de Constantinopla (1873) считается первой Библией на джудезмо, т. е. на разговорном языке [Sephaha, 1975, p. 121]. Перевод этой Библии предположительно был сделан Александром Томсоном (Alexander Thompson), главой протестантской шотландской миссии в Константинополе [García Moreno, 2013].

³⁵ Синодальный перевод (Быт 1:1): ¹В начале сотворил Бог небо и землю. ²Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. ³И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. ⁴И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. ⁵И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

³⁶ Оригинальная орфография сохранена [Biblia de Ferrara, 1533, p. 1].

³⁷ Этот фрагмент в оригинальной графике приведен ниже.

³⁸ Для сравнения приведем тот же отрывок из латинского перевода Библии – Вульгаты (IV в.), на который ориентировались все последующие переводы на испанский: ¹In principio creavit Deus caelum et terram. ²Terra autem erat inanis et vacua, et tenebrae erant super faciem abyssi: et spiritus Dei ferebatur super aquas. ³Dixitque Deus: Fiat lux.

6. Коллекция текстов на джудезмо в РНБ

Джудезмо нельзя считать абсолютной лакуной в российском текстовом пространстве. В Российской национальной публичной библиотеке в Санкт-Петербурге нами была найдена 21 рукопись на староиспанском в еврейской графике. Это рукописи из собрания А. С. Фирковича, описанные в трех каталогах. В каталоге «Ф.946. А. С. Фиркович. I собрание. Опись 2. Часть 1. (Евр. I)» (9 шт.): Ф.946 № 176 «Сборник различных сочинений и заметок на евр., исп. и перс. яз.» (XVIII в.); Ф.946 № 178 «Молитвенник по испанскому ритуалу. Пасхальные обряды объяснены по-исп.» (XVIII в.); Ф.946 № 234 «Соч. о законах резки скота на исп. и евр. яз.» (фрагмент) (XVII в.); Ф.946 № 303 «Сборник: Документы на исп.яз.; Комментар. на талмудический трактат «Баба Батра» (фрагмент)» (ок. 1473 г.); Ф.946 № 308 «Историческое соч. на яз. ладино» (XVII в.); Ф.946 № 309 «Медицинское соч. на араб. и исп. яз.» (фрагменты двух рукописей) (XVI в.); Ф.946 № 310 «Полемика с христианскими авторами на исп. яз. (соч. ибн Бенвениста) и на евр. яз.» (неуст. авт.) (XVI в.); Ф.946 № 340 «Сборник медицинских и симпатических средств. На евр. и исп. яз.» (XVII в.); Ф.946 № 372 «Сочинение о дрожании разных частей тела. На евр. и исп. яз. Здесь же – молитвы при бросании жребия» (XVII в.). Рукопись Ф.946. I собрание. № 308 описана в статье А. Марковой [Markova, 2009].

В каталоге «Ф.946 А. С. Фиркович. II собрание. Небиблейские еврейские рукописи. Опись 4. Часть 5. (Евр. II А)» (11 шт.): Ф.946 № 161-6 «Первые четыре строфы изеслихот «Эле Эзера» с переводом на испанский язык»; Ф.946 № 161-6а «Из стихотворения на испанском языке в честь Иосифа»; Ф.946 № 161-7а «Моисей Альмоенино (17 в.). Сочинение на испанском языке по астрологии»; Ф.946 № 403 «Из сочинения на еврейско-испанском языке (?); Ф.946 № 416 «Комментарии на Библию, Талмуд и др. на испанско-еврейском языке»; Ф.946 № 431 «Из сочинения на еврейско-испанском языке»; Ф.946 № 545-1 «Из сочинения на еврейско-испанском языке»; Ф.946 № 770 «Из медицинского сочинения на итальянском или испанском языке»; Ф.946 № 785 «Из сочинения на спаньолском языке»; Ф.946 № 2160 «Комментарий на кн. Иеремии на яз. ладино (спаньолском)³⁹»; Ф.946 № 2408 «Медицинский трактат на яз. ладино». Рукопись Ф.946. Евр. II А. № 161-7а описана в статье А. М. Марковой [Маркова, 1990].

В каталоге «Ф.946. А. С. Фиркович. Еврейско-арабские рукописи. Новая серия. Опись 4. Часть 2/1. (Евр.-Араб. II)» упоминается одна рукопись (1 шт.): Ф.946 № 1169 «Сочинение на испанском яз. (еврейскими буквами)» (фрагмент) (XVI в.).

Заключение

Для историков испанского языка большое значение имеют тексты на испанском языке в арабской (XIV–XVII вв.) и в еврейской графике (XVI – начало XX вв.). Первые называются текстами на алхамиадо и были созданы испанскими мусульманами на отвоеванных в ходе Реконкисты землях. Тексты на испанском в еврейской графике (ладино и джудезмо) были написаны сефардами (испанскими иудеями) по большей части после изгнания в 1492 г. Для более точной реставрации возможного произношения автор считает необходимым при работе с испанскими текстами в арабской и еврейской графиках использовать не транскрипцию, всегда носящую гипотетический характер, а строгую транслитерацию.

Несмотря на то, что оба вида текстов записаны семитскими алфавитами, их орфография существенно отличается. Для передачи согласных звуков испанского языка, отсутствующих в арабском, в алхамиадо были разработаны специальные обозначения с применением знака *tauidid* ('): *ll*, *ñ*, *p*, *ch*, *rr*. В джудезмо также был разработан ряд символов с применением знака

Et facta est lux. ⁴Et vidit Deus lucem quod esset bona: et divisit lucem a tenebris. ⁵Appellavitque lucem Diem, et tenebras Noctem: factumque est vespere et mane, dies unus [Vulgata].

³⁹ В описании А. С. Фирковича неоднократно используется слово «спаньолский», но не встречается слово «гишпанский».

рафе (ʿ) *v, f, j, x*; а также сочетания с *йод* (י) для обозначения палатальных звуков (на письме // и ñ). Особое значение с точки зрения исторической фонетики имеют различия в письменном обозначении сибилянтов, которые представляют собой два варианта развития испанских сибилянтов: «северный» для алхамиадо и «южный» для джудезмо.

Однако в системе передачи гласных звуков расхождений значительно больше. Эти различия в первую очередь связаны с разным принципом передачи гласных в двух системах. Алхамиадо основывается на системе огласовок, разработанной в арабской коранической литературе, в то время как в джудезмо для этого были адаптированы буквы еврейского алфавита, обозначавшие полусогласные и даже согласные звуки.

Несмотря на значимость этих текстов в первую очередь для исторической фонетики, трудно переоценить их значение и для специалистов в области лингвокультурологии. Нормы строгой транслитерации, изложенные в данной статье, делают возможной дешифровку испанских текстов в арабской и еврейской графике не только силами арабистов и гебраистов, но и специалистов по романским и другим языкам.

Список литературы

- Воевуцкий И. Н.** Палеография иудейско-итальянских текстов // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования Ежегодник 1978–1979. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 34–44.
- Мазняк М. М., Тихонова О. В.** Сравнительная орфография испанских и португальских текстов в арабской графике // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та, 2022. № 1. С. 57–64.
- Маркова А. М.** Неизученный астрономический сборник из собрания рукописей А. С. Фирковича // Восточный сборник, 1990. № 4.
- Тихонова О. В.** «Четыре средневековые фонемы» испанского языка в арабской графике // Преподаватель XXI век, 2022. № 1. С. 286–295.
- ЭЕЭ.** Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/> (дата обращения: 4.12.2021)
- Якерсон С. М.** Оцар Сефарад – Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукописной к печатной традиции. СПб.: СПбГУ, 2015.
- Bernabé Pons L. F.** Los manuscritos aljamiados como textos islámicos // Mateos Paramio A. (ed.) Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Madrid: SECC/BNE, 2014. P. 27–44.
- Bunis D. M.** Jewish and Arab Medieval Ibero-Romance: Towards a Comparative Study / Silva Tavim J. A. R. (ed.) Jewish In the Iberian Peninsula and Beyond: Language and Aljamia. Cambridge: Cambridge Scholar Pub., 2015. Pp. 64–148.
- DIN.** Deutsches Institut für Normung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.din.de/de> (дата обращения: 4.12.2021).
- DLE.** Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 4.12.2021).
- DRAE.** Diccionarios de la Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://apps2.rae.es/ntllet/SrvltGUILoginNtlletPub/> (дата обращения: 4.12.2021).
- JE.** Jewish Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <https://jewishencyclopedia.com/> (дата обращения: 4.12.2021).
- Hassán I. M.** Introducción a la Biblia de Ferrara. Madrid: CSIC, 1994.
- Markova A.** Un fragmento manuscrito de una novela de caballerías en judeoespañol // Sefarad, 2009. № 69(1). Pp. 159–172.
- García Moreno A.** ¿Ante el primer diccionario monolingüe judeoespañol? // Sefarad: Revista de Estudios Hebraicos y Sefardíes, 2013. Año 73. № 2. Pp. 371–408.

- Lambdin T. O.** Introduction to Biblical Hebrew. Moscow: Russian Bible Society, 1998.
- Mateos Paramio A.** (ed.) Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Madrid: SECC/BNE, 2014. Pp. 27–44.
- Menéndez Pidal R.** El idioma español en sus primeros tiempos. Madrid: Espasa-Calpe, 1979.
- Menéndez Pidal R.** Poema de Yúçuf. Madrid: Tip. de la Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1902.
- Pascual Recuero P.** Ortografía del Ladino. Granada: Univ. de Granada, 1988.
- Pérez Alonso M. I.** Las biblias romanceadas medievales o la aventura de traducir la ‘verdad hebrayca’ al castellano // *Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea*, 2011. T. 62. № 188. Pp. 391–415.
- Pueyo Mena F. J.** El corpus bíblico del español sefardí: De la planificación a la edición crítica // *eHumanista: Journal of Iberian Studies*, 2014. № 28. Pp. 172–204.
- Quintana A.** Judeoespañol / M. Iliescu, E. Roegiest (eds.). Manuel des anthologies, corpus et textes romans. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. Pp. 205–219.

References

- Bernabé Pons, L. F.** Los manuscritos aljamiados como textos islámicos. In: *Memory of the Moriscos: Writings and stories of a cultural diaspora*. Madrid, SECC/BNE, 2014, p. 27–44.
- Bunis, D. M.** Jewish and Arab Medieval Ibero-Romance: Towards a Comparative Study. In: *Jewish In the Iberian Peninsula and Beyond: Language and Aljamia*. Cambridge: Cambridge Scholar Pub., 2015, pp. 64–148.
- DIN.** Deutsches Institut für Normung [Online]. URL: <https://www.din.de/de> (accessed on: 4.12.2021).
- DLE.** Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española [Online]. URL: <https://dle.rae.es/> (accessed on: 4.12.2021).
- DRAE.** Diccionarios de la Real Academia Española [Online]. URL: <https://apps2.rae.es/ntllet/Srvlt-GUILoginNtlletPub/> (accessed on: 4.12.2021).
- García Moreno, A.** ¿Ante el primer diccionario monolingüe judeoespañol? *Sefarad: Revista de Estudios Hebraicos y Sefardíes*, 2013, Año 73, no. 2, pp. 371–408.
- Hassán, I. M.** Introducción a la Biblia de Ferrara. Madrid: CSIC, 1994.
- Iakerson, S.** Ozar Sepharad: Sephardic Treasury. Sephardic Books from the Tenth to the Fifteenth Century. From Manuscripts to Printed Books. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015.
- JE.** Jewish Encyclopedia [Online]. URL: <https://jewishencyclopedia.com/> (accessed on: 4.12.2021).
- Jewish Encyclopedia in Russian [Online]. URL: <https://eleven.co.il/> (accessed on: 4.12.2021)
- Lambdin, T. O.** Introduction to Biblical Hebrew. Moscow: Russian Bible Society, 1998. (in Russ.)
- Markova, A.** Un fragmento manuscrito de una novela de caballerías en judeoespañol. *Sefarad*, 2009, no. 69(1), pp. 159–172.
- Markova, A. M.** The astronomic manuscript from the collection of Abraham Firkovich (National Library of Russia, St. Petersburg). *Vostochnyj sbornik*, 1990, no. 4. (in Russ.)
- Mateos Paramio, A.** (ed.) Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Madrid: SECC/BNE, 2014, pp. 27–44.
- Mazniak, M. M., Tikhonova, O. V.** Comparative orthography of Spanish and Portuguese texts in the Arabic script. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*, № 1 (2022), pp. 57–64. (in Russ.)
- Menéndez Pidal, R.** Poema de Yúçuf. Madrid: Tip. de la Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1902.
- Menéndez Pidal, R.** El idioma español en sus primeros tiempos. Madrid: Espasa-Calpe, 1979.
- Pascual Recuero, P.** Ortografía del Ladino. Granada: Univ. de Granada, 1988.

- Pérez Alonso, M. I.** Las biblias romanceadas medievales o la aventura de traducir la ‘verdad hebrayca’ al castellano. *Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea*, 2011, vol. 62, no. 188, pp. 391–415.
- Pueyo Mena, F. J.** El corpus bíblico del español sefardí: De la planificación a la edición crítica. *eHumanista: Journal of Iberian Studies*, 2014, no. 28, pp. 172–204.
- Quintana, A.** Judeoespañol. In: *Manuel des anthologies, corpus et textes romans*; Eds. M. Iiescu, E. Roegiest. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, pp. 205–219.
- Tikhonova, O. V.** “Four Medieval Phonemes” of Spanish in Arabic Script. *Prepodavatel’ XXI vek*, 2022, no. 1, pp. 286–295. (in Russ.)
- Voevutsky, I. N.** **Palaeography of Judeo-Italian Texts.** *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 1987, pp. 34–44. (in Russ.)

Источники

Sefer Torah. Sefer Torah Nebi'im u ketubim: El libro [de la ley], [los] profetas y [los] escritos trasladados en la lingua... (1873): Constantinopla: [s.n.], 1873. [Электронный ресурс]. URL: https://bvpb.mcu.es/es/consulta/resultados_ocr.do?id=99332&tipoResultados=BIB&posicion=2&forma=ficha ; https://bvpb.mcu.es/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=174943 (дата обращения: 4.12.2021) (in Spanish, in Hebrew)

Sefer Tora. Sefer Tora Neviim Uketuvim El libro de la Ley, los Profetas, i las Eskrituras. Parte Primera. Trazladado en la lingua Espanyola. *Transkrito por Ye'huda Sidi.* Konstantatinopla: Estamperea de A. H. Boyadjian, 1873. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.sefaria.org/Genesis.1.1?ven=Trazladado_en_la_lingua_Espanyola,_Estamperia_de_A._H._Boyadjian,_Konstantatinopla_1873._Transkrito_por_Yehuda_Sidi,_2021_\[lad\]&vhe=Miqra_according_to_the_Masorah&lang=bi&aliyot=0](https://www.sefaria.org/Genesis.1.1?ven=Trazladado_en_la_lingua_Espanyola,_Estamperia_de_A._H._Boyadjian,_Konstantatinopla_1873._Transkrito_por_Yehuda_Sidi,_2021_[lad]&vhe=Miqra_according_to_the_Masorah&lang=bi&aliyot=0) (дата обращения: 4.12.2021) (in Spanish)

Vulgata. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliaparela.com/vul/genesis/1.htm> (дата обращения: 4.12.2021) (in Latin)

Sources

Sefer Torah. Sefer Torah Nebi'im u ketubim: El libro [de la ley], [los] profetas y [los] escritos trasladados en la lingua... (1873): Constantinopla: [s.n.], 1873 [Online]. URL: https://bvpb.mcu.es/es/consulta/resultados_ocr.do?id=99332&tipoResultados=BIB&posicion=2&forma=ficha ; https://bvpb.mcu.es/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=174943 (accessed on: 4.12.2021) (in Sp., Heb.)

Sefer Tora. Sefer Tora Neviim Uketuvim El libro de la Ley, los Profetas, i las Eskrituras. Parte Primera. Trazladado en la lingua Espanyola [Online]. *Transkrito por Ye'huda Sidi.* Konstantatinopla: Estamperea de A. H. Boyadjian, 1873. URL: [https://www.sefaria.org/Genesis.1.1?ven=Trazladado_en_la_lingua_Espanyola,_Estamperia_de_A._H._Boyadjian,_Konstantatinopla_1873._Transkrito_por_Yehuda_Sidi,_2021_\[lad\]&vhe=Miqra_according_to_the_Masorah&lang=bi&aliyot=0](https://www.sefaria.org/Genesis.1.1?ven=Trazladado_en_la_lingua_Espanyola,_Estamperia_de_A._H._Boyadjian,_Konstantatinopla_1873._Transkrito_por_Yehuda_Sidi,_2021_[lad]&vhe=Miqra_according_to_the_Masorah&lang=bi&aliyot=0) (accessed on: 4.12.2021)

Vulgata [Online]. URL: <https://bibliaparela.com/vul/genesis/1.htm> (accessed on: 4.12.2021) (in Lat.)

Сведения об авторе

Тихонова Оксана Викторовна, канд. филологических наук, ассистент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the Author

Oxana V. Tikhonova, Assistant Professor of the Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 16.05.2022;

одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 27.07.2022

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 27.07.2022

Научная статья

УДК 811.512.157'366.5

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-39-50

Глагольные конструкции как средство выражения понятия «возраст человека» в якутском языке

Ирина Борисовна Иванова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>

Аннотация

В статье представлен результат морфо-синтаксического анализа наиболее популярных глагольных конструкций, обозначающих в якутском языке функционально-семантическое понятие «возраст человека». Объектом исследования послужили устойчивые словосочетания якутского языка в формате синтаксических конструкций, в составе которых имеются глаголы и причастия. При анализе предикативных конструкций особое внимание уделяется не только морфологическим формам, грамматическим показателям, но и семантическим особенностям. Выявлено, что при выражении функционально-семантического понятия «возраст человека» в якутском языке принимают участие предикативные конструкции, в составе которых два вида причастий – причастия с аффиксом обладания *-лаах* и причастия с аффиксом давнопрошедшего времени глагола *-быт*. Конструкции с *-лаах* обладают универсальным значением и обозначают любой возраст человека. В репродукции грамматического окружения предикатов с аффиксом *-быт* выявлены следующие лексико-семантические группы актантов, служащие в роли субъектов, объектов действия: языковые конструкции, в состав которых входят названия частей конечностей, тела, головы человека (*сис* 'поясница', *буут* 'ляжки', хол 'руки', *борбуи* 'подколенки', *мэйиш* (*өй*) 'мозг'), используются исключительно для описания возраста молодых, крепких, умных людей; названия ороговевших тканей человека (*баттах/ас* 'волосы', *бытык* 'борода, усы', *тиис* 'зубы'), используются исключительно для описания возраста пожилых людей. Было выявлено, что в конструкциях со сложным изафетом глаголы качественного изменения состояния сочетаются с именем в архаичном родительном падеже (GEN) *-н*, в конструкциях с простым изафетом глаголы физического воздействия на объект оперируют именем в винительном падеже (ACC) *-н*. «Метеорологическая» лексема *хаар* зафиксирована в двух видах глагольных конструкций: с глаголами *үктэн* 'наступить' – наступление года; с глаголами *туһэрбит/ууларбыт* 'растопил' – проживание года.

Ключевые слова

якутский язык, функциональная грамматика, лингвистика конструкций, причастия, функционально-семантическое поле, возраст

Для цитирования

Иванова И. Б. Глагольные конструкции как средство выражения понятия «возраст человека» в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 39–50. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-39-50

© Иванова И. Б., 2022

Verb Constructions Expressing the Functional-Semantic Concept *HUMAN AGE* in the Yakut Language

Irina B. Ivanova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>

Annotation

The article presents the results of a morpho-syntactic analysis of the most common verb constructions denoting the functional-semantic concept 'human age' in the Yakut language. The subject matter of the study is set expressions in Yakut containing verbs and participles. The relevance of the study is due to the lack of knowledge about the functional-semantic concept *PERSON'S AGE* in Yakut linguistics. Scientific novelty of the study is in paying special attention not only to morphological forms and grammatical features, but also to semantics. It was shown that in expressing the functional-semantic concept *PERSON'S AGE* in the Yakut language, predicative constructions are used, including two types of participles: with the affix of possession *-laah* and with the affix of the past tense of the verb *-byt*. Constructions with *-laah* have a universal meaning denoting any age of a person. In the reproduction of the grammatical environment of predicates with the affix *-byt*, the following lexical-semantic groups of actants serving as subjects or objects of action were identified: *borbui* 'knees' and *meii* (өй) 'brain' are used exclusively to describe the age of young, strong, intelligent people, while the names of tissues composed of cornified cells (*battakh* 'hair', *bytik* 'beard, mustache', *tiis* 'teeth') are used exclusively to describe the age of older people. Further, it has been shown that in constructions with complex *izafet* the verbs of qualitative change of state are combined with a name in the dead genitive case (GEN) -n, in constructions with simple *izafet* the verbs of physical influence on an object operate with a name in the accusative case (ACC) -n. The 'meteorological' lexeme *haar* is recorded in two types of verb constructions: with the verbs *ykten* 'to come'—the onset of the year; and with the verbs *tuherbit/uullarbyt* 'melted'—living through the year.

Keywords

the Yakut language, functional grammar, construction linguistics, participles, gender, age

For citation

Ivanova I. B. Verb Constructions Expressing the Functional-Semantic Concept *HUMAN AGE* in the Yakut Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 39–50. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-39-50

Введение

Одним из универсальных культурологических понятий для людей во все времена являлся возраст человека и связанная с ним тема продолжительности земной жизни. Из-за этого у разных народов выработались свои (иногда уникальные) системы языковых средств, отражающих опыт интерпретации продолжительности жизни человека в их материальном и духовном измерении. Носители языка определяют возраст по-разному в соответствии со спецификой своего личного или группового менталитета, особенностями жизненного опыта, накопленной суммой знаний и представлений о жизни в этом мире.

В языке функционально-семантическое понятие «возраст человека» – это система морфологических, синтаксических и лексических средств, взаимодействующих в рамках выполнения общей функции, которая состоит в выражении как возраста человека в целом, так и его естественной стадии (детство, юность, зрелость, старость), либо же продолжительности жизни, членимой по другим критериям на этапы и/или периоды.

Цель статьи заключается в реконструкции этого фрагмента языковой картины мира, для того чтобы эксплицировать с точки зрения лингвистики скрытое в языковых формулах отношение якутского народа к возрасту человека и продолжительности жизни. В качестве **объекта** исследования выступили глагольные, в том числе причастные, конструкции, выражающие это понятие, а материалом стали наиболее популярные в якутском языке единицы (около 20 примеров), выделенные путем сплошной выборки из печатных текстов олонхо, фразеологических и толковых словарей.

В рамках работы нами был проведен анализ динамического аспекта функционирования грамматических единиц с точки зрения их взаимодействия с элементами других уровней языка, что позволяет рассматривать это исследование как функционально-семантическое. В результате раскрывается особое видение якутским народом окружающего мира, бытовых ситуаций, этикетного поведения, традиций и обычаев.

В отечественном языкознании исследование понятия «возраст» является довольно популярной лингвистической темой и ведется в разных аспектах. Изучаются языковая картина мира (Т. И. Воронцова, Е. С. Кубрякова, М. М. Маковский, З. Д. Попова), когнитивная семантика (О. В. Бахмет, М. Г. Лебедько, Ю. Ю. Литвиненко, Е. В. Рахилина [2011], С. С. Сагатова [2005]) и другие. Тема возраста человека в менталитете якутского народа привлекает также внимание философов, этнографов, этнопедагогов (А. Е. Кулаковский, К. Д. Уткин, Г. С. Попова (Санаайа)).

В якутском языкознании проблематика представлена рядом научных статей о семантике различных фразеологических оборотов и эпических формул олонхо в лингвокультурологическом аспекте, авторами которых являются Л. М. Готовцева, А. В. Андреева [2006], Р. Н. Анисимов [2018], Ю. П. Борисов [2019] и другие.

Методология анализа, принятая в данной статье, опирается на теоретические работы отечественных исследователей функциональной грамматики русского и иностранных языков. Она реализует принцип «от семантики к ее формальному выражению», разработанный А. В. Бондарко [2006; 1996]. В ней представлена также популярная в западной лингвистике теория грамматики конструкции, основанная Чарльзом Филмором [Fillmore et al., 1988] и развитая его последователями [Croft, 2001; Goldberg, 2006; Tomasello, 2003]. В отечественной лингвистике первым применил грамматику конструкций Ю. Д. Апресян. На основе глагольных конструкций он сформулировал основополагающие постулаты о взаимовлиянии семантики и синтаксиса [Апресян, 2011, с. 548–557]. Дальнейшее развитие это направление грамматики получило в трудах Е. В. Рахилиной, В. А. Плунгяна, С. С. Сай, Л. А. Шаминой и многих других.

С учетом особенностей репрезентации и семантической структуры рассматриваемой категории в статье были применены методы поморфемного описания, полевого структурирования функциональной семантики, структурно-семантического моделирования. В расшифровке внутренней формы синтаксических конструкций использованы методы глоссирования, основанные на лейпцигских правилах глоссирования.

Основная часть

Продолжительность жизни тесно связана с климатическими параметрами окружающей среды. Якуты – народ, который испокон веков почти в буквальном смысле слова выживает в суровых условиях Крайнего Севера. Неслучайно ссылка в эти места практиковалась в России как очень жесткая мера наказания и применялась лишь по отношению к самым опасным преступникам. Неслучайно древние якутские старцы-мудрецы образно сравнивали кратковременность человеческой жизни в этом Среднем мире якутов с мгновением, за которое «всадник проскакивает мимо окна» [Кулаковский, 2012, с. 315]. По этой причине, когда речь касалась продолжительности жизни, они демонстрировали большую суеверность и всячески избегали этой темы. У них не было принято говорить вслух про точный возраст, нужно было обозначить его как-то завуалированно, то есть с помощью аллюзии, образно. Из-за высокой детской смертности особенно трепетно якуты относились к теме выживаемости детей. Женщины рожали в среднем по 20 детей, из которых выживали только один или два; по сведениям этнографов, было много бездетных пар, что отразилось и в языке (*оҕо турбат ыала* ‘бездетная семья’) [Серошевский, 1993, с. 507; Готовцева, Андреева, 2006, с. 264]. Якуты практиковали тайное исполнение обряда, называемого *абааһыттан куоттарыы* (‘спрятать от злого духа’), целью которого было спасти хотя бы одного ребенка, для чего он передавался на воспитание другой

семье. Существовало поверье, согласно которому до семилетнего возраста *кут* (т. е. душу ребенка) нужно скрывать, потому что ее может легко украсть нечистый дух.¹

До этого возраста – опять же, чтобы защитить от *абаасы* ('злой дух') – ребенку не давали настоящего имени, заменяя его разными «плохими» кличками вроде *Кусабан уол* ('Плохой мальчик'), *Кусабаллай* ('Плохиш') и т. п., именами зверей, среди которых были популярны *Моботой* ('Бурундук'), *Куобах* ('Заяц'), или какими-нибудь причудливыми, подчеркнута якутскими выражениями вроде *кыптыый кырадаһына* ('кусочек ножницы'), *хабды сэмнэбэ* ('объедки куропатки') [Готовцева, Андреева, 2006, с. 263]. По прошествии опасного кризисного возраста ребенка возвращали в семью.

Когда каждый твой день – это борьба за выживание (зимой – с трескучим морозом, а летом – с изнуряющей жарой, работая при этом до седьмого пота, чтобы прокормить себя и семью), у людей не было внутренней установки запоминать дни рождения, возраст. Точный возраст и дату рождения своих пожилых родственников многие не могут определить и сейчас, поэтому некоторые отмечают свой день рождения дважды: по метрике и по собственным догадкам. *Мин ыспаанка сыл күһүнгү харанаба төрөөбүтүм* ('Я родилась в год испанского гриппа глубокой осенью') означает, что женщина родилась в 1924 году.

Но в то же время якуты, как народ древней культуры, не только знали все тонкости жизнедеятельности человека, понимали, когда наступает кризисный для подрастающего поколения (пубертатный) период жизни, но и умели также связывать это взросление с воспитанием ребенка в семье, с вероисповеданием, с отношением к предкам, родителям и т. д. Об этом свидетельствует, например, выражение *уллунаба хараарда* ('пятки почернели') применительно к ребенку.

Уол обо уллунаба хараарда да, дьиз ис-тас үлэтигэр көмөлөһөн барар дишлэр. – 'Говорят, мальчик, как только почернеют пятки, должен помогать по дому, по хозяйству'.

«Завуалированные» средства выражения возраста

В якутском языке обнаруживаются также косвенные («завуалированные») средства выражения возраста человека, которые представлены также глагольными конструкциями.

Лексема *саас* ('возраст'), имеющая значения 'определение возраста; продолжительность жизни человека; период жизни человека; годы', тесно связана с понятиями *сыл* в различных его значениях ('год; период времени, охватывающий ряд лет, на протяжении которого проходит какая-либо пора жизни'), *үйэ* 'век' и *олох/өлүү* ('жизнь/смерть', *дьылба* 'судьба').

К грамматическим средствам выражения понятия «возраст человека» мы относим глагольные и причастные конструкции, выступающие в функции определения субъекта. В данной статье внимание сосредоточено на морфо-синтаксических конструкциях, которые обладают достаточно большой частотностью в речи, так как они составляют основу известных эпических формул, использующихся в разговорной коммуникации, художественной литературе и якутском эпосе (олонхо). Зачастую они на них основан ритмико-синтаксический параллелизм как один из видов сложных предложений, состоящих из двух или нескольких простых или сложных предложений, аналогичных по построению. В 1969 году Е. И. Убрятова первой из языковедов указала на особенный характер якутского стиха в статье «Синонимы и структура якутского параллелизма» [Убрятова, 2011, с. 234–242].

Исследование морфо-синтаксических особенностей глагольных конструкций состоит из выявления тех компонентов, которые являются доминирующей частью в усилении семантики того или иного высказывания, связанного с мотивом возраста. К таковым относятся: лексема *саас* 'год', соматизмы (части туловища человека, роговые части тела человека) и лексема *хаар* 'снег'.

¹ Об этом повествует, например, роман И. Гоголева «Хара кыталык» ('Черный стержень').

Причастные конструкции с компонентом *саас* ‘год’

Понятие *саас* ‘возраст, лет’, в первую очередь, выражается сочетанием имени числительного и существительного *саас* ‘лет’ с аффиксом обладания *-лаах* и формой сказуемого настоящего времени 1 или 2 лица единственного и множественного числа. Форма причастия третьего лица не имеет аффикса сказуемого настоящего времени.

(1)

<i>Мин</i>	<i>10</i>	<i>саас</i>	<i>-таах</i>	<i>-нын</i>
S	Num	саас	Prop	Pres
‘Я	10	лет	име	-ю’.

(2)

<i>Мин</i>	<i>биэс</i>	<i>-тээх</i>	<i>-нин</i>
S	Num	Prop	Pres

Склонение причастия с *-лаах*

	Единственное число	Множественное число
1 л.	(1) <i>Мин 5 саас-таах-нын</i> (2) <i>Мин биэс-тээх-нин</i> ‘Букв. Я имею 5’	(1) <i>Биһиги 5 саас-таах-хыт</i> (2) <i>Биһиги биэс-тээх-нит</i> ‘Букв. Мы имеем 5’
2 л.	(1) <i>Эн 5 саас-таах-хын</i> (2) <i>Эн биэс-тээх-хин</i> ‘Букв. Ты имеешь 5’	(1) <i>Эһиги 5 саас-таах-хыт</i> (2) <i>Эһиги биэс-тээх-хит</i> ‘Букв. Вы имеете 5’
3 л.	(1) <i>Кини 5 саас-таах</i> (2) <i>Кини биэс-тээх</i> ‘Букв. Он (она) имеет 5’	(1) <i>Кинилэр 5 саас-таах-тар</i> (2) <i>Кинилэр биэс-тээх-тэр</i> ‘Букв. Они имеют 5’

Как видно, семантика предложений со значением ‘иметь возраст’ формируется аффиксом обладания *-лаах*, который состоит из глаголообразующего аффикса *-лаа* и *-х* [Убрятова, 1950, с. 244], в результате чего образуется причастная конструкция со значением «снабженный возрастом». Аффикс присоединяется к количественным числительным или существительному ‘саас’: *14-тээх кыыс* ‘14-летняя девушка’, *сүүрбэ саастаах уол* ‘20-летний юноша’. Заметим, что при обозначении возраста субъекта с помощью местоимения 3 лица аффикс сказуемого настоящего времени единственного и множественного (с аффиксом *-лар*) чисел отсутствует, а указание на возраст в конструкциях типа *14-тээх* ‘14-летний’, *саастаах* ‘летний’ осуществляется с помощью адъективной формы.

Другими словами, в конструкциях со значением «возраст человека», в которых субъект (человек) является определяемым предметом, в роли определителя применяется «причастный изафет» [Убрятова, 1950, с. 45], выраженный целым предложением с самостоятельным подлежащим. Данный член определительного предложения является частью определяемого, т. е. компонента, обозначающего человека, и выражается аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа *-а*, *-э*.

Причастные конструкции с соматическими компонентами

В выборке с описанием возраста человека нами зафиксированы конструкции, основанные на словосочетаниях существительного и причастий, где существительные представлены различными соматизмами, а причастия – глаголами состояния.

1. Конструкции с причастиями от глаголов качественного изменения и физического воздействия на объект.

В эпосе для описания момента достижения мальчиком² физической зрелости, взросления, возмужания часто используется фразеологическая единица со значением '[ребенок] подрост, стал крепче держаться на ногах'.

<i>Оҕо киһи</i>	«У мальчика
<i>Буутун этэ буспут,</i>	Ляжки спели,
<i>Сиһин этэ сиппит,</i>	Поясница окрепла,
<i>Холун этэ хойдубут,</i>	Руки затвердели,
<i>Бухатыырга мөссүүннээх буолбут</i>	Стал на богатыря походить».
[Үрүн Уолан бухатыыр с. 28]	(Пер. наш – И. И.)

<i>Буут-у-н</i>	<i>эт-э</i>	<i>бус-пут,</i>
<i>Сиһ-и-н</i>	<i>эт-э</i>	<i>сип-пит,</i>
<i>Хол-у-н</i>	<i>эт-э</i>	<i>хойд-(у)бут...</i>

Noun-POSS.3sg-GEN 'плоть'-POSS.3sg V-Npst

В приведенной определительной предикативной конструкции представлен сложный изафет, где первый компонент оформлен с помощью родительного падежа *-н* (GEN), который уже не употребляется в современном якутском языке, и поэтому считается омертвелым «грамматическим излишеством», хотя и сохранился как средство передачи определенности и уточнения [Филиппов, 2010, с. 94]. Сложный изафет состоит из двух частей: первое имя с аффиксом принадлежности в родительном падеже *-н* в сочетании со вторым именем *эт* 'плоть' выполняют роль подлежащего определительной придаточной части в предложении. В качестве сказуемого представлены глаголы-синонимы *бус* 'созреть', *сит* 'созреть', *хойун* 'созреть' с аффиксом давнопрошедшего времени *-быт*.

Глаголы *бус* и *сит* в сочетании с соответствующими существительными имеют в своем значении семемы 'достичь зрелого возраста, окрепнуть, закалиться' [ТСЯЯ II, с. 581] или 'достичь какого-либо возраста, быть в каком-либо возрасте'. *Сыгынньах киһилэрэ сааһын сана ситэн эрэр оҕочоос эбит. Саха фольк.* [ТСЯЯ VIII, с. 457].

Глагол *хойун* 'становиться гуще, сгущаться, загустевать' в сочетании с *эт* 'плоть' или *мэй-иһи (өй)* 'мозг' обозначает качественное изменение тела или мозга человека в результате достижения того или иного возраста. Таким образом, глаголы в сочетании с *эт* 'плоть' презентуют себя как глаголы изменения количественного и качественного признака объекта.

Данная трехчленная эпическая формула, где один член предложения повторяется, а остальные два образуют альтернативные синонимические пары, используется для достижения ритмико-синтаксического параллелизма эпической формулы [Убрятова, 2011]. Повторяющийся компонент *эт* 'плоть', который сочетается с именем существительным посредством изафета, занимая положение второго члена изафетного сочетания и имея при себе аффиксы принадлежности 3 лица единственного числа – *эт-э* 'плоть его' часто встречается во фразеологизмах со значением возраста человека в алтайском, тувинском и хакасском языках, чего нельзя сказать о соматизмах *буут* 'ляжки', *сис* 'поясница', *хол* 'руки' [Анисимов, 2018, с. 9].

Причастные конструкции с глаголами физического воздействия на объект *туппут* 'сдерживать', *көтөхнүт* 'поднять' представляют собой устойчивые словосочетания, состоящие из двух компонентов:

² В большинстве случаев речь идет о мальчиках.

Эт	<i>туп-пүт</i>	‘возмужал’
Өй-үн	<i>туп-пүт</i>	‘поумнел’
Борбуй-ун	<i>көтөх-пүт</i>	‘подрос’

Noun-ACC V-Npst

Фразеологическая единица эт туппут (букв. ‘тело держать’) ‘подрос, стал крепче держаться на ногах’ [Нелунов, 2002, с. 411] обозначает возраст человека через внешние физические (качественные и количественные) изменения его тела. А устойчивое словосочетание өйүн туппут (букв. ‘мозг держать’) ‘поумнел’ показывает возраст человека как результат его умственного развития (ср. в русском ‘окрепнуть умом’, ‘стать крепким умом’). Единица борбуйун көтөхпүт (букв. ‘поднял подколенки’) ‘немного подрос, стал крепче держаться на ногах (о ребенке, о детеныше животного)’ [ТСЯЯ II, с. 387–388] обозначает возраст через физические возможности объекта.

Таким образом, в конструкции со сложным изафетом глаголы качественного изменения состояния сочетаются с именем в родительном падеже (GEN) *-н*, а в конструкции с простым изафетом глаголы физического воздействия на объект оперируют именем в винительном падеже (ACC) *-н*. Также заметим, что языковые конструкции, в состав которых входят названия конечностей и их частей, туловища, головы человека (*сис* ‘поясница’, *буут* ‘ляжки’, *хол* ‘руки’, *борбуй* ‘подколенки’, *мэйиш* (*өй*) ‘мозг’), используются исключительно для описания возраста молодых, крепких, умных людей.

2. Конструкции с названиями роговых частей тела человека: *ас*, *баттах*, *бытык*, *тиис*.

Конструкции, в составе которых содержатся названия роговых образований на теле человека (*ас/баттах* ‘волосы’ и *бытык* ‘усы’, или *тиис* ‘зубы’) указывают на глубокий старческий возраст человека, который отличается от молодых и зрелых поседевшими волосами, усами, длинной бородой или отсутствующими зубами.

Темпоральные конструкции с причастием будущего времени в дательном падеже с послелогом *диэри* ‘до’ представлены в формулах типа:

(1)
баттаб-а манхай-ыа-р диэри
 ‘Волосы’-POSS.3sg ‘сесть’-Fut-DAT Postp ‘до’
 (букв. до седых волос)

Бытыг-ы-н быһа үкт-үө-р диэри
 ‘Борода’-POSS.3sg-ACC ‘наступить’-Fut-DAT Postp ‘до’
 (букв. до тех пор, пока не наступит на свою бороду)

(2)
Кэтэб-и-н аһ-а киргил-лэ-м-мит,
Орой-у-н аһ-а толбон-но-м-мут

Noun-POSS.3sg -GEN ‘волосы’-POSS.3sg N-V-Refl-NPst
 (букв. [у него] волосы затылка поседели),
 (букв. волосы на темени стали с блестящими крапинками).

Выявлено, что в конструкции с простым изафетом (1) глаголы физического воздействия на объект оперируют именем в винительном падеже (ACC) *-н*, а в конструкции со сложным изафетом (2) глаголы качественного изменения состояния сочетаются с именем в родительном падеже (GEN) *-н*. Установлено также, что языковые конструкции со значением качественного

ухудшения, исчезновения, отсутствия ороговевших частей тела человека (*баттах* ‘волосы’, *ас* ‘волосы’, *бытык* ‘борода, усы’, *тиис* ‘зубы’) используются исключительно для описания возраста пожилых людей.

Причастные конструкции с компонентом *хаар* ‘снег’

Причастные конструкции, в составе которых содержится лексема *хаар* ‘снег’ в сочетании с числительными, используются для описания пожилых людей. Существительное *хаар* ‘снег’ имеет два лексических значения: ‘атмосферные осадки в виде белых хлопьев, а также сплошная масса этих осадков, покрывающая землю’ и ‘возраст’. Второе связано с культурно-историческим фактором: якуты традиционно исчисляли возраст по зимам, ассоциируя ее метонимически со снегом: столько-то лет = столько-то снегов [ТСЯЯ XIII, с. 122].

Отсюда следует, что лексема *хаар* в прямом значении имеет семантику временного отрезка, равного году: *үгүс хаары үрдүгэр түһэрбит* (букв. ‘растопивший на своих плечах обильный снег или много снегов’) ‘человек преклонного возраста, старец’. *Ньукулай оһонньор быйыл аһыс уон бэһис хаарын туолла.* – ‘В этом году старику Николаю исполнилось 85 лет’. В словарях обнаруживается и значение ‘год’ безотносительно к возрасту, попавшее туда из литературного произведения: *Настя манна киирэн бултуур буолбута син өр буолла, быйыл үһүс хаара.* – ‘Довольно много времени прошло с тех пор, как Настя стала здесь охотиться, нынче третий год’ (Н. Якутской, [ТСЯЯ XIII, с. 122]).

Использование метеорологической лексики, а именно недискретного существительного *хаар*, в описании возраста человека – довольно популярное языковое средство, которое непосредственно показывает связь якутского человека со Вселенной, его зависимость от природы.

Рассмотрим также причастные конструкции от глаголов *түһэрбит/ууларбыт* ‘растопил’ в лексическом значении *аһарбыт* ‘провести, прожить, дожить’:

(1)

Конструкции с *хаар* ‘снег’ в дативе и с глаголом движения *үктэн* в значении ‘дойти до какого-либо момента времени; достигнуть какого-либо возраста’ [ТСЯЯ XII, с. 414] обозначают начало, наступление определенного года: *Быйыл сэттэ уон иккис хаарыгар уктэннэ* – ‘нынче ему семьдесят второй год пошел’.

Num	<i>хаар-ы-гар</i>	<i>үктэннэ</i>
Num	снег-Poss.3sg -DAT	наступил

‘Наступило сколько-то лет’

(2)

Num	<i>хаар-ы</i>	<i>санн-ы-гар</i>	<i>түһэрбит/ууларбыт</i>
Num	снег-ACC	плечо-Poss.3sg-DAT	растопил

‘Прожил столько-то лет’.

В конструкции с глаголами физического воздействия на объект *түһэрбит/ууларбыт* ‘растопить’ (1) компонент *хаар* ‘снег’ в аккумулятиве служит объектом действия, компонент *санн-ы-гар* ‘на плечах’ в дативе служит обстоятельством действия.

Таким образом, в якутском языке наличие конструкций с компонентом *хаар* ‘снег’ в качестве средств выражения возраста человека также обусловлено спецификой мировосприятия якутов, согласно которой люди были не только тесно связаны с суровой природой, но и сильно зависели от нее. Лексема *хаар* зафиксирована в двух видах глагольных конструкций: с глаголами *үктэн* ‘наступить – наступление года; с глаголами *түһэрбит/ууларбыт* ‘растопил’ – проживание года.

Заключение

Нами были выявлены основные глагольные и причастные конструкции, выражающие возраст в якутском языке, и их культурно-специфичные компоненты, играющие ключевую роль в усилении антропоцентрической семантики того или иного слова или оборота: компонент саас 'год', различные соматизмы, компонент хаар 'снег'.

Можно предположить, что использование в якутском языке конструкций с характерными компонентами-соматизмами для выражения возраста человека было обусловлено специфической ментальностью якута-скотовода, для которого понятия 'тело', 'плоть' имели большее значение. Носители этой культуры много наблюдали за изменениями, происходящими в процессе физического развития домашнего скота, и переносили их на людей. Это визуальное впечатление, вероятно, отразилось на развитии образного языкотворчества якутов (метонимического и метафорического), особенно ярко проявляясь в подсчете лет, прожитых индивидом, и в определении его возраста, этапов возрастного развития и старения при помощи «неформальных» языковых средств. В коллективной памяти до сих пор сохранились оценки и описания состояний человеческого тела с помощью соматизмов и глаголов состояния, ставших «архаичными» или периферийными в других лингвокультурах. Самой культурноспецифичной в якутском языке, тем не менее, является конструкция с компонентом *хаар* 'снег' как средство выражения возраста человека. Это обусловлено, по-видимому, уникальной суровостью якутских зим, пережить которые в странах с более теплым климатом считалось бы подвигом.

Список сокращений

- ACC – accusative / винительный падеж;
DAT – dative / дательный падеж;
Fut – future / будущее время;
GEN – genitive / родительный падеж;
Noun – имя существительное;
Num – number / числительное;
Poss – possessive / форма принадлежности;
Prop – proprietive / аффикс обладания *-лаах*;
sg – singular / единственное число;
Postp – послелог;
PROP – proprietive / аффикс обладания *-лаах*.

Список литературы

- Анисимов Р. Н.** Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология, 2018. Т. 17. № 9: Филология. С. 31–42.
- Бондарко А. В.** Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Спб.: Наука, 1996. 264 с.
- Бондарко А. В.** Функциональная грамматика // Актуальные проблемы современной лингвистики. Учеб. пособ. М., 2006. С. 63–86.
- Борисов Ю. П.** Эпические формулы северной, центральной и вилкойской региональных традиций якутского олонхо: сравнительный аспект // Научный диалог. 2019. № 12. С. 120–137. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-120-137>
- Гоголев И. М.** Черный стерх. М., 1990. 272 с.
- Готовцева Л. М., Андреева А. В.** Лингвокультурологический анализ фразеологизмов, обозначающих понятие возраст человека (на материале немецкого и якутского языков) // Рос-

- сия – Германия: историко-культурные контакты: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию Г. Ф. Миллера. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2006. С. 258–269.
- Кулаковский А. Е.** Ырыа-хоһоон / Өксөкүлээх Өлөксөй; сост. Л. Р. Кулаковская. Якутск: Бичик, 2012. 368 с.
- Нелунов А. Г.** Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд. СО РАН; Филиал «ГЕО», 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.
- Охлопков Е. Г.-Буоратай.** Үрүн Уолан бухатыыр: олонхо / Бэчээккэ бэлэмнээтилэр А. Н. Данилова, Н. В. Павлова; эппиэттиир эрдээктэр А. А. Кузьмина. Дьокуускай: Көмүөл, 2019. 224 с.
- Сагатова С. С.** О вербальной категоризации возраста человека // Вестник Казахского национального ун-та. Серия Филология, 2005. № 3(85). С. 96–99.
- Сай С. С.** Действительные причастия // В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. Спб.: Нестор-История, 2017. С. 463–524.
- Серошевский В. Л.** Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I (А). 680 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II (Б). 912 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. VIII (С). 572 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. Т. XII (У, Y). 598 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. Т. XIII (X). 639 с.
- Убрятова Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 304 с.
- Убрятова Е. И.** Синонимы и структура якутского параллелизма // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. С. 234–242.
- Филиппов Г. Г.** Причастие в системе глагольных форм // Вестник северо-Восточного федерального ун-та, 2010. Т. 7. № 4. С. 89–100.
- Шамина Л. А.** Аналитические конструкции с семантикой опасения и предостережения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал, 2020. № 3. С. 229–242.
- Baker M., Vinokurova N.** Two Modalities of Case Assignment: Case in Sakha. *Natural language and linguistic theory*, 2010, no. 28(3), pp. 593-642.
- Croft W.** *Radical Construction Grammar: Syntactic Theory from a Typological Perspective*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.
- Danilova N., Vinokurova N.** Two Different Approaches to Sakha Passives // *Altay Nakpo*, 2015, vol. 25, pp. 117–131.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C.** Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of “Let Alone” // *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Goldberg A.** *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2006.
- Tomasello M.** *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge (MA). Harvard Univ. Press, 2003.

References

- Anisimov, R. N.** Phraseological Nomination of Age and Experience in the Yakut Language (In Comparison with the Turkic Languages of Southern Siberia). *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Series: History, Philology*, 2018, vol. 17, no. 9, pp. 31–42. (in Russ.)
- Baker, M., Vinokurova, N.** Two Modalities of Case Assignment: Case in Sakha. *Natural language and linguistic theory*, 2010, no. 28(3), pp. 593–642.
- Bondarko, A. V.** Functional grammar. *Current Issues of Modern Linguistics. Study Guide*. M., 2006, pp. 63–86. (in Russ.)
- Bondarko, A. V.** Theory of Functional Grammar. Quality. Quantification. St. Petersburg: Nauka, 1996. 264 p. (in Russ.)
- Borisov, Yu. P.** Epic Formulas of the Northern, Central and Vilyui Regional Traditions of the Yakut Olonkho: A Comparative Aspect. *Scientific dialogue*, 2019, 12, pp. 120–137. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-120-137> (in Russ.)
- Croft, W.** Radical Construction Grammar: Syntactic theory from a Typological Perspective. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.
- Danilova, N., Vinokurova, N.** Two Different Approaches to Sakha Passives // *Altay Hakpo*, 2015, vol. 25, pp. 117–131.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. I (A), 680 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. II (B), 912 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. VIII (B), 572 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. XII (Y, Y), 598 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. XIII (X), 639 p.
- Filippov, G. G.** Participle in the System of Verb Forms. *Bulletin of the North-Eastern Federal University*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 89–100. (in Russ.)
- Fillmore, Ch. J., Kay, P., O'Connor, M. C.** Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of “Let Alone”. *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Gogolev, I. M.** The Black Siberian Crane. M., 1990, 272 p. (in Russ.)
- Goldberg, A.** Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, Oxford Univ. Press, 2006.
- Gotovceva, L. M., Andreeva, A. V.** Linguistic and Cultural Analysis of Phraseological Units Denoting the Concept of a Person’s Age (On the Material of the German and Yakut Languages). *Russia—Germany: Historical and Cultural Contacts: Materials of the Intern. Scientific Conf. Dedicated to 300th Anniversary of G. F. Miller*. Yakutsk: IGI AN RS (YA), 2006, pp. 258–269. (in Russ.)
- Kulakovskij, A. E.** Yrya-hohoon / Өксөкүлөкх Өлөксөй; L. R. Kulakovskaya. Yakutsk: Bichik, 2012, 368 p. (in Yakut)
- Nelunov, A. G.** Yakut-Russian Phraseological Dictionary. Novosibirsk: SB RAS Pub. House. «GEO», 2002, vol. 1, 287 p.; vol. 2, 420 p.
- Ohlopkov, E. G.-Buorataj.** Үгүн Uolan buhatyur: olonho / Becheekke belemneetiler A. N. Danilova, N. V. Pavlova; eppiettiir eredeekter A. A. Kuz’mina. D’okuuskaj: Kөмүөл, 2019, 224 p. (in Yakut)
- Sagatova, S. S.** On the Verbal Categorization of a Person’s Age. *Bulletin of the Kazakh National University. Series Philology*, 2005, no. 3(85), pp. 96–99. (in Russ.)
- Saj, S. S.** Active Participles; V. A. Plungyan, N. M. Stoinova(eds.). Materials for a Corpus Grammar of the Russian Language. Issue II. Syntactic Constructions and Grammatical Categories. St. Petersburg: Nestor-History, 2017, pp. 463–524. (in Russ.)

- Seroshevskij, V. L.** Yakuts. A Preliminary Ethnographic Study. M., 1993, 736 p.
- Shamina, L. A.** Analytical Constructions with the Semantics of Fear and Warning in the Tuvan Language. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, pp. 229–242. (in Russ.)
- Ubryatova, E. I.** Studies on the Syntax of the Yakut Language. Simple Sentence. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950, 304 p. (in Russ.)
- Ubryatova, E. I.** Synonyms and Structure of the Yakut Parallelism. In: Selected works. Research on Turkic Languages. Novosibirsk: RIC NGU, 2011, pp. 234–242. (in Russ.)

Сведения об авторе

Ирина Борисовна Иванова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Irina B. Ivanova, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 12.04.2022;

одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 27.07.2022

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63

Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии

Ирина Владимировна Селиванова

НИУ «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

iselivanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Аннотация

В последнее время в политической лингвистике, межкультурной коммуникации, социологии и других гуманитарных науках изучению идеологем уделяется пристальное внимание. Во многих исследованиях идеологемы зачастую рассматриваются как мировоззренческая установка, облеченная в языковую форму, как когнитивно-прагматический инструмент продвижения идеологии и как эффективный способ воздействия на общественное сознание в политической коммуникации. В любом публичном политическом выступлении идеологемы представляют собой средство категоризации мира и трансляции ценностных координат (закрепление в общественном сознании определенной аксиологической модели). Их задача в общественно-политическом дискурсе заключается в утверждении доминирующего в стране мировоззрения, формируя его в виде доступного нарратива неких «идеалов». Они нужны, как правило, для репрезентации (чаще в эксплицитной, чем имплицитной форме) основных идеологических и ценностных установок общества. Кроме того, в ситуации кризиса или слома общественной модели поведения идеологемы могут служить инструментом преобразования у аудитории существующей картины мира в «нужном» направлении. Очень популярны они и у различных субкультур, которые пытаются выделиться «из серой массы» с помощью своих нарративов. Другими словами, идеологемы представляют собой основу для формирования аксиологических категорий, анализ которых необходим при описании ментальности конкретного общества и приемлемых для него моделей поведения.

В настоящей статье анализируются идеологемы из публичных речей испанского монарха Филиппа VI, являющегося, как и его предшественник, Хуан Карлос I, воплощением и символом традиционной испанской ментальности. Анализ проводится не только с точки зрения содержательного (идейно-политического) наполнения идеологем, но и формы их воздействия с учетом прагматической рамки, то есть очень подвижного социально-политического контекста. При этом учитывается, что объектом воздействия может быть не только внутренний, но и внешний адресат. Анализ текстов публичных речей с 2014 по 2021 гг. подтверждает факт частотного употребления идеологем для продвижения идей национального единства, справедливости, жертвенности, международного сотрудничества и др. В свете сепаратистских настроений в Каталонии нарратив национального единства выдвигается монархом на первый план и имеет ключевое значение в современной Испании. С помощью идеологем в речах Филиппа VI у современного многонационального, прежде сильно раздробленного испанского социума формируются перспективные представления об (а) основах государственного устройства страны, (б) базовых ценностях, (в) чертах национального характера, а также (г) современной социально-политической ситуации в Испании, которые необходимы для укрепления единства и поддержания общественно-политической стабильности. В речах внешней адресации их основные функции заключаются в (а) провозглашении необходимости международного сотрудничества, (б) формировании образа Испании как надежного партнера, а также (в) декларации приверженности принципам демократического правления.

Ключевые слова

идеологемы, нарратив, политический дискурс, институциональный дискурс, публичные речи, испанский монарх

© Селиванова И. В., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 3

Для цитирования

Селиванова И. В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 51–63. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63

Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy

Irina V. Selivanova

HSE University
Moscow, Russian Federation

iselivanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Abstract

In recent years, in political linguistics, intercultural communication, sociology and other humanities, ideologemes have been widely studied. In many studies, they are often regarded as a worldview setting, expressed in a linguistic form, as a cognitive-pragmatic tool to promote ideology, and as an effective way to influence public consciousness in political communication. In any public political speech, ideologemes are a means of categorizing the world and translating value coordinates – a certain axiological model in the public mind. Ideologemes usually convey the main ideological and value related orientations of a society. In crucial moments, ideologemes can be a tool for reshaping the public opinion and forming the “right” attitude on the part of the speaker. They are also widely used in various subcultures that try to stand out. In other words, ideologemes help form axiological categories, whose analysis is necessary when describing the mentality of a particular society and its accepted behavior patterns. This article focuses on the ideologemes of the Spanish King Felipe VI, who, like his predecessor Juan Carlos I, is the embodiment of the traditional Spanish mentality. We have analyzed the King’s speeches not only from the point of view of their content, ideologically and politically speaking, but also within the pragmatic framework of the selected speeches, looking at the socio-political context and the addressee. The analysis has shown that the frequent use of ideologemes helps the leader promote the ideas of national unity, justice, sacrifice, international cooperation, etc. Due to the Catalan separatism, the national unity narrative is widely used by the monarch and plays a very important role in modern Spain. With the help of ideologemes, taking into account the multicultural Spanish society, which was deeply fractured, the King conveys ideas about (a) the political foundations of the state, (b) basic values, (c) the national character, and (d) the current socio-political situation in Spain. On the international stage, the main functions of ideologemes are (a) to proclaim the need for international cooperation, (b) to create a positive political image of Spain as a reliable partner, and (c) to declare commitment to the basic principles of democracy.

Keywords

ideological formula, narrative, political discourse, institutional discourse, public speeches, Spanish monarch

For citation

Selivanova, I. V. Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 51–63. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63

Введение

Идеологемы как результат взаимодействия языка и идеологии представляют собой оптимальное средство для утверждения доминирующего в стране мировоззрения, влияют на преобразование у адресата уже существующей политической картины мира, эксплицитно или имплицитно репрезентируют основные идеологические и ценностные установки общества или определенной социальной группы [van Dijk, 2002; Журавлев, 2004; Володенков 2012; Клушина, 2014; Зененко, 2018]. Многие специалисты (Ю. Н. Караулов, Н. А. Купина, А. П. Чудинов и др.) вслед за М. М. Бахтиным рассматривают это понятие как вербальную единицу, содержащую в своем значении идеологический компонент, транслирующую значимые для общества духовные ценности и выполняющую функцию экспликации системы идеологических доминант [Чудинов, 2007, с. 92]. В самом общем виде под этим понятием подразумеваются «семантико-тематические» обозначения духовных ценностей в картине мира языковой лич-

ности (языкового сообщества) [Караулов, 1987, с. 153]. Иначе говоря, под идеологемами следует понимать воспроизводимое в устойчивой вербальной форме мыслительное образование, содержащее идеологический компонент значения и обладающее социокультурной и исторической значимостью. Они представляют собой основу для формирования аксиологических категорий, анализ которых необходим при описании доминантных умонастроений конкретного общества и приемлемых для него моделей поведения.

А. П. Чудинов подразделяет идеологемы на два основных типа: а) лексемы (словосочетания), по-разному понимаемые сторонниками разных политических взглядов, что находит отражение в эмоциональной окраске слова, на которое переносится оценка соответствующего явления; б) лексем (словосочетания), употребляемые только сторонниками определенных политических взглядов, передающие специфический взгляд на соответствующую реалию [Чудинов, 2007, с. 92–93]. В свою очередь, Е. Г. Малышева с учетом прагматического компонента, в состав которого она включает оценочный потенциал, специфику восприятия реальности носителями языка, в том числе представителями разных политических партий, выделяет идеологемы с положительным (родина, флаг, отечество), отрицательным (фашизм, террор) и смешанным аксиологическим модусом (патриотизм, президент, воля, народ, демократия) [Малышева, 2009, с. 37].

Идеологемы в публичных речах Филиппа VI можно рассматривать как идеологический ресурс, используемый в современных условиях для внедрения в коллективное сознание общеиспанских идеалов и ценностей, конструирования объединяющих социальных значений и утверждения национальной идентичности в общеевропейском сообществе. В последние годы основная задача монарха заключается в социальной координации групповых действий по достижению коллективных целей. В целом публичный дискурс Филиппа VI, стремящегося идти в ногу со временем, отличается нейтральностью с точки зрения выражения политической позиции. Проведенное исследование показывает, что весь корпус идеологем можно разделить на пять групп в зависимости от их тематики: а) идеологемы, отражающие основы государственности; б) идеологемы интегративной семантики; в) идеологемы ценностного и культурного кода; г) идеологемы, формирующие образ нации; д) идеологемы, формирующие образ современной ситуации в стране и мире.

1. Идеологемы, отражающие основы государственности

Роль испанского монарха как представителя верховной магистратуры в силу особенностей исторического развития и становления государственности в Испании, а также ее современного социально-политического контекста заключается в первую очередь в провозглашении верховенства закона, господства демократических ценностей и необходимости сохранения единого и неделимого государства. Отсылки к действующей Конституции отражают **идею верховенства конституционного права** (cf. *nuestra Constitución, nuestra Carta Magna¹, la España constitucional, valores constitucionales, orden constitucional* и пр.) и в обязательном порядке присутствуют во всех ориентированных на широкую национальную аудиторию выступлениях, связанных с традиционными официальными праздниками, историческими датами и попытками отказаться от ее соблюдения:

- *Es responsabilidad de los legítimos poderes del Estado asegurar el orden constitucional. – Законная власть государства несет ответственность за обеспечение конституционного порядка* [03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса].

Имеющая особое значение в последнее время **идея социального правового государства**, когда его территориальная целостность находилась под угрозой в связи с каталонским кризи-

¹ Конституция Испании 1978 г., как и Великая хартия вольностей Иоанна Безземельного (John Lackland of England) 1215 г., ограничивает власть монарха и обеспечивает юридическую защиту населению.

сом 2017 г., отражается в таких идеологемах, как *Estado del Bienestar, Estado de Derecho, Estado Social de Derecho, Estado de Derecho pleno y moderno, Estado sólido*:

- *Han quebrantado los principios democráticos de todo Estado de Derecho y han socavado la armonía y la convivencia en la propia sociedad catalana... – Они нарушили демократические принципы всего правового государства и подорвали гармонию и мирное сосуществование в своем собственном каталонском сообществе...* [03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса];
- *[...] España es un Estado de Derecho pleno y moderno. – Испания – это полноценное и современное правовое государство* [19.11.2020, речь на вручении премии юристам].

Идея развитого демократического государства, в котором граждане могут свободно решать волнующие их вопросы и участвовать в его жизни, является одной из основополагающих в публичных речах монарха перед национальной аудиторией (*democracia, democracia asentada, principios democráticos, Estado democrático, sociedad democrática, orden democrático, Monarquía Parlamentaria, separación de Poderes*):

- *[...] desde hace décadas vivimos en un Estado democrático... [...] – уже несколько десятилетий мы живем в демократическом государстве...* [03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса];
- *[...] vivimos en una democracia asentada... [...] – мы живем в развитом демократическом обществе...* [24.12.2018, рождественское послание].

Таким образом, идеологемы, отражающие основы государственности, призваны закрепить в общественном сознании базовые принципы существования современной Испании и представления о государственном устройстве и социальном порядке вне зависимости от текущего политического контекста.

2. Идеологемы интегративной семантики

С учетом характеристик адресата представляется логичным разграничить идеологемы, отсылающие к единству в рамках (а) национального и (б) международного сообщества.

Значимость фигуры испанского короля обосновывается его ролью арбитра и примирителя в государстве, включающем разнообразные по своей культуре и уровню социально-экономического развития регионы. Поэтому одной из основных характеристик институционального статусно-ориентированного дискурса современной испанской монархии является ее **объединительная функция** в рамках сложившегося социально-политического порядка. В этой связи Филипп VI в первую очередь прибегает к **идеологемам интегративной семантики**, транслирующих идею национального единства (братства, общечития, согласия, сплоченности, взаимопонимания и примирения) (*nuestra querida España, unión, unidad, fraternidad, nuestra convivencia, convivencia democrática, convivencia social y política, proyecto nacional, cohesión social, integración, una España unida y diversa, concordia, concordia nacional, paz, entendimiento, reconciliación*²):

- *Esos españoles nos dieron el mejor ejemplo de humanidad y de fraternidad; nos dieron una lección de dignidad... – Эти испанцы стали для нас лучшим примером проявления гуманности и братства, показали нам достойное поведение...* [19.06.2014, коронационная речь];
- *[...] es imprescindible que aseguremos en todo momento nuestra convivencia. – [...] необходимо постоянно обеспечивать мирное сосуществование в нашем обществе* [24.12.2018, рождественское послание];

² Эта идеологема («примирение») имеет особое значение для испанского общества, пережившего кровавые страницы Гражданской войны 1936–1939 гг.

- [...] *reconoce la diversidad territorial que nos define y preserva la **unidad** que nos da fuerza.* – [...] *признает определяющее нас территориальное разнообразие и сохраняет **единство**, придающее нам силы* [24.12.2020, рождественское послание].

Среди идеологем интегративной семантики следует особо отметить лексему *convivencia* и ее вариации (*nuestra convivencia*, *nuestra convivencia democrática*, *convivencia social y política*, *convivencia entre los españoles*), за которой стоит идея мирного сосуществования (общезития) в рамках единого и неделимого государства, исторически привыкшего к разнообразию религиозного и культурного контекста:

- *La Constitución es el gran pacto nacional de **convivencia entre los españoles por la concordia y la reconciliación, por la democracia y por la libertad.*** – Конституция – это великий национальный пакт **мирного сосуществования испанцев** во имя согласия и примирения, во имя демократии и свободы [06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции];
- *Y contamos sobre todo con nuestro sistema de **convivencia democrática.*** – И прежде всего мы рассчитываем на нашу систему **демократического сосуществования** [24.12.2020, рождественское послание].

Идея взаимопонимания и согласия как основы существования государства выражается такими идеологемами, как *entendimiento*, *paz*, *concordia*, *concordia nacional*, *encuentro*:

- *Y deseamos, en fin, una España a en la que no se rompan nunca los **puentes del entendimiento**, que es uno de los principios inspiradores de nuestro espíritu constitucional.* – И, наконец, мы хотим, чтобы в Испании никогда не разводились **мосты взаимопонимания**, что является одним из вдохновляющих принципов нашего конституционного духа [19.06.2014, коронационная речь];
- *Y de entre esos valores, quiero destacar en primer lugar, el deseo de **concordia** que, gracias a la responsabilidad, a los afectos, la generosidad, al diálogo y al respeto entre personas de ideologías muy diferentes, derribó muros de intolerancia, de rencor y de incompreensión que habían marcado muchos episodios de nuestra historia.* – И среди этих ценностей я хочу прежде всего выделить стремление к **согласию**, которое благодаря ответственности, любви, благородству, диалогу и уважению между людьми самых разных идеологий разрушило стены нетерпимости, негодования и недопонимания, которыми были отмечены многие периоды нашей истории [24.12.2019, рождественское послание];
- [...] *es necesario que todos hagamos un gran esfuerzo colectivo, un gran esfuerzo nacional, de **entendimiento** y de **concordia**...* – [...] необходимо, чтобы мы все приложили большие коллективные усилия, большие национальные усилия по **взаимопониманию и согласию**... [16.10.2020, речь на вручении премии Принцессы Астурийской].

Идея единства в многообразии (*unidad desde la pluralidad*, *una España unida y diversa*, *enorme riqueza y diversidad cultural* и пр.) всегда имела особое значение в Испании, поскольку на протяжении многих веков на территории Пиренейского полуострова противостояли или мирно сосуществовали представители различных культур (христиане, евреи и мусульмане). В настоящее время в связи с усилением центробежных сил и увеличением количества иммигрантов эта идея приобретает новые смыслы:

- *Regenerar nuestra vida política, recuperar la confianza de los ciudadanos en sus instituciones, garantizar nuestro Estado del Bienestar y preservar nuestra **unidad desde la pluralidad** son nuestros grandes retos.* – Обновление нашей политической жизни, возвращение доверия граждан к властным структурам, обеспечение процветания государства всеобщего благосостояния и сохранение **единства в многообразии** – наши главные задачи [24.12.2014, рождественское послание];
- *Siempre he pensado que España es un país extraordinario, de una **enorme riqueza y diversidad cultural**...* – Я всегда знал, что Испания – это удивительная страна, кото-

рая отличается **огромным культурным разнообразием**... [24.12.2020, рождественское послание].

В речах внешней адресации закономерно продвигается **идея мирного сосуществования и единства наций** (*convivencia entre naciones, coexistencia pacífica, proyecto europeo, proyecto común, integración europea, cooperación internacional, una Europa unida, nuestro gran proyecto común de la Unión Europea* и пр.):

- *En ese contexto, la Política Europea de Vecindad cobra hoy todo su sentido ante el drama migratorio, y nos lleva a reflexionar sobre la necesidad de dotarnos de instrumentos de **colaboración** con nuestros países vecinos para evitar los desplazamientos masivos, la violencia o la inseguridad. – В этом контексте Европейская политика соседства приобретает сегодня особый смысл в условиях миграционного кризиса и заставляет нас задуматься о необходимости поиска инструментов **сотрудничества** с нашими соседями, чтобы избежать массивных перемещений, насилия и нестабильности* [07.10.2015, речь перед Европарламентом];
- *Necesitamos más Naciones Unidas y unas **naciones más unidas**. – Сегодня мы нуждаемся не только в Организации Объединенных Наций, но и в более **тесном сотрудничестве между нациями*** [21.09.2020, речь по случаю 75-й годовщины ООН];
- *Junto a la debida gratitud debo resaltar nuestra convicción sobre la necesidad de la **mayor unión**. – Наряду с должной благодарностью я должен подчеркнуть нашу убежденность в необходимости **более тесного сотрудничества*** [21.09.2020, речь по случаю 75-й годовщины ООН].

Особо следует выделить идеологему *proyecto europeo/común* («европейский/общий проект») в речах внешней и внутренней адресации, за которой прочно закреплено **представление об объединении европейских стран** на основе тесного сотрудничества, высоких моральных принципов и господства демократических ценностей:

- ***El proyecto europeo**, que comenzó hace ya casi 60 años, crea efectivamente un espacio de paz, prosperidad, libertad, justicia y solidaridad, del que debemos sentirnos legítimamente orgullosos. – Европейский проект, начатый уже почти 60 лет назад, эффективно создает пространство, в котором царят мир, процветание, свобода, справедливость и солидарность и которым мы должны по праву гордиться* [07.10.2015, речь перед Европарламентом];
- *Quiero ahora –al concluir mis palabras– reiterar la confianza y la lealtad de España al **proyecto europeo**. – В завершении своего выступления я хочу повторить, что Испания верна и предана **европейскому проекту*** [27.04.2017, речь перед Парламентской ассамблеей Совета Европы].

Таким образом, идеологемы интегративной семантики в речах внутренней и внешней адресации служат основным инструментом трансляции идеи национального/многонационального единства и ресурсом реализации символической роли монарха как гаранта этого единства.

3. Идеологемы ценностного и культурного кода

Обозначение ключевых ценностей общества служит своеобразным ориентиром и играет особую роль в периоды социально-политической нестабильности государства (*libertad, pluralismo, pluralismo político, pluralidad política, sociedad justa e igualitaria, justicia, igualdad, derechos humanos, dignidad de los hombres y mujeres, valores tradicionales, valores cívicos de respeto y de diálogo, diálogo, responsabilidad, tolerancia, solidaridad, generosidad, esfuerzo colectivo*):

- *Y en esos mismos valores de **libertad, de responsabilidad, de solidaridad** y de **tolerancia**, la Reina y yo educamos a nuestras hijas, la Princesa de Asturias y la Infanta Sofía. – И в тех же самых ценностях **свободы, ответственности, солидарности и толерантности***

мы с королевой воспитываем наших дочерей, принцессу Астурийскую и инфанту Софию [19.06.2014, коронационная речь];

- *Respetar y preservar los principios y valores de nuestro Estado social y democrático de Derecho es imprescindible para garantizar una convivencia que asegure “la libertad, la igualdad, la justicia y el pluralismo político”, tal y como señala nuestra Constitución.* – Уважать и сохранять принципы и ценности нашего социального правового и демократического государства необходимо ради гарантии мирного сосуществования, которое обеспечивает «свободу, равенство, справедливость и политический плюрализм», согласно нашей конституции [24.12.2017, рождественское послание].

Идея справедливости и равенства всех перед законом (*una España de iguales ante la ley, una sociedad igualitaria, igualdad, justicia, una sociedad justa e igualitaria*) становится особенно актуальной в связи с громкими коррупционными скандалами последнего десятилетия (2010–2020 гг.), в которых были замешаны члены испанской Королевской семьи, и соответствует основному запросу современного общества на социальную справедливость и законность:

- *En esa España, unida y diversa, basada en la igualdad de los españoles, en la solidaridad entre sus pueblos y en el respeto a la ley, cabemos todos...* – В единой и многоликой Испании, основанной на равенстве, солидарности между народами и уважении к закону, есть место для всех... [19.06.2014, коронационная речь];
- *Nuestra democracia –desde hace ya más de 35 años– no es fruto de la improvisación, sino de la voluntad decidida del pueblo español de constituir España en un Estado social y Democrático de Derecho, inspirado en los principios de libertad e igualdad, de justicia y pluralismo; y en el que todos, ciudadanos e instituciones, estamos sometidos, por igual, al mandato de la Ley.* – Наша демократия – вот уже более 35 лет – является результатом не импровизации, а твердой воли испанского народа сделать Испанию социальным и демократическим правовым государством на основе принципов свободы и равенства, справедливости и плюрализма, в котором все граждане и учреждения в равной степени подчиняются закону [24.10.2014, речь на вручении Премии принцессы Астурийской].

Таким образом, указанные выше идеологемы закрепляют непреходящие ценностные доминанты современного испанского общества и приобретают особую значимость в период глобальных потрясений (экономический кризис, каталонский кризис, пандемия коронавируса).

4. Идеологемы, формирующие образ нации

Одним из действенных способов продвижения идей в дискурсе испанского монарха представляются идеологемы, 1) формирующие обобщенный положительный образ нации (*gran nación, gran pueblo, gran país, gran historia, socio leal y fiable, socio leal y responsable, sociedad libre y democrática, sociedad madura, sociedad vital, sociedad civil, sociedad tolerante, sociedad responsable, sociedad solidaria, país extraordinario*) и 2) транслирующие представление о качествах национального характера (*generosidad, valentía, coraje, decisión, determinación, entereza, sentido del deber, humanidad, espíritu de superación, esfuerzo, entrega, sacrificio, abnegación, trabajo al servicio del bien común, ejemplaridad, profesionalidad, profesionales extraordinarios, solidaridad, sociedad solidaria, responsabilidad, sociedad responsable*).

Традиционной для национальной патетики является **идея величия нации**, выражаемая в публичных речах Филиппа VI с помощью словосочетаний *gran país, gran pueblo, gran nación, gran historia, gran triunfo, país extraordinario*:

- *Una gran nación, Señorías, en la que creo, a la que quiero y a la que admiro...* – Великая страна, уважаемые господа, в которую я верю, которую я люблю и которой я восхищаюсь... [19.06.2014, коронационная речь];

- *Porque la historia de la España que juntos hemos construido es la historia de un **gran triunfo** de todos los españoles.* – Потому что история Испании, которую мы вместе построили, – это история **великого триумфа** всех испанцев [24.12.2017, рождественское послание];
- *Porque España es un **país extraordinario**. Así lo comprobamos con la inmensidad de grandes y pequeñas buenas acciones que protagonizan millones de nuestros compatriotas cada día...* – Потому что Испания – **удивительная страна**. Мы в этом убеждаемся каждый день, наблюдая большие и маленькие подвиги наших сограждан... [15.03.2021, речь перед почетными послами].

В последнее время в политической лингвистике приобретает особую значимость идеологема «толерантность», тесно связанная с идеей американской политкорректности [Кондакова, Принципалова, 2021]. Пристальное внимание к изучению данной проблемы обусловлено интенсивными процессами, происходящими в социальной и политической сферах и отражающимися в перестройке мировоззренческих установок [Попова, 2017]. В современном мире глобализация (особенно ее интернет-вариант) устраняет прежние защитные барьеры между носителями различных культур с их идеалами, взглядами на культурные ценности и местом религии в современной жизни, что чрезвычайно обостряет вопросы, связанные с отношением к «своим» и «чужим». Это проявилось, в частности, в быстром распространении так называемой *cancel culture* [Фефелов, 2022], которая возникла как американское внутрикультурное явление, но сразу же была заимствована в качестве модели для борьбы с «неудобными» по всему миру в самом широком смысле.

Идеологема «толерантность» представляет собой один из «самых эффективных видов информационно-идеологического оружия», используемых политическими и общественными деятелями для влияния на массовое сознание, поскольку выступает в качестве формально ненасильственного способа разрешения конфликтов, обусловленных противоположностью мировоззренческих позиций. Поэтому ее активная трансляция в политическом дискурсе связана с желанием сформировать положительное отношение к какому-нибудь актуальному явлению и обозначить/навязать новые нравственные ориентиры социума [Романова, 2019, с. 66–67].

В настоящее время **идея толерантности общества** (*sociedad tolerante, sociedad solidaria*) – это основополагающий принцип существования современного многонационального испанского народа:

- *España proyecta al mundo su realidad actual de país moderno, democrático y avanzado con una economía productiva, muy abierta y ciertamente competitiva en muchos sectores; y refleja la imagen consolidada de una **sociedad plural, tolerante y solidaria**...* – Испания предстает перед миром как современная, демократическая и прогрессивная страна с развитой, очень открытой и, без сомнения, конкурентоспособной экономикой во многих сферах; проецирует образ **многоликого, толерантного и солидарного общества**... [05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом].

Кроме того, презентация Испании как верного и надежного партнера является неотъемлемой частью выступлений монарха перед национальной аудиторией и мировым сообществом (*socio responsable, socio fiable, socio leal, socio comprometido*) [Селиванова, 2020]:

- *Todas estas colaboraciones internacionales y el magnífico trabajo realizado por la Institución Militar confirman una vez más a España como una Nación con vocación y capacidad de liderazgo, como un **socio responsable, fiable y leal** con los compromisos internacionales asumidos.* – Сотрудничество с другими странами и прекрасная работа вооруженных сил еще раз подтверждают, что Испания – это нация, готовая и способная к лидерству, это **ответственный, надежный и верный союзник** в осуществлении международных миссий [06.01.2016, речь по случаю Военной Пасхи];
- *Termino ya para subrayar que Marruecos siempre encontrará en España un **socio leal y comprometido** para apoyar su progreso en todos los ámbitos.* – В завершении я хочу под-

черкнуть, что Марокко всегда может видеть в Испании **надежного и верного своим обязательствам партнера**, готового поддержать во всех областях [14.02.2019, речь на встрече испанских и марокканских компаний].

Такие идеологемы, как *responsabilidad* ('ответственность'), *generosidad* ('благородство, щедрость'), *valentía, coraje* ('смелость, храбрость'), *entereza* ('стойкость'), *espíritu de superación* ('стремление продвигаться вперед') отражают те черты национального характера испанцев, на которые они исторически претендуют и которые монарх хочет активировать в сознании масс:

- *Mi esperanza en nuestro futuro se basa en mi fe en la sociedad española; una sociedad madura y vital, responsable y solidaria, que está demostrando una gran entereza y un espíritu de superación que merecen el mayor reconocimiento.* – Моя надежда на наше светлое будущее основана на вере в испанское общество, которое является **зрелым и динамичным, ответственным и солидарным** и которое показывает примеры **стойкости и стремления продвигаться вперед** [19.06.2014, коронационная речь];
- *El pueblo español, que ha dado ejemplo de madurez, sensatez y responsabilidad a lo largo de las últimas décadas...* – Испанская нация, которая на протяжении последних десятилетий давала примеры **зрелости, благоразумия и ответственности** в последние годы... [17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента];
- *No somos un pueblo que se rinda o que se resigne en los malos tiempos.* – **Мы никогда не сдаемся и не падаем духом** в сложные времена [24.12.2020, рождественское послание].

Начиная с 2020 г. в связи с вызванным пандемией глобальным кризисом в речах внутренней адресации стали чаще подчеркиваться **идеи жертвенности** (*sacrificio*) и **самоотверженного труда** сограждан, конкретизируемые семантическими компонентами *esfuerzo, empuje, responsabilidad, entrega, abnegación, trabajo al servicio del bien común, profesionales extraordinarios, entrega*:

- *Vuestra profesionalidad, entrega a los demás, vuestro coraje y sacrificio personal son un ejemplo inolvidable.* – Ваш профессионализм, ваше служение народу, ваша смелость и **самоотверженность** являются **незабываемым примером** [18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса];
- *Sabíamos que tenemos un gran sistema sanitario y unos profesionales extraordinarios...* – Мы знали, что у нас прекрасная система здравоохранения, в которой работают **выдающиеся профессионалы**... [18.03.2020, там же];
- *Hoy reconocemos conductas llenas de entrega a los demás sin reservas –aun poniendo en riesgo la propia vida–; llenas de solidaridad, de valentía, de ejemplaridad y de generosidad...* – Сегодня мы выражаем признательность за поведение, полное безоговорочной **преданности** другим, связанное с риском для жизни; демонстрирующее **солидарность, отвагу, пример и щедрость**... [16.07.2020, речь по случаю поминовения жертв пандемии коронавируса];
- *Esta crisis nos ha puesto a prueba como país y como sociedad, pero también nos ha permitido comprobar los principios que definen y caracterizan a miles de ciudadanos que han puesto su esfuerzo y su trabajo al servicio del bien común.* – Этот кризис стал проверкой на прочность для нашей страны и общества, однако вместе с тем позволил нам убедиться в прочности наших принципов, характеризующих многих наших граждан, которые неустанно **работают ради всеобщего блага** [16.07.2020, там же];
- *A los sanitarios les damos una vez más las gracias por su enorme esfuerzo, su extraordinaria profesionalidad y su gran humanidad con los enfermos.* – Мы еще раз благодарим медицинских работников за их колоссальные **усилия**, **чрезвычайный профессионализм** и проявление **великой гуманности** по отношению к больным [24.12.2020, рождественское послание];

- [...] *nuevamente este año, los hombres y mujeres que integran las Fuerzas Armadas, la Guardia Civil y el CNI, han demostrado ser lo más valioso de nuestra Defensa. A su permanente generosidad y a sus sacrificios tenemos que corresponder... No tengo duda de que, con vuestra contribución entusiasta y el esfuerzo de tantos profesionales, del conjunto de la sociedad española y de la Unión Europea, podremos conseguirlo.* – [...] снова в этом году мужчины и женщины, которые служат в вооруженных силах, гражданской гвардии и службе безопасности, оказались самым ценным активом нашей обороны. Мы должны соответствовать их неизменному благородству и жертвенности... Я не сомневаюсь, что благодаря вашему энтузиазму, усилиям стольких профессионалов, всего испанского общества и Европейского Союза мы сможем этого добиться [06.01.2021, речь по случаю Военной Пасхи];
- *Pero en todo este tiempo, no hemos dejado de comprobar que esta crisis ha hecho emerger con todo su vigor los profundos valores que nos definen: la solidaridad, el esfuerzo colectivo, la unión y el afecto entre ciudadanos; valores que no solo nos ayudan a afrontar esta pandemia, sino que también nos confirman algo que ya sabíamos: que juntos seremos más capaces de encarar con esperanza ese deseado futuro de recuperación.* – Но все это время мы постоянно убеждались в том, что в результате этого кризиса со всей силой проявились определяющие нас глубинные ценности: солидарность, коллективные усилия, единство и любовь друг к другу; ценности, которые не только помогают нам противостоять этой пандемии, но и подтверждают то, что мы уже знали: вместе мы быстрее сможем приблизить столь желанное будущее выздоровление [01.07.2021, речь на вручении премии Фонда принцессы Жиронской].

Таким образом, идеологемы, формирующие образ нации, в публичных речах монарха всегда имеют положительный аксиологический модус и отличаются высоким потенциалом речевого воздействия с точки зрения повышения коллективной самооценки и закрепления в сознании нации представлений о своей исторической роли.

5. Идеологемы, формирующие негативный образ современной ситуации в мире

В публичных речах испанского монарха идеологемы, формирующие образ современной ситуации в стране и мире, имеют отрицательный аксиологический модус. Этот вывод следует из анализа соответствующего семантического поля: *crisis económica, terrorismo, corrupción, desempleo (paro), desempleo juvenil, pobreza, desigualdad, desigualdad laboral entre hombres y mujeres, violencia, violencia contra las mujeres, violencia de género, precariedad, intolerancia, discordia*. Они перечисляют внешние и внутренние угрозы испанскому благополучию и представляют собой имплицитный призыв к коллективному неприятию указанных явлений и противодействию им. При этом следует отметить устойчивость набора этих идеологем в выступлениях монарха с 2014 г. по настоящее время, что говорит о потенциально высоком уровне опасности:

- *La dureza y duración de la crisis económica produce en muchas familias incertidumbre por su futuro... – Жесткость и продолжительность экономического кризиса порождают во многих семьях неуверенность в своем будущем...* [24.12.2014, рождественское послание];
- *Y quiero añadir ahora que necesitamos una profunda regeneración de nuestra vida colectiva. Y en esa tarea, la lucha contra la corrupción es un objetivo irrenunciable.* – Также хочу добавить, что нам необходимо обновление нашей коллективной жизни. И для выполнения этой задачи борьба с коррупцией является неотъемлемой целью [24.12.2014, там же];
- *Tenemos otras muchas preocupaciones –desde luego– pero esta noche no quiero olvidarme de las mujeres que, en un silencio tantas veces impuesto por el miedo, sufren la violencia de género.* – Конечно, нас беспокоят и другие проблемы, но сегодня вечером я хочу вспом-

нить тех женщин, которые из-за страха молча страдают от насилия [24.12.2017, рождественское послание];

- *El terrorismo yihadista sigue siendo una amenaza mundial y este año nosotros lo hemos sufrido directamente en Barcelona y Cambrils.* – Джихадистский **терроризм** продолжает представлять мировую угрозу, и в этом году мы непосредственно пострадали от него в Барселоне и Камбрильсе [24.12.2017, там же];
- *A lo largo de los últimos años os he venido transmitiendo en Nochebuena mis inquietudes y reflexiones sobre nuestra democracia; sobre la cohesión social y territorial, la economía y el paro o la educación; también sobre la **corrupción**, el **terrorismo** o la **violencia contra las mujeres**; una **violencia**, de tan triste actualidad y que merece siempre nuestra repulsa y condena más enérgica y el empeño de toda la sociedad para erradicarla de nuestra vida.* – На протяжении последних лет я обращался к вам в канун Рождества, высказывая свои соображения и беспокойство по поводу нашей демократии, социальной и территориальной целостности, экономики, **безработицы**, сферы образования, **коррупции**, **терроризма и насилия в отношении женщин**, насилия, которое является печальной реальностью, которое заслуживает нашего самого решительного осуждения и наказания и которое необходимо искоренить из нашей жизни усилиями всего общества [24.12.2018, рождественское послание].

Таким образом, отсылка к основным социально-экономическим и политическим проблемам современного испанского общества и мира в целом с помощью идеологем с негативным аксиологическим модусом является одной из доминант в выступлениях монарха, стремящегося вести открытый и честный диалог с аудиторией посредством постоянной акцентуации волнующих ее неопределенностей и бесспорно опасных тенденций.

Заключение

Все рассмотренные типы идеологем имеют социальную и историческую значимость для испанского общества и содержат идеологический или аксиологический компонент. Трансляция ценностных установок, мотивирующая культивирование определенных моделей поведения, – ключевая интенция их использования, формирующая в сознании адресата картину мира, которую можно условно разделить на два уровня: 1) базисный, то есть традиционный, цивилизационные культурные ценности которого утверждались в течение веков, и 2) поверхностный, соответствующий нынешнему конкретному национальному и международному историческому контексту. Базисный уровень формирует картину государственного и социального устройства, за которую отвечают знакомые всем вербальные формулы, то есть идеологемы, фиксирующие основы государственности и базовые ценности, и идеологемы интегративной семантики. Среди них наиболее значимы идеологемы, обладающие национальной специфичностью, за которыми стоит идея единства нации, столь важная для культурной памяти Испании, пережившей тяготы Гражданской войны 1936–1939 гг. и современников, преодолевших каталонский кризис в 2017 г., который в значительной степени оживил для нынешнего поколения расстановку сил времен той войны. Идеологемы ценностного и культурного кода наделены функцией постоянно воспроизводить коллективное представление об основных нормах и правилах поведения, и потому они приобретают особый смысл в периоды кризиса. Идеологемы, раскрывающие образ нации, также относятся к базисной картине мира и отличаются высокой степенью патетики, создавая необходимый эмоциональный фон для восприятия проблемной информации в условиях социально-экономической и политической нестабильности как внутри страны, так и на международной арене.

Формирование картины мира, соответствующей современному национальному и международному контексту, реализуется при помощи идеологем преимущественно с отрицательным аксиологическим модусом, и это несмотря на формально благожелательное отношение Испа-

нии к общеевропейскому проекту и идее глобализации. Это значит, что внешняя среда остается той сферой, которая подсознательно ассоциируется с потенциальной угрозой и зависимостью. В них перечисляются ключевые социально-экономические и политические проблемы испанского общества и мира в целом, а также эксплицируются политические реалии современной Испании и Европы.

С начала пандемии коронавируса в речах монарха активно продвигаются **идеи жертвенности и самоотверженного труда** при помощи идеологем с положительным аксиологическим модусом, актуализирующих тот образ нации, который возрождает в сознании адресата императивы об особых нормах поведения в условиях чрезвычайного положения и который необходим для повышения коллективной самооценки.

Таким образом, в целом идеологемы представляют собой основное средство перестройки общественного сознания и трансляции ценностных координат, то есть закрепление в общественном сознании определенной аксиологической модели. С их помощью у современного многонационального испанского народа формируются необходимые представления о: (а) основах государственного устройства страны, (б) базовых ценностях, (в) чертах национального характера как интегратора духовной культуры, (г) современной исторической ситуации в Испании. В речах внешней адресации основные функции заключаются в (а) провозглашении необходимости международного сотрудничества, (б) формировании образа Испании как надежного партнера, (в) декларации приверженности принципам демократического правления.

Список литературы

- Володенков С. В.** Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестник Московск. ун-та. Серия 12: Политические науки, 2012. № 5. С. 89–101.
- Журавлев С. А.** Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 203 с.
- Зененко Н. В.** Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе // Политическая лингвистика, 2018. № 4(70). С. 28–34.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
- Клушина Н. И.** Теория идеологем // Политическая лингвистика, 2014. № 4. С. 54–58.
- Кондакова Е. А., Принципалова О. В.** Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 2. С. 143–156.
- Мальшева Е. Г.** Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика, 2009. № 4(30). С. 32–40.
- Попова Т. П.** Семантическая сочетаемость и лингвокультурные корреляции концепта ТЕРПИМОСТЬ в русской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. Т. 15. № 2. С. 47–60.
- Романова Т. В.** Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. 120 с.
- Селиванова И. В.** Коммуникативные стратегии в публичных выступлениях испанского монарха Филиппа VI перед международным сообществом // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2020. Т. 18. № 4. С. 122–132.
- Фефелов А. Ф.** Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2022. Т. 20. № 1. С. 126–144.
- Чудинов А. П.** Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2007. 254 с.
- Van Dijk T. A.** Political discourse and ideology // DOXA Comunicaci3n, 2002. No. 1. Pp. 207–225.

References

- Chudinov, A. P.** Political Linguistics. Moscow, Flinta Publ., 2007, 254 p. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** The Discourse Around *Cancel Culture* as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 126–144. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** Russian Language and Linguistic Personality. Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p. (in Russ.)
- Klushina, N. I.** The Theory of Ideologeme. *Political linguistics*, 2014, no. 4, p. 54–58. (in Russ.)
- Kondakova, E. A., Printsipalova, O. V.** Discourse on the Linguistic Implementation of the Principles of Political Correctness in German Political Linguistics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, no. 19(2), pp. 143–156. (in Russ.)
- Malysheva, E. G.** Ideologeme as a Linguo-Cognitive Phenomenon: Definition and Classification. *Political linguistics*, 2009, no. 4(30), pp. 32–40. (in Russ.)
- Popova, T. P.** Semantic Compatibility and Linguocultural Correlations of the Concept ‘Terpimost’ in the Russian Image of the World. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 47–60. (in Russ.)
- Romanova, T. V.** Ideologemes and Axiologemes of Russian Consciousness as a Reflection of Constants and Dynamics of National Mentality. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2019, 120 p. (in Russ.)
- Selivanova, I. V.** Communicative Strategies and Tactics in the Spanish King Felipe VI’s Public Speeches. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 122–132. (in Russ.)
- Van Dijk, T. A.** Political Discourse and Ideology. *DOXA Comunicaci3n*, 2002, no. 1, p. 207–225.
- Volodenzov, S. V.** Modern Political Communication as an Instrument of Public Manipulation. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*, 2012, no. 5, pp. 89–101. (in Russ.)
- Zenenko, N. V.** Political Ideologeme in Spanish Publicistic Discourse. *Political linguistics*, 2018, no. 4(70), p. 28–34. (in Russ.)
- Zhuravlev, S. A.** Ideologemes and Their Reflection in Russian Lexicographic Discourse. PhD dissertation. Kazan, 2004. 203 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Селиванова Ирина Владимировна, старший преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Information about the Author

Irina V. Selivanova, Senior Lecturer, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 01.05.2022;

одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 25.07.2022

The article was submitted 01.05.2022; approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 25.07.2022

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-64-74

К вопросу о частотностях глагольных конструкций в некоторых жанрах массовой литературы

Надежда Николаевна Буйлова¹

Ольга Николаевна Ляшевская²

¹Институт проблем передачи информации им. Харкевича РАН
Москва, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Институт русского языка им. Виноградова РАН
Москва, Россия

¹nbujlova@ruscorpora.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0604-6603>

²olesar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8374-423X>

Аннотация

Использование корпусов для изучения специфических областей языка – широко распространенная практика в современной лингвистике. В нашем исследовании мы обращаемся к такому лингвокультурологическому явлению, как массовая литература (бульварный роман). Клишированность такой литературы позволяет описывать ее при помощи так называемых литературных формул, в универсальной форме воплощающих культурные темы и стереотипы социума. В основном исследуемые культурологами и литературоведами, с лингвистической точки зрения литературные формулы изучены недостаточно. В работе мы рассматриваем четыре микрожанра¹ (любовный роман, детектив, научно-фантастический роман и фэнтези), которые примерно соответствуют литературным формулам «романтическая история», «тайна», «чуждые сущности и состояния» и «приключения». Поскольку низкоуровневые признаки (длина текста, длина слова, частеречные характеристики) не дают однозначного ответа относительно принадлежности текста к той или иной литературной формуле, в работе на материале корпуса текстов массовой литературы анализируются глагольные конструкции (комплексы вида «глагол + зависимые»), характерные для одного или нескольких микрожанров. Для выделения подобных комплексов используются методы машинного обучения. Конструкции, внесшие наибольший вклад в кластеризацию по жанрам, мы называем маркерными, т. е. характерными для определенного микрожанра. Конструкции рассматриваются с точки зрения заполненности валентностей глагола. В исследовании выделяются полные (словарные), неполные (с опущением субъекта, прямого или косвенного объекта) и расширенные (сирконстантные) глагольные конструкции. Проанализированы и описаны конкретные примеры реализации конструкций в каждом из микрожанров. На основе схожести конструкционного профиля сделаны выводы о преобладании в любовных романах и детективах глаголов и конструкций, сопутствующих прямой речи, и о преобладании полных конструкций в научно-фантастических романах и фэнтези. Предложены также внетекстовые объяснения подобного предпочтения. Предложенный в исследовании метод может быть использован для изучения синтаксических особенностей различного генеза: обусловленных авторской, временной или жанровой спецификой.

Ключевые слова

массовая литература, литературная формула, формульная литература, глагольные конструкции, синтаксические маркеры

¹ В данной статье под микрожанром понимаются произведения, выделяющиеся в отдельные кластеры непосредственно внутри жанров массовой литературы, такие, как шпионский детектив, «алый» (любовный) роман, хронофантастику и т. п.

© Буйлова Н. Н., Ляшевская О. Н., 2022

Для цитирования

Буйлова Н. Н., Ляшевская О. Н. К вопросу о частотностях глагольных конструкций в некоторых жанрах массовой литературы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 64–74. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-64-74

On Verbal Construction Frequency in Certain Genres of Popular Literature

Nadezhda N. Buylova¹
Olga. N. Lyashevskaya²

¹The Institute for Information Transmission Problems RAS (Kharkevich Institute)
Moscow, Russia

²HSE University
Moscow, Russia

²The Russian Language Institute RAS (Vinogradov Institute)
Moscow, Russia

¹nbujlova@ruscorpora.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0604-6603>

²olesar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8374-423X>

Abstract

Corpora-based language studies is a widespread practice in modern linguistics. In our study, we address so-called mass literature (or paraliterature) via a corpus of texts. The standardization of mass literature allows us to describe its genres by applying literary formulas. In brief, a formula serves for the embodiment of cultural themes and stereotypes in a universal form. While mass literature is a common subject of literary and cultural studies, from a linguistic point of view, literary formulas have not been studied well enough. We suggest that differences between the microgenres of paraliterature may be in syntax as well as in the vocabulary. Our work is based on the mass literature corpora and provides analysis of verb constructions characteristic of microgenres (love story, detective story, science fiction novel, and fantasy). In order to identify the distinctive features of mass literature microgenres, we have conducted a series of machine learning experiments. As a dataset, we compiled a corpus of 1,200 texts belonging to four microgenres. In our previous studies we showed that statistical features (text length, sentence length, and parts of speech frequencies) were insufficient for successful classification. The usage of lexical features has improved the quality of machine learning, however, the classifier based on syntactic features has shown the best results. 81 constructions have been selected as the most important features of syntactic-based machine learning. A verb construction consists of a “verb + dependencies”. We consider several types of dependencies: arguments (subject, direct and indirect objects) and adjuncts (subordinate clause and adverbial classifier). The constructions are described in terms of the fullness of the verb valencies. Several types of constructions are distinguished: complete, incomplete (with omissions of direct or indirect complements), and extended (with adjuncts). Specific examples of verb constructions in each of the microgenres have been analyzed and described. Based on the similarity of the construction profile, romance novels and detective stories show the predominance of verbs and direct speech constructions, whereas science fiction novels and fantasy demonstrate the prevalence of full constructions. Possible non-textual explanations for our observations are also provided. The method proposed in the study can be used for the investigation of various kinds of syntactic features, for instance, those associated with the author’s, temporal or genre specificities.

Keywords

paraliterature, formula literature, verb constructions, syntactic markers

For citation

Buylova N. N., Lyashevskaya O. N. On Verbal Construction Frequency in Certain Genres of Popular Literature. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 64–74. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-64-74

Введение

Поворот квантитативной лингвистики от исследования «чистого», строго нормированного языка классических жанров литературы к литературе «реального узуса» повлек за собой расширение объектно-предметных областей и включение в них так называемой массовой литературы, ранее рассматривавшейся в основном литературоведами и культурологами [Купина, Николина, 2009]. По мнению Д. Куэньяса, массовой литературе присущи одномерность и силуэтность персонажей, однозначность и типизированность идеологического высказывания, диктуемого жанровым канонам (как, например, в детективах), достаточно строго соблюдаемым авторами [Souégnas, 1992]. Эти базовые установки ее литературности привели затем к идее о формульности подобного литературного творчества. Эксплицитно понятие «формульная литература» (*formula stories*) было введено Дж. Г. Кавелти в работе «Изучение литературных формул» [Cawelty, 1976/1996], где формула определяется как способ, с помощью которого «конкретные культурные темы и стереотипы воплощаются в более универсальных повествовательных архетипах» [Cawelty, 1996, с. 34]. Кавелти предлагает достаточно разнородный набор формул, часть из которых объединяет схожие сюжеты, а часть описывает авторские представления о законах создания и функционирования вымышленного мира: например, наряду с формулой «романтика» у него существует формула «чуждые существа и состояния» [Cawelty, 1996, с. 35].

Среди лингвистических исследований русской формульной литературы можно выделить работы Т. Валдаевой [Валдаева, 2018], которая отмечает предельную схематичность главной героини любовного (или «розового») романа², и Е. Ганапольской, опубликовавшей «Фразеологический словарь современного русского детектива» [Ганапольская, 2015].

В нашей работе мы обращаемся к синтаксическим особенностям формульной литературы, выбрав в качестве основного объекта изучения поверхностный синтаксис. Реализация поверхностного синтаксиса описывается теорией конструкций глагола, изложенной в работах по лексической семантике и синтаксису [Tesniere, 1953; Апресян, 1967; Падучева, 2004; Кустова, 2004] и грамматике конструкций [Fillmore, 1976; Goldberg, 1995; Stefanowitsch, Gries, 2003]. Нами поставлена задача выделить специфические синтаксические маркеры следующих четырех разновидностей массового романа: любовных («розовых») романов, женских детективов, космической научной фантастики и так называемого попаданческого³ фэнтези. По Кавелти, эти жанры⁴ примерно соотносятся со следующими литературными формулами: романтическая история, тайна, чуждые сущности и состояния, приключения.

Материалом послужил составленный авторами корпус из 1 200 произведений общим объемом около 100 млн словоупотреблений. Наша гипотеза состоит в том, что культурная вторичность этих произведений, связанная со следованием некоему сюжетному шаблону⁵, со стандартными ожиданиями читателей, и, следовательно, определенная клишированность языка позволит выявить не только тематическое своеобразие лексики, но и менее очевидные особенности авторской риторики в синтаксическом построении предложений.

В частности, нами исследуются конструкционные особенности глаголов, представляющих организующее начало фразы.

² Канон этого типа литературности не допускает повествования от первого лица, и, следовательно, в качестве его негативного грамматического маркера можно рассматривать отсутствие глаголов в этой форме.

³ «Попаданческая» литература – поджанр фантастической или фэнтезийной литературы, в котором главный герой внезапно переносится в прошлое, будущее, на другую планету, в параллельный мир или в мир художественного произведения.

⁴ Они иногда называются микрожанрами.

⁵ Можно говорить, например, о единой сюжетно-событийной «морфологии» детектива в том смысле, в каком Пропп [1929] описал единую морфологию сказки.

1. Метод выделения конструкций-маркеров

Изучение конструкций глагола с точки зрения реализуемых им валентностей и их структурных ограничений позволяет делать выводы как о специфичности взаимодействия синтаксиса и семантики на уровне предложения, так и об организации текста в целом. Под конструкцией мы понимаем глагол и его непосредственные синтаксические зависимые. В ее состав могут входить как обязательные зависимые, соотносимые с ядерными актантами семантического фрейма, так и факультативные (сирконстанты). Изучение свойств глагольной конструкции строится на статистических корпусных данных с привлечением многоуровневой лингвистической разметки.

Использованный в работе корпус русскоязычной литературы массовых жанров был размечен лексически и синтаксически в соответствии с моделью синтаксиса зависимых Universal Dependencies [Буйлова, Ляшевская, 2021]. В итоге было выделено более четырех миллионов глагольных конструкций типа *<убрать nsubj obj obl>*^{6,7}. При помощи метода машинного обучения «Случайный лес» для классификации текстов корпуса по формульным жанрам были выделены маркерные конструкции, характерные для одного, двух или трех микрожанров (подробное описание метода см. [Буйлова, Ляшевская 2021], список конструкций см. Github⁸).

В итоговую выборку вошла 81 маркерная конструкция, однако пять из них мы были вынуждены исключить из-за ошибок разметки (например, смешения прямого и косвенного дополнения у глагола *производить* или инфинитивной клаузы и косвенного дополнения у глагола *становиться*). Оставшиеся 76 конструкций принадлежат 74 глаголам: глаголы *касаться* и *хотеться* образуют по две различные маркерные конструкции: *<касаться obl>* и *<касаться nsubj obl>*, *<хотеться obl xcomp>* и *<хотеться nsubj xcomp>* для любовных романов и детективов соответственно.

2. Типы маркерных конструкций

Изучая полноту реализации валентностного потенциала глаголов среди маркерных конструкций литературных формул, мы выделили полные (с реализацией всех обязательных валентностей) и неполные (с опущением одной или нескольких из них) конструкции. Последние в свою очередь можно разделить по способу (не)выражения синтаксического актанта на бессубъектные (с опущением подлежащего) и безобъектные (с опущением прямого объекта и конструкции с конкуренцией переходной и непереходной реализации). Кроме того, были проанализированы расширенные конструкции, в которых, помимо обязательных актантов, выражается вовлеченность сирконстантных участников. Далее будут обобщены свойства этих групп маркерных конструкций во всех четырех жанрах.

2.1. Полные конструкции

Полные конструкции (т. е. совпадающие со словарной формулой вида *<видеть кого-либо <obj> где-либо <obl>>*) более характерны для формул фэнтези и научной фантастики. Это может быть связано с их риторической спецификой, проявляющейся в большей описательности, а также с большей средней длиной предложений (СДП) в этих жанрах. В описанном ниже примере глагол *поднимать* из маркерной конструкции *<поднимать nsubj obj obl>* имеет три заполненные валентности: подлежащее *кто-то*, прямое дополнение *их* и не прямое дополнение *по очереди*.

⁶ Здесь и далее используются следующие сокращения: *nsubj* – подлежащее, *obj* – прямое дополнение, *obl* – косвенное дополнение, *xcomp* – инфинитивная клауза, *advcl* – адverbальный модификатор.

⁷ Эта конструкция описывает предложение *Он (nsubj) убрал тарелку(obj) со стола (obl)*.

⁸ <https://github.com/nadin4123/RussianFormulaStories>.

FT⁹ *Как будто кто-то поднимал их по очереди и тут же ставил на место.*

Отдельную группу полных конструкций составляют конструкции глаголов движения, физиологии, ментальных и бытийных глаголов, не допускающих прямого дополнения в принципе:

FT *Воронка направляется ко мне.*

Интересно отметить, что все собственно непереходные глаголы, конструкции которых стали маркерными, выступают только в роли финитной вершины клаузы с выраженным субъектом. Любовные романы лидируют по количеству таких конструкций (19 конструкций-маркеров любовных романов из 50 маркерных конструкций с непереходными глаголами).

LS *Губы покраснели и распухли от его поцелуев, грудь вздымалась и опадала с каждым вдохом и выдохом.*

2.2. Неполные конструкции

Неполные конструкции в целом чаще встречаются в любовных романах и детективах. Далее мы проанализируем их свойства, разделив по типу незаполненной валентности.

2.2.1. Бессубъектные конструкции

Бессубъектные конструкции присущи в большей степени любовному роману, детективу и фэнтези. Основная их часть приходится на употребление глагола в составе деепричастного оборота или сочиненной группы. Опускание актора – серьезная модификация глагольной конструкции, которая может свидетельствовать о сравнительной сложности синтаксиса: как минимум, в таких предложениях несколько глаголов, и поэтому первый участник часто синтаксически контролируется другим предикатом:

LS *Мой партнер, не убирая руки с моей талии, нагнулся к моей кисти и поцеловал.*

DS – *Это Рип, – сказал я, убирая руку с рукоятки «зиг-зауэра».*

FT – *И кто у нас тут самый глазастый, – буркнула лучница, убирая стрелу в колчан.*

2.2.2. Безобъектные конструкции

В отличие от субъекта, объект опускается гораздо реже. Соответствующая неполная конструкция практически не наблюдается среди конструкций-маркеров формульной литературы. Исключением стала конструкция глагола *глотать/глотнуть* (маркер детектива). Она представляет случай null instantiation – имплицитной передачи информации об обязательном участнике, заданной фреймом глагола либо восстанавливаемой из контекста [Fillmore, 1986]. Так, если *глотают (сглатывают) судорожно*, то, скорее, слюну, а если кто-то *глотнул еще* – скорее всего, подразумевается алкогольный напиток.

SF *Олег снова глотнул.*

2.2.2.3. Конкуренция за валентности как объяснение опущения прямого дополнения

Невыраженность прямого объекта у переходных глаголов может объясняться конкуренцией разных способов обозначения второго семантического актанта. В первую очередь, это конкуренция конструкции с прямым объектом и конструкции с комплементарной клаузой, ср. *боялся насмешек* и *боялся показаться смешным / что его дядя-лесоруб посчитает племянника плаксой*. В русском у глагола прямой объект и комплементарный крайне редко относятся к разным семантическим актантам или выражаются одновременно, чаще это два разных способа выраже-

⁹ Здесь и далее используются следующие сокращения: LS – любовные романы, DS – детективные романы, SF – научная фантастика, FT – фэнтези.

ния одного участника. Так, прямой объект может сжато соответствовать пропозиции, которую в развернутом виде выражал бы комплемент (*решить вопрос*).

В наших данных прямое дополнение может быть опущено в трех случаях, из которых самый частый – прямая речь. В эту группу входят глаголы речи *буркнуть, говорить, вскрикнуть, отвечать*. Отсутствие объекта в этом случае объяснимо, несмотря на то, что в эту группу попали как переходные, так и непереходные глаголы: тема разговора была вынесена в реплику. Такие конструкции характерны для любовных романов и детективов, в которых персонажи много говорят (спрашивают, рассказывают, отвечают), в результате чего в тексте доминирует диалог как форма коммуникации:

DS – *Ничего особенного, уже уезжаем, – буркнул Родионов.*

LS – *Доминик! – вскрикнула она, когда он крепко схватил ее за запястье.*

Другой тип опущения дополнения представлен конструкциями с вытеснением объекта на синтаксическую периферию. В таких конструкциях объект существует, но, пользуясь терминами динамического представления глагольных диатез, имеет низкий коммуникативный ранг [Падучева, 2004], т. е. становится синтаксической периферией (маркерной конструкцией становится *рассказывать о происшествии / говорить о делах, но не рассказывать сказку / говорить речь*). Большая часть этих конструкций принадлежит глаголам речи, широко представленным в русскоязычной художественной литературе: валентность на содержание высказывания (уже выраженная прямой речью) вытесняется валентностью на тему разговора.

FT – *Он не упоминал о том, где он собирался там жить?*

Третий тип представлен конкуренцией моделей управления *хотр* и прямого дополнения. Теоретически количество зависимых глагола не ограничено, однако в массовой литературе глагол редко имеет более трех заполненных валентностей. Подобное ограничение приводит к вытеснению прямого дополнения комплементарной клаузой. Большая часть этой группы маркирует фэнтези.

FT *А то ждать заставляешь.*

FT *Ледяные струи дождя больно хлещут по спине, заставляя еще ниже пригнуться к седлу и спрятать лицо.*

2.2.4. Опущение других зависимых

Чаще всего опускаются зависимые, связанные с локацией или состоянием (для глаголов движения или трансформации и бытийных глаголов), и зависимые, связанные с участниками и содержанием коммуникации (для глаголов речи). В маркерных конструкциях глаголов движения остается наиболее значимая валентность: «конечная точка», «начальная точка» либо «место». Кроме того, такие глаголы часто используются в переносных значениях и фразеологизмах:

FT *Уверена, теперь он оборачивается на каждую лошадь на улице.* (конечная точка)

SF *Астроному в школе проходил?* (место)

LS *Представления не имею, как можно весь день проходить на высоких каблуках.* (образ действия)

DS *Так, изредка доходили слухи...* (имплицитная конечная точка)

Схожее поведение демонстрируют бытийные глаголы и глаголы трансформации.

LS *Но Джейн много рассказывает мне об Америке, а я помогаю ей решать проблемы, возникающие у нее в Англии.* (место)

DS *А сами стремитесь к тому же, хотя постоянно оказываетесь в центре внимания.* (место)

DS *То, что повторяется изо дня в день, превращается в обыденность.* (конечное состояние)

LS *Молчание становилось невыносимым.* (конечное состояние)

Что касается глаголов речи, то им присущи валентности с семантикой «адресат», «тема» и «содержание высказывания», которые могут выражаться при помощи косвенного объекта. В таком случае можно было бы ожидать использование конструкции с тремя косвенными объектами, но в маркерных конструкциях их зачастую опускают. В большинстве случаев это объясняется тем, что семантические актанты «адресат» и «тема» уже выражены в реплике персонажа и не дублируются в комментариях к прямой речи, содержащей целевой глагол:

DS *Он просит, чтобы я встретился с ним с глазу на глаз.*

LS – *Отец, может, мы обсудим это позже, наедине? – сдерживаясь из последних сил, попросил Бромвелл.*

Также могут опускаться зависимые с семантикой «способ действия» (для *звонить*: *по телефону* или *в дверь*); «точка контакта» (для *подхватывать*: *на руки, под локоток*); «стимул» (*смеяться*: *над кем* или *от чего*, *краснеть*, *розоветь*: *от удовольствия*); «содержание пропозиции» (*подозревать в чем*). Отметим, однако, что системной картины статистика этих примеров не образует и служить надежными маркерами жанра они не могут.

2.3. Конструкции с сирконстантами

Расширенные конструкции предполагают выражение сирконстантного участника. В наших примерах он обозначается чаще всего как *obl* или *advcl*, однако необходимо иметь в виду, что у глаголов *просить* и *бояться* *advcl* кодирует и *содержание* (в придаточной клаузе с союзами *чтобы* и *если*), и *время*, и *цель*, и прочую категориальную семантику, которая может быть выражена непосредственно в реплике:

DS – *И главное: взломайте компьютер, там могут быть важные сведения! – попросила я, особенно не веря в удачу, и торопливо поведала все, о чем успела узнать.*

Аналогичным образом у глагола *вскрикнуть* обстоятельственная клауза выражает причину эмоциональной реакции (обязательный участник) или *состояние, образ действия героя* (сирконстант):

LS *Решиив, что это Линвуд, Венеция негромко вскрикнула, но потом узнала его.*

В заключение обратимся к трем конструкциям, в которых участник *advcl* всегда является сирконстантным: *<бродить nsubj obl advcl>*, *<подниматься nsubj obl advcl>*, *<стать nsubj xcomp advcl>*.

Эти глаголы становятся своеобразными входными точками для читателя, позволяя ему подключиться к эмоциональным переживаниям и интерпретировать действия героев. Автор формульной литературы вынужден балансировать между раскрытием описательной, эмоциональной или интеллектуальной составляющей, не слишком усложняя при этом восприятие произведения. Это приводит к многозначности глаголов, которые могут использоваться в переносном значении. Зачастую упрощение достигается следующим способом: физический глагол перемещается в синтаксический центр предложения, а глагол, обеспечивающий читательское «эмоциональное подключение», помещается в зависимую клаузу, что упрощает создание эффекта эмоциональной вовлеченности через механизм *embodiment* (воплощенность происходящего в физическом опыте).

DS *Загрузив провизию в машину, я стала придумывать меню на вечер.*

LS *Наверху Рэн бродила по комнате, заламывая руки и вытирая бегущие слезы.*

FT *Сердце словно вырвали у нее из груди, волна слез поднималась к глазам, грозя затопить печалью.*

3. Сравнительная характеристика микрожанров

Для дальнейшего обсуждения сходств и различий между четырьмя вышеперечисленными жанрами необходимо вспомнить отличительные черты, установленные ранее в парадигме компьютерной лингвистики для каждого из них в [Буйлова, Ляшевская, 2021]. Так, оказалось,

что они различаются не только по параметру *лексический состав* жанрового корпуса, что вполне очевидно и естественно объясняется предметно-тематической спецификой DS, LS, FT и SF, но и по параметрам *длина предложений в токенах*¹⁰ и *длина текстов в токенах* (средние значения составляли 11 982 токена для DS, 13 170 – для LS, 21 999 – для FT, 22 495 – для SF). В нашем корпусе средняя длина произведения в жанре SF больше, чем в трех остальных, а в LS самая короткая. Средняя длина слова в фэнтези на две буквы длиннее¹¹. В то же время частеречные характеристики четырех подкорпусов остаются практически идентичными [Bujlova, 2018, с. 109]. Возможно (и вероятнее всего), такие расхождения в базовой лингвостатистике вызваны не языковыми, а собственно литературными факторами, связанными с канонами жанров, с различиями в «технике и технологии» создания текста произведений.¹² Специфика научно-фантастических романов предполагает, к примеру, более развернутые объяснения, с одной стороны, и определенную сериальность, заключающуюся в тяготении к многотомным сагам, с другой. Любовные романы ориентированы на формат покетбуков, предполагающий определенный тип «потребления», и по размеру они не столько романы, сколько повести, что отражено в английском названии жанра словом *story*.

Стоит также отметить, что любовные романы и детективы, в большей степени ориентированные на описание внутреннего мира героев (интеллектуального в DS и эмоционального в LS), используют больше глаголов речи (таких как *буркнуть*, *сказать*, *вскрикнуть* и т. д.), чем фэнтези и научная фантастика для описания взаимодействия персонажей или передачи внутреннего монолога. Также ожидаемо у любовных романов выделяется класс глаголов, описывающих эмоциональные состояния персонажей (*розоветь*, *краснеть*), как маркер изменения цвета кожи вследствие внутренних переживаний.

Однако, как было нами показано, не все жанровые различия могут быть одинаково эффективно использованы для классификации текстов, что говорит о небольшом вкладе некоторых параметров и связанных с ними количественных показателей в определение литературно-языковой специфичности жанра. Так, низкоуровневые признаки (частотность различных частей речи, длина текстов в словах, и особенно в предложениях) не позволяют однозначно различить жанры. При этом использование глаголов с высоким коэффициентом логарифмического подобию существенно улучшает результаты классификатора, хотя наилучшие результаты он демонстрирует на наборе данных с включением синтаксических признаков [Bujlova, 2018].

При сравнении глагольных конструкций-маркеров важно отметить, что некоторые из них могут являться отличительным признаком более чем одного жанра. Поэтому на данный момент следует говорить не только о различиях между жанрами, но и о сходстве литературных приемов, используемых в них. Потому наши наблюдения носят, скорее, характер гипотезы, нежели однозначных утверждений; их необходимо тестировать на иных наборах данных.

Таким образом, мы видим, что для научной фантастики и фэнтези более характерны полные конструкции и что фэнтези характеризуется вытеснением прямого дополнения компонентной клаузой. С точки зрения литературной технологии и характера повествования это может быть объяснено, с одной стороны, тяготением этих двух жанров к некоторой клишированности в конструкциях (т. е. стремлением воспроизводить наиболее привычные из них), а также, с другой стороны, к построению описательных предложений большей длины, поскольку к особенностям текстов о вымышленных мирах можно отнести требование давать большую экспозицию.

Если сравнивать прогностический потенциал неполных конструкций, то для фантастики, например, наиболее характерны бессубъектные, что противопоставляет ее трем другим жан-

¹⁰ Средняя длина предложения в токенах составляла для LS – 14, для DS – 13, для SF – 14, для FT – 15 [Bujlova, 2018, с. 109].

¹¹ Средняя длина слова в символах для LS – 5, DS – 5, SF – 14, FT – 7 [Bujlova, 2018, с. 109].

¹² По крайней мере, у нас пока нет оснований утверждать, что такое варьирование связано исключительно с субъективной авторской стилистикой, хотя этот фактор требует дополнительных исследований.

рам. Однако это также может свидетельствовать о сравнительной простоте синтаксиса массовой научной фантастики.

Вместе с тем выяснилось, что синтаксические характеристики детективов и любовных романов близки. Как мы уже упоминали выше, это может объясняться тем, что действие обоих происходит в «более реальном» мире, отражающем процессы, происходящие в реальном социуме с определенным местом и временем действия. Можно сказать, что в противовес подчеркнуто воображаемым мирам фэнтези и фантастики, оторванным (за редкими исключениями) от конкретного хронотопа, они связаны с ментальностью обычных людей, их жизненным опытом, и потому являются «более разговорными». Они «строятся и держатся» на диалогах: герои либо выясняют отношения (в любовных романах), либо (д)опрашивают друг друга (в детективах). Этот прагматизм жанра проявляется как в лексическом составе маркеров (глаголы речи чаще становятся маркерами именно этих жанров), так и в конструкционном: глаголы речи становятся маркерными в ремарках к репликам. Именно введение прямой речи обуславливает изменение конструкции: смещение актантов на синтаксическую периферию и превращение их в сирконстанты.

Заключение

В заключение стоит сказать, что описанные конструкции-маркеры могут быть очень полезны в качестве признаков машинного обучения. Рассмотрение таких конструкций, позволяющих определять с большей или меньшей достоверностью жанр текста, выявило несомненное наличие синтаксических особенностей, характерных для литературных формул. В частности, можно считать доказанным, что детективы и любовные романы демонстрируют тяготение к употреблению конструкций с глаголом речи и, за счет прямой речи, смещению объекта на синтаксическую периферию, тогда как для научной фантастики и фэнтези характерны синтаксические паттерны описания (полные либо бессубъектные конструкции).

Это свидетельствует о том, что литературная формула накладывает определенные ограничения на синтаксические конструкции, подтверждая связь синтаксиса и семантики, однако взаимовлияние этих уровней построения текста должно быть исследовано более подробно. Кроме того, включение в анализ менее типизированных текстов позволит выделить не только жанровые особенности, но и авторский стиль, а также влияние текущего литературного окружения.

Поскольку микрожанр накладывает определенные ограничения на выбор синтаксических конструкций, использованный нами метод изучения текстов демонстрирует перспективность исследований взаимодействия семантики и синтаксиса на материале корпуса.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.** Лексические конверсивы в русском языке // *Linguistica Silesiana*, 1975. Т. 1. С. 256–283.
- Апресян Ю. Д.** Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Буйлова Н. Н., Ляшевская О. Н.** Лексико-синтаксические маркеры малых литературных жанров // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 2021. Вып. 66. С. 11–23.
- Валдаева Т. Н.** Жив ли розовый роман: читательская среда и популярный жанр // *Культурные инициативы: материалы 50 Всероссийской с международным участием научной конференции молодых исследователей*, 2018. С. 111–114.
- Гананольская Е. В.** Фразеологический словарь современного российского детектива: в двух томах. СПб.: Златоуст, 2015–2016.
- Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А.** Массовая литература сегодня: учеб. пособие. М.: Флинта, 2009.

- Кустова Г. И.** Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Падучева Е. В.** Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Рахилина Е. В.** Лингвистика конструкций, М.: Азбуковник, 2010.
- Byjlova N.** Amateur Prose on the Web: Verb Construction as a Feature of Genre Classification. In: Proc. of ARANEA 2018. Web Corpora as a Language Training Tool. Slovakia, Bratislava, 2018.
- Cawelty J. G.** Adventure, Mystery and Romance. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Couégnas D.** Introduction à la paralittérature. P.: Seuil, 1992.
- Fillmore Ch.** Frame Semantics and the Nature of Language // Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Berkeley, NY, USA, 1976. Pp. 20–32.
- Fillmore Ch.** Pragmatically Controlled Zero Anaphora // Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, NY, USA, 1986. Pp. 95–107.
- Goldberg A.** Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Stefanowitsch A., Gries S. T.** Collostructions: Investigating the Interaction of Words and Constructions // Int. J. of Corpus Linguistics, 2003. No. 8(2). Pp. 209–243.
- Tesnière L.** Esquisse d'une syntaxe structurale. P.: Klincksieck, 1953.

References

- Apresyan, Yu. D.** Lexical conversion in Russian. *Linguistica Silesiana*, 1975, 1, pp. 256–283. (in Russ.).
- Apresyan, Yu. D.** Experimental Study of the Semantics of the Russian Verb. Moscow. Nauka Publ, 1967, 251 p. (in Russ.)
- Bujlova, N. N., Lyashevskaya, O. N.** Lexical-Syntactic Markers of Minor Literary Genres. *Vestnik PSTGU*, 2021, 66, pp. 11–23. (in Russ.)
- Byjlova, N.** Amateur Prose on the Web: Verb Construction as a Feature of Genre Classification. In: Proc. of ARANEA 2018. Web Corpora as a Language Training Tool. Slovakia, Bratislava, 2018.
- Cawelty, J. G.** Adventure, Mystery and Romance. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Couégnas, D.** Introduction à la paralittérature. P.: Seuil, 1992.
- Fillmore, Ch.** Pragmatically Controlled Zero Anaphora. In: Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, NY, USA, 1986, pp. 95–107.
- Fillmore, Ch.** Frame Semantics and the Nature of Language. In: Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Berkeley, NY, USA, 1976, pp. 20–32.
- Ganapol'skaya, E. V.** Phraseological Dictionary of Modern Russian Detective Literature: in 2 vol. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ, 2015–2016, 256 p. (in Russ.)
- Goldberg A.** Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Kupina, N. A., Litovskaya, M. A., Nikolina, N. A.** Mass Literature Today: A Tutorial. Moscow, Flinta: Nauka Publ, 2009, 423 p. (in Russ.)
- Kustova, G. I.** Types of Derivative Meanings and Mechanisms of Language Development. Moscow, Yazyki rossiskoi kultury Publ, 2004, 471 p. (in Russ.)
- Paducheva, E. V.** Dynamic Models in Vocabulary Semantics. Moscow, Yazyki rossiskoi kultury Publ, 2004, 607 p. (in Russ.)
- Rahilina, E.** Linguistics of Constructions. M.: Azbukovnik, 2010.

- Stefanowitsch, A., Gries, S. T.** Collostructions: Investigating the Interaction of Words and Constructions. *Inter. Journal of Corpus Linguistics*, 2003, no. 8(2), pp. 209–243.
- Tesnière, L.** Esquisse d'une syntaxe structurale. P.: Klincksieck, 1953.
- Valdaeva, T. N.** Is the Pink Romance Alive: Reading Environment and Popular Genre. In: *Kul'turnye iniciativy: materialy 50 Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii molodyh issledovatelej*, 2018, pp. 111–114. (in Russ.)

Информация об авторах

Буйлова Надежда Николаевна, младший научный сотрудник
Ляшевская Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, профессор

Information about the Authors

Nadezhda N. Bujlova, junior researcher
Olga N. Lyashevskaya, Doctor of Philosophy, Professor

*Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 27.07.2022
The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 27.07.2022*

Научная статья

УДК 81.373

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89

Анализ десигната в практике судебной лингвистической экспертизы: к вопросу о построении методологии

**Александра Вячеславовна Бурцева¹
Ольга Владимировна Калашникова²
Светлана Николаевна Троцюк³**

¹⁻³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

¹ burtseva_av@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5528-6489>

² kalashn_ov@spbstu.ru <https://orcid.org/0000-0001-9916-9655>

³ svetlana.trocuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7452-6668>

Аннотация

Авторами обосновывается применение в прикладных исследованиях семиотического подхода как адекватного интегративной природе речевой деятельности, уточняется понятие конфликтности на уровне трех составляющих языкового знака (по Г. Фреге): имени, денотата, и особенно десигната, не предполагающего существование абсолютно идентичных понятий в сознании разных людей. На примере экспертного заключения демонстрируется реализация семиотического подхода в ситуации конфликтности десигната как наиболее сложного для языкового анализа элемента семантики и знаковая природа «спорности» текста. В статье обозначены различия между трактовками текста как «спорного» и как «конфликтного».

Ключевые слова

семиотический подход, спорный текст, лингвистическая экспертиза, конфликтность, десигнат, денотат, коммуникативная роль

Для цитирования

Бурцева А. В., Калашникова О. В., Троцюк С. Н. Анализ десигната в практике судебной лингвистической экспертизы: к вопросу о построении методологии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. №. 3. С. 75–89. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89

© Бурцева А. В., Калашникова О. В., Троцюк С. Н., 2022

Designatum Analysis in Forensic Linguistic Expertise: On the Question of Constructing a Methodology

Alexandra V. Burtseva¹; Olga V. Kalashnikova²;
Svetlana N. Trocuk³

¹⁻³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russia

¹burtseva_av@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5528-6489>

²kalashn_ov@spbstu.ru <https://orcid.org/0000-0001-9916-9655>

³svetlana.trocuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7452-6668>

Abstract

The authors substantiate the use of the semiotic approach in applied research as adequate to the integrative nature of speech activity and clarify the concept conflictogenicity at the level of three components of a linguistic sign according to G. Frege: name, denotation, and especially designatum, which does not imply the existence of absolutely identical concepts in the minds of different people. Using the example of an expert opinion, the implementation of the semiotic approach in the situation of conflict designatum, as the most difficult element of semantics for language analysis, as well as the symbolic nature of the “controversial” text are demonstrated. The article highlights the differences between the interpretation of the text as “controversial” and “conflictogenic”.

Key words

semiotic approach, conflict text, linguistic expertise, conflict potential, designatum, denotation, communicative role

For citation

Burtseva, A. V., Kalashnikova, O. V., Trocuk, S. N. Designatum Analysis in Forensic Linguistic Expertise: On the Question of Constructing a Methodology. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 75–89. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89

Введение

Становление юридического термина как процесс «юридизации» значения общенародного слова определяет значимость и актуальность критического осмысления опыта практической работы юристов и лингвистов-экспертов в этой предметной области. Особый интерес, на наш взгляд, представляют методы исследования, востребованные в лингвистической экспертизе, поскольку от степени обоснованности их применения напрямую зависит верифицируемость проводимого лингвистом-экспертом исследования. Между тем, судебная лингвистическая экспертиза – относительно новое направление прикладной лингвистики [Бринев, 2009; Голев, 2018], которое до сих пор находится в поиске и некоторой неопределенности. На сегодняшний день речь идет именно о становлении методологии юридической лингвистики. Проблема метода лингвистической экспертизы в исследованиях [Беликов, 2001; Галяшина, 2003] была обозначена как одна из актуальнейших еще в начале века. Н. Д. Голев отмечал субъективность экспертной работы, нехватку «общих принципов и конкретной методики юрислингвистической экспертизы, способной эффективно совмещать лингвистическую и правовую оценку конфликтных языкоречевых ситуаций, вовлекаемых в сферу юрисдикции» [Голев, 2002]. Позднее эту же проблему отмечал как все еще актуальную Г. В. Кусков, указывая на замедленный процесс создания общепринятой классификации методов в юрислингвистике, неопределенность самого понятия «метод», стертость граней между лингвистикой и смежными с ней научными дисциплинами [Кусков, 2011].

Используемые при проведении лингвистической экспертизы методы до сих пор весьма разнообразны: применяются когнитивные методики, методики комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа спорного текста и оценки его потенциальной конфликтности в случае медийной публикации, сравнительно-логические методы, методы теории систем и многие другие. При этом наблюдается тенденция к сокращению собственно лингвистических методов и росту арсенала методов частных прикладных

дисциплин – особенно психолингвистики, нейролингвистики, социолингвистики – что представляется логическим следствием применяемого в прикладных исследованиях междисциплинарного подхода, более адекватного интегративной природе речевой деятельности.

Таким образом, ключевой задачей лингвистической экспертологии остается создание адекватных методик исследования, что не мешает, однако, рассматривать вопрос и «с другой стороны». Так, для К. И. Брилева [2010] на первом месте стоит разработка теорий, на основе которых возможно построить релевантные методики проведения текстовых экспертиз, иными словами, разработка методологии. В развитии судебной лингвистической экспертизы он отмечает как позитивные аспекты, к которым относит разработку отдельных методических рекомендаций в рамках *конкретных категорий* дел, некоторое расширение границ использования лингвистических заключений в следствии, дознании, суде, так и негативные, подчеркивая, что описательный (дескриптивный) уровень лингвистических экспертиз тем не менее развит слабо.

Значимыми при этом остаются как проблема определения предмета исследования, так и методологические принципы лингвистического исследования в правовой сфере.

Исходя из вышесказанного, мы определяем проблемой данного исследования теоретическое обоснование применимости семиотического подхода для разработки эффективной методики судебной лингвистической экспертизы. Он не только дает возможность обосновать принцип построения теории лингвистической экспертизы на раскрытии природы конфликтности языкового знака, но и, в частности, позволит судебному эксперту решать типичные для юридической лингвистики прикладные задачи, связанные с выявлением в медийной сфере публичных призывов, оскорблений и других высказываний, порочащих честь и достоинство физических или юридических лиц.

1. Материалы и методы

Методологической основой исследования спорного текста является трактовка языка как «универсальной семиотической матрицы, такой моделирующей структуры, у которой другие структуры заимствуют основные свойства <...> функционирования» [Бенвенист, 1974, с. 87]. Семиотический подход заявлен в мировой судебно-лингвистической экспертологии, но пока ограничен областью исследования юридической терминологии в когнитивно-семиотическом и национально-культурном аспектах [Endicott, 2002; То, 2008].

С нашей же точки зрения, данный подход универсален и может служить методологической базой для разработки прикладных методик широкой проблематики. Язык в семиотическом пространстве занимает особое место в силу особенностей природы языкового знака и его функционирования, является единственной подлинно семиотической системой, поскольку лишь слово характеризуется как единица, наделенная значением. Свойство означивания неотделимо от самого знака, оно присуще знакам независимо от тех связей, в которые они могут вступать. Человек погружен в семиотическую «вселенную» и, включаясь в интегративный процесс коммуникации, оперирует знаками и знаковыми системами как вербальной, так и невербальной природы, интерпретируемых, тем не менее, с помощью интерсемиотического перевода [Якобсон, 1978, с. 16–24]. В результате, используя язык, его вербальные, паралингвистические и невербальные средства, субъект речи может выражать по-разному в конкретных текстах одно и то же содержание при помощи разных знаков – графических, словесных, пластических, музыкальных и других [Сапогова, 1992]. Это значит, что для юрислингвистики актуален подход, позволяющий анализировать не только письменные и устные вербальные знаки в тексте, но и так называемые мультимодальные и полимодальные тексты [Комалова, 2022].

Опора на семиотический подход позволяет определить конфликтный потенциал трех компонентов языкового знака: имени, денотата и десигната. Это, на наш взгляд, дает возможность уточнить понятие спорного текста как содержащего знаки, имеющие противоречия

в данной трехкомпонентной структуре, вызванные случайными либо намеренными нарушениями в процессе означивания, что, в свою очередь, приводит к коммуникативным сбоям, непониманию и/или конфликту.

Материалом для статьи послужила лингвистическая экспертиза, выполненная независимым научно-исследовательским учреждением «Центр судебных экспертиз» г. Мурманска в 2018 году.

Объектом исследования является семиотический подход к лингвистической экспертизе; предметом – конфликтогенность составляющих языкового знака.

2. Результаты и обсуждение

Согласно немецкому философу и математику Г. Фреге (1848–1925), структура знака представляет собой треугольник, вершинами которого являются предмет (денотат), понятие (десигнат, сигнификат) и имя. Имя представляет собой любое явление, предмет, изображение, жест, позу, число, слово, то есть любой значимый элемент. Денотат представляет собой любой материальный объект или явление духовной жизни общества. Третий компонент, десигнат, является отражением существенных свойств предмета в мышлении. Таким образом, знак, резюмирует Ю. С. Степанов, это «всякий элемент знаковой системы, структура которого есть треугольник Фреге» [Степанов, 1985, с. 91].

В современной юрислингвистике отсутствует как таковое определение собственно спорного (конфликтогенного) текста, но выделены его признаки:

- наличие как минимум двух участников коммуникации (порождающего и воспринимающего); алогичность, несвязность внутренних частей или кусков текста [Сергеев, 2006, с. 105–107];
- наличие у автора текста намерения сознательно и активно действовать в ущерб другому участнику столкновения (читателю, герою публикации и т. п.) [Белоус, Осколкова, 2007];
- наличие в тексте оценочных конструкций [Ушакова, Латынов, 1995, с. 33–41];
- способность вызывать значимое противоречие между участниками коммуникации, которое выливается в обращение одного из них в судебные инстанции и последующее назначение лингвистической экспертизы [Матвеева, 2004, с. 89–100].

Заметим, что развиваемые в юрислингвистике трактовки конфликтогенности единиц и конфликтогенного текста заметно отличаются от культурнолингвистических или межкультурных, обычно связанных с понятием внутрикультурной или межкультурной политкорректности. Главным признаком конфликтогенного текста с юридической точки зрения является его *правовая* спорность, поэтому выражения «конфликтогенный текст» и «спорный текст» в юрислингвистике синонимичны. В коммуникативной или политической лингвистике ситуация иная: превалирует термин «конфликтогенный текст», который становится таковым из-за присутствия в нем конфликтогенов или конфликтогенных маркеров, единиц «экстремистской» направленности, относимых в американской терминологии к *hate language*. Поэтому основной задачей становится разработка типологии конфликтогенов¹, а не доказательство факта наличия или отсутствия нарушения закона в случае иска.

Совокупность перечисленных признаков, с точки зрения семиотического подхода, сводится к намеренному или случайному нарушению автором спорного текста отношений между составляющими языкового знака, понятием, именем, предметом, и нормами употребления знака.

¹ См. в этой связи примеры характерного дискурса: 1) «Говоря о конфликтогенных маркерах, справедливо отмечают, что в этой функции может выступить любая единица языка <...> Форма реакции реципиента (как вербальной, так и невербальной) может указывать на факт и на степень конфликтогенности текста, особенно если последний не содержит «явных» конфликтогенов вроде инвектив» [Балясникова, 2015, с. 23]; 2) «Типологию конфликтогенных единиц нельзя считать окончательно разработанной...» [Балясникова, 2015, с. 23, 26].

Следовательно, внимание лингвиста-эксперта должно быть обращено на выявление конфликтогенного потенциала данных нарушений.

Конфликтогенность имени как компонента знака обусловлена его стилистическими характеристиками и доказуема, например, путем соотнесения функции словесного знака с пометами в словарных статьях.

Конфликтный потенциал денотата обусловлен теми коннотациями, которыми реалия «обрастает» в той или иной культуре.

С точки зрения конфликтогенности, из трех компонентов знака особенно интересен десигнат, так как существование абсолютно идентичных десигнатов в сознании разных людей маловероятно, что зачастую уже может стать причиной непонимания или недопонимания, своеобразным конфликтогеном. Так, еще в начале 2000-х Н. Д. Голев [2003] отмечал, что ориентация только на пометы словаря, характеризующего слово как «бранное» или не дающего такой пометы, приводит к тому, что оскорбитель зачастую остается безнаказанным в ситуации, когда, например, оскорбительны те составляющие десигната, которые обусловлены ассоциативным полем слова, составляя периферию его лексического значения. Современные исследователи [Кочергина, 2019, с. 166] все еще отмечают проблему нехватки имеющихся лексикографических данных для экспертной работы лингвиста-практика.

Проблемы устройства знаковых систем, их соотношение и взаимодействие в тексте чрезвычайно важны для анализа морально-этической неприемлемости его фрагментов. При этом знаковая коммуникативная сфера предстает целостной, как картина мира, в которой все гетеросемиотические элементы семантически связаны общим контекстом. Отсюда и делается вывод, что семиотическая теория представляет базис для универсальной методологии, который, тем не менее, в силу его еще недостаточной разработанности современными исследователями [Mikhailova, 2020], требуется конкретизировать сообразно возникающим задачам, что мы и попытаемся сделать далее.

Принципиально проблема интерпретации знаков в процессе анализа спорного текста основывается на семиотических законах его смыслового строения, то есть: на исследовании отношения знаков к их объектам (семантике) в конкретных контекстах; на анализе синтактики знаков в спорном тексте по сравнению с нормативной, кодифицированной в языке, на котором составлен подвергаемый экспертизе текст; на учете прагматических закономерностей восприятия (прочтения) текста, зависящих от позиции наблюдателя или интерпретатора [ср. Leech, 1983]. Эта точка зрения и нашла отражение в ряде ключевых недавних работ по юридической лингвистике [Finegan, 2020; May, 2020]. Действительно, в семиотической теории Э. Бенвениста языковой знак был определен как *нерасторжимое* единство плана содержания и плана выражения. Из этого следует, что процесс означивания текстов (цепочки знаков) опирается на «какое-либо соглашение, которое одинаково понималось бы отправителем и получателем» [Бенвенист, 1974]. А это значит, что всякое нарушение «соглашения», связанного с процессом означивания, потенциально конфликтогенно.

Кроме того, языковой знак сложен по своей структуре и может рассматриваться и как иконический, и как условный, поскольку существует как факт абстрактной языковой системы и как речевой факт, бытующий во всем многообразии коннотативных приращений смыслов, вносимых в него отправителем (обычно единичным) и получателями сообщения (обычно множественными). Это обуславливает специфику юридического декодирования языкового знака: при восприятии вербального знака в составе текста становится актуальной проблема преодоления его прямого значения, так как в словесной коммуникации действуют законы комбинаторики, в силу которых словесный знак меняет свое значение, сообразуясь с семантикой целого и актуализируя периферийные семы, которые могут стать значимыми для юрислингвистики [Богданова-Бегларян, 2020].

Имплицитность выражения информации в спорном тексте ставит перед лингвистом-экспертом не столько задачу ее распознавания, сколько предъявление объективных доказательств,

обосновывающих наличие того или иного оскорбительного или экстремистского смысла, посылы, интенции и – шире – конфликтогенного потенциала.

Анализ трех составляющих языкового знака может стать одновременно и теоретическим базисом, и алгоритмом исследования в лингвистических экспертизах спорных текстов. Поэтапный анализ имени, денотата, десигната и отношений между этими компонентами языкового знака применим, на наш взгляд, в типичных для лингвистики задачах, связанных с выявлением оскорблений, высказываний, порочащих честь и достоинство, определением разногласий в трактовке того или иного понятия, уточнением предмета речи в осложненной коммуникации и многих других типов исследований, связанных с выявлением семантики текстовых элементов.

3. Реализация семиотического подхода в ситуации конфликтогенности десигната

На разрешение эксперта в экспертизе 16/1565 был поставлен вопрос: «Соответствует ли коммуникативное поведение N в представленной на стенограмме видеозаписи речевой ситуации характеристикам понятия “наблюдение”?». Лексема «наблюдение», использованная в протоколе допроса для обозначения действий сотрудника МВД, представляет собой пример спорности языкового знака, вызванной, с нашей точки зрения, неоднозначностью десигната и приведшей к юридическому конфликту.

Использование лексемы «наблюдение» в протоколе вызвало спорную ситуацию: по мнению защиты, поведение сотрудника полиции больше соответствовало понятию «эксперимент» как виду оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ), для проведения которого необходимо получение специального разрешения. В силу того, что данное разрешение получено не было, у защиты была возможность ходатайствовать о том, чтобы не приобщать полученные сведения к делу. Таким образом, в данном случае возникло расхождение в понимании самого термина, ставшее причиной проведения лингвистической экспертизы. Прежде чем приступить к анализу связей между десигнатом (лексема «наблюдение») и его денотатом (стенограмма видео), напомним об интегративной природе речевой деятельности, поскольку именно она обусловила сложность денотата. В самой стенограмме слово *наблюдение* отсутствует вообще, но ее вербальная и невербальная информация допускает подобную вербальную категоризацию (юридическую квалификацию) мультимодального документа, поэтому оно и появилось в протоколе допроса. Другой интерпретатор – сторона защиты – утверждает, что тот же самый документ имплицитно несет иную категориальную семантику – эксперимент. Конфликт налицо, при том что найти в тексте стенограммы «конфликтогены» в привычном значении этого слова практически невозможно.

Текст протокола содержит такие компоненты знака, как имя (лексема «наблюдение») и отсылку к денотату, представляющему собой действия сотрудника полиции, зафиксированные на стенограмме видео: «12.11.2015, в 21:19 часов, мой коллега N, которому руководством также было поручено проведение ОРМ «Наблюдение», был оснащен специальным техническим оборудованием для осуществления записи и фиксации событий, происходящих в указанное время в вышеуказанном помещении».

Для установления соответствия или несоответствия компонентов языкового знака термину «наблюдение» было необходимо выявить содержание его десигната, описать структурные компоненты этого понятия с точки зрения юридической практики, а затем сопоставить их ключевые характеристики с денотатом, то есть коммуникативным поведением сотрудника полиции.

Чтобы выявить содержание десигната «наблюдения» как вида ОРМ, мы провели семантический анализ применения данного термина в юридической литературе с опорой на положения описанного выше семиотического подхода, когда во внимание исследователя попадают как стандартные понятийные компоненты самого слова, так и вариации его значения в различных подъязыках и полевых ситуациях.

Отметим, что в тексте протокола слово наблюдение употреблено именно в терминологическом значении, на что указывает аббревиатура ОРМ (оперативно-розыскное мероприятие). Анализ научных статей по теме «Наблюдение как ОРМ» позволил выявить содержание десигната, несмотря на то, что этот термин неоднозначно трактуется на страницах диссертаций, юридических научных журналов и учебно-методических пособий.

Наряду с принадлежностью *наблюдения* к ОРМ были выявлены и другие категориальные признаки, используемые авторами юридических работ в конструкции «наблюдение – это» как сущностные понятийные характеристики. Таковыми являются термины *слежение, контроль, фиксация, изучение*.

Таблица 1

Содержание десигната «наблюдение» в юридическом дискурсе

Table 1

The Content of the Designatum “Observation” in Legal Works

Авторы определений	Категориальный признак	Дифференциальные признаки
Научно-практический комментарий к ФЗ об ОРД	слежение	1) негласное; 2) за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения.
А. В. Веденин [2012, с. 26]	контроль и/или фиксация деяний лица	1) физический, электронный или комплексный; 2) осуществляемое гласно и негласно; 3) проводимое оперативным работником.
И. Ю. Антонов [2015, с. 32]	слежение или контроль	1) со стороны уполномоченного законом субъекта; 2) за поведением и действиями лица; 3) направленное на получение информации о признаках преступной деятельности и другой информации, необходимой для решения задач ОРД; 4) осуществляемое как с помощью технических средств, так и без них.
В. Д. Лахин [2007, с. 106–107]	слежение	1) уполномоченных оперативных работников и конфиденентов; 2) целенаправленное; 3) негласное; 4) в естественных условиях; 5) за объектами оперативной заинтересованности и местами их реального либо возможного нахождения; 6) без вмешательства в ход их деятельности.
А. А. Степанов, М. Г. Шананин [2005, с. 18].	изучение	1) оперативно значимых явлений, событий, фактов, а также поведения лиц, подозреваемых в преступной деятельности; 2) негласное; 3) визуальное или с использованием технических средств.

Таким образом, *наблюдение*, трактуемое в наиболее обобщенном понятийном смысле как комплексное понятие, включающее слежение, контроль, фиксацию и изучение, представляет собой действие, осуществляемое человеком по отношению к какому-либо объекту.

Сущность данного действия состоит в фиксации какого-либо процесса, осознании и понимании происходящего. Его десигнат, то есть понятийное значение слова *наблюдение*, отражен в «Большом толковом словаре русского языка» и трактуется как: 1) действие к глаголу *наблюдать*; 2) то, что подмечено, замечено в результате внимательного рассматривания, изучения кого-, чего-либо.

Близка такому толкованию *наблюдения* его трактовка как общенаучного метода исследования, а именно: целенаправленное восприятие явлений объективной действительности, в ходе которого приобретаются знания о внешних сторонах, свойствах и отношениях объектов. Процесс использования метода научного наблюдения является не пассивным созерцанием мира, а особым видом научной деятельности, включающим в себя следующие элементы: наблюдателя, объект наблюдения, средства наблюдения (технические средства фиксации наблюдаемого).

Активность субъекта в наблюдении как общенаучном методе связана не только с работой органов чувств, вниманием наблюдателя, но и с его способностью толковать эти чувства, однако она не предполагает его вмешательства в наблюдаемый процесс. Иными словами, *наблюдение* – это внутренняя активность субъекта действия при его внешней пассивности.

Отличительные (дифференциальные) признаки *наблюдения* как вида ОРМ, отраженные в таблице 1, представляют собой десигнат и включают в себя многоаспектную характеристику процесса с точки зрения: 1) оповещенности/неоповещенности объекта наблюдения о данном процессе (негласное; осуществляемое гласно и негласно); 2) объекта наблюдения – за кем ведется наблюдение (за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения); 3) использования/неиспользования специальных технических средств (физический, электронный или комплексный; визуальное или с использованием технических средств); 4) цели наблюдения (направленное на получение информации о признаках преступной деятельности и другой информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности); 5) субъекта наблюдения (проводимое оперативным работником или другим уполномоченным законом субъектом); 6) условий осуществления (без вмешательства в ход их деятельности).

Последний, шестой, признак определяет, на наш взгляд, дифференциальную специфику наблюдения. Так, если сопоставить определение *наблюдения* с дефинициями *эксперимента*, то мы увидим, что дифференцирующим признаком их десигнагов является именно активность/пассивность человека, осуществляющего ОРМ.

В соответствии с названной нормой, *оперативный эксперимент* представляет собой воспроизведение действий, обстановки, обстоятельств преступного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступления, выявления субъектов, их совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных противоправных действий или получения иных данных о криминальной деятельности [Шумилов, 1999; Нетреба, 2009].

Оперативный эксперимент – способ получения информации путем воспроизведения негласно контролируемых условий и объектов для установления противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Он заключается в активном наблюдении за поведением лица – объекта оперативной заинтересованности – в управляемых или контролируемых условиях или в проведении иных опытных действий, непосредственно не связанных с поведением лица, для получения оперативно значимой информации, которые проверяют и уточняют имеющиеся сведения о вероятной подготовке или совершении тяжкого (особо тяжкого) преступления [Шумилов, 1999, с. 169].

Это значит, что понятие *эксперимент* в оперативно-розыскной деятельности предполагает активные действия проводящего его лица, а именно: воспроизведение или совершение опытных действий с реконструкцией ситуации на месте (в отличие от наблюдения, предполагающего невмешательство наблюдателя в происходящее).

Сопоставив семиотические структуры двух понятий, приходится заключить, что коммуникативное поведение N не может быть признано соответствующим позиции наблюдателя, поскольку содержание протокола указывает на то, что он является активным деятелем, то есть совершает коммуникативные (спрашивает, отвечает, высказывает оценку, говорит по телефону) и некоммуникативные (платит, играет на компьютере, пересаживается за другой стол и т. д.) действия в помещении, где осуществляется ОРМ. Перечисленное значит, что N активно вмешивается в ход действий, показанных на видео, а значит, происходящих в помещении. Видеоматериал также показывает, что во время нахождения в помещении N берет на себя коммуникативную роль *инициатора общения*: он вступает в коммуникацию с шестью из девяти коммуникантов (с М, Ж, М1, Д, М2 и П), не считая разговора по телефону, факт осуществления которого также отражен на видео.

Коммуникативное поведение N преимущественно характеризуется стратегией расширения об информированности обозначенных коммуникантов о предмете его скрытого интереса и скрытой проверке сведений, которыми располагают его адресаты.

Во время пребывания в зале N также произносит реплики, не обращенные к кому-либо, дважды говорит по телефону, обращается к различным людям, присутствующим в зале. В полном словесном виде коммуникативное поведение N отражено в таблице 2, где нами обозначена цель каждой реплики и, что существенно, ее модальность.

Таблица 2

Поведение коммуниканта N

Table 2

Behavior of Communicant N

Реплики N	Адресат сообщения	Функция реплики, модальность
1	2	3
1) Какой не занят?	Ж, М	Узнает о свободном столе/компьютере.
2) Давайте на 300. Какой не занят? На каком больше играли?	Ж	Выспрашивание о наиболее востребованном компьютере.
3) Второй оттуда?	Ж	Выспрашивание, уточнение места.
4) Ты что, опять взял что ли?	М1	Побуждение М1 к разговору, уточнение факта выигрыша М1.
5) Охре*ть!	М1	Эмоциональная реакция на ответ о выигрыше М1.
6) Много народу играло...?	Д	Побуждение Д к разговору.
7) Ого. Она без шаров что ли играет, время?	Д	Обращение с вопросом к Д по поводу игры. Попытка завязать разговор.
8) Ну что там, давай корабль <...>. То не докрутит, то перекрутит.	Ни к кому не обращено	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш.
9) Дал на перед?	П	Попытка вступить в коммуникацию.
10) Да что ты?!	Ни к кому не обращено	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш.
11) Включите туда вот.	Ж	Побуждает Ж переключить игру на другой компьютер.
12) Да. На 300. А то на такси не останется. Восьмой уже занят.	Ж	Вербализация факта оплаты. Уточнение по поводу суммы оплаты. Выспрашивание о компьютере для игры.

Окончание табл. 2

1	2	3
13) Освободился 10-й?	Ж	Выспрашивание о компьютере для игры.
14) За ним что-то вообще никто не играет.	Ж	Выспрашивание о компьютере для игры. Сомнение в востребованности свободного компьютера.
15) Может, со второго переключить сюда? На каком дольше играли? Давайте на ближнем.	Ж	Побуждение к выполнению невербальных действий. Выспрашивание о наиболее востребованном компьютере для игры.
16) Да, там у меня осталось	Ж	Согласие играть на ближнем.
17) Ни х*на ничего не дает, что за дела. Вот этот, наверное, хороший, на нем много играл.	Неперсонализированное высказывание	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш. Выражение предположения о лучшем варианте компьютера для игры.
18) Неудача.	Не персонализированное высказывание	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш.
19) Гулять так гулять! Чуть-чуть осталось.	М2	Выражение желания продолжить игру.
20) Деньги забыл. Открой дверь.	М2	Побуждение адресата к невербальному действию (просьба открыть дверь).
21) Мне деньги, деньги забрать.	М2	Побуждение адресата к невербальному действию (просьба открыть дверь). Обоснование причины.
22) Кого?	М2	Уточняющий вопрос.
23) Пошли.	Адресат неизвестен	Побуждение, выраженное в форме приказа, адресованное кому-то (предположительно сотрудникам полиции) войти.
24) Я пацанов подожду тут. Тут поиграем.	М2	Обоснование отказа заходить в помещение. Скрытая модальность: недопущение невербального действия – закрытия двери.
25) Знакомых.	М2	Ответ на вопрос М2 «каких пацанов». Скрытая модальность: недопущение невербального действия – закрытия двери.

Вывод: коммуникативная роль N связана с иницированием общения, он самый активный коммуникант в данной ситуации, поскольку ему принадлежит подавляющее большинство реплик. Коммуникативное поведение сотрудника полиции N, являясь денотатом языкового знака «наблюдение», упомянутого в протоколе, не соответствует, однако, десигнату «наблюдение» как вида ОРМ.

Детальное сопоставление денотата, включающего комплекс вербальных и невербальных действий, которые зафиксированы на видео и переведены в графический текст, и десигната, понятийных компонентов значения термина «наблюдение» в текстах по юриспруденции, позволило выявить их принципиальное несоответствие. Иными словами, мы наблюдаем про-

тиворечие между компонентами знака, которое позволяет трактовать заключение протокола как спорное.

Выводы

Представленный кейс не только показывает, что на сегодняшний день судебная лингвистическая экспертиза нуждается в надежной методологии, но и ярко демонстрирует расхождения между ней и лингвокультурной лингвистикой в трактовке таких базовых понятий, как конфликтогенный/спорный текст, конфликтогены, маркеры конфликтогенности. В нашем примере конфликтогенность «превращается» в спорность. Она вызвана не оскорбительностью неких инвектив, экстремистской лексики и жестов, которые обычно имплицируются лингвокультурной лингвистикой, и не hate language, который подразумевается в межкультурной коммуникации «своих» и «чужих» [Фефелов, 2017, с. 54, 61, 63], а исключительно нарушением негласного соглашения, связанного с процессом означивания понятия/феномена «наблюдение».

Десигнат этого слова, ставшего, помимо всего прочего, в юридическом дискурсе термином, связан с очень специфичным денотатом, и эти связи нельзя исследовать по дефинициям толкового словаря. Необходимо изучать весь комплекс вербальных и невербальных средств его плана выражения, которые сформировались в ходе интегративного процесса речевой коммуникации в конкретном хронотопе. А конститутивные и дифференциальные признаки десигната требуется еще и проверять по данным научно-юридического дискурса.

Таким образом, семиотическая теория знака может стать надежным базисом для разработки методологий анализа спорных и конфликтогенных текстов в различных прагматических целях, поскольку она обладает универсальным характером, объединяя различные типы текстов как совокупности знаков вне зависимости от стиля речи и сферы употребления и соответствуя интегративной природе речевой деятельности.

Анализ трехкомпонентной структуры знака, взаимосвязи между компонентами и процессом означивания позволяет выявлять конфликтогенный статус знака, определяя содержащие подобные знаки текст как спорный.

Список литературы

- Антонов И. Ю.** Понятие и определение наблюдения как оперативно-розыскного мероприятия // Юрист-правовед, 2015. № 3(70). С. 32.
- Балясникова О. В.** Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтогенного текста // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. Т. 13. № 4. С. 22–27.
- Белоус П. А., Осколкова Н. В.** Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература, 2007. Т. 2. № 4. С. 96–107.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Богданова-Бегларян Н. В.** Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова, 2020. № 2. С. 23–31. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12021
- Бринев К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
- Веденин А. В.** Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие, особенности использования его результатов: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2012. 26 с.
- Галяшина Е. И.** Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
- Голев Н. Д.** Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрилингвистика-3: Проблемы юрилингвистической экспертизы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 7–38.

- Голев Н. Д.** Юрислингвистика и регулирование языковых конфликтов (к проблеме толерантного отношения к языку). *Право і лінгвістика: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. У 2 частинах. Частина 2.* Сімферополь. Ялта, 2003. С. 120–127.
- Комалова Л. Р.** Исследования по компьютерной и экспериментальной лингвистике // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание, 2022. № 1.* С. 24–34. DOI: 10.31249/H/2022.01.02
- Кочергина К. С.** Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // *Вопросы лексикографии, 2019. № 15.* С. 154–173.
- Кусков Г. В.** Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // *Теория и практика общественного развития, 2011. № 5.* С. 217–224.
- Ляхин В. Д.** Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие // *Вестник Омского ун-та. Серия «Право», 2007. № 2(11).* С. 106–111.
- Матвеева О. Н.** К вопросу о юридизации конфликтного текста // *Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 89–100.
- Нетреба В. А., Овчинский В. С.** Понятие оперативного эксперимента. Теория оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. 86 с.
- Сапогова Е. Е.** Моделирование как этап развития знаково-символической деятельности дошкольников // *Вопросы психологии, 1992. № 5–6.* С. 26–30.
- Сергеев С. С.** Аналитика конфликтного текста. Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России». Т. 15. Социальная стратификация. Социология конфликта. Гендерная социология. М., 2006. С. 105–107.
- Степанов А. А., Шананин М. Г.** Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве следственных действий. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2005. 60 с.
- Степанов Ю. С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. С. 335.
- Ушакова Т. Н., Латынов В. В.** Оценочный аспект конфликтной речи // *Вопросы психологии, 1995. № 5.* С. 33–41.
- Фефелов А. Ф.** Типы реализации переносной семантики цветообозначений black/white в мейнстримных СМИ США // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. Т. 15. № 4.* С. 52–67.
- Шумилов А. Ю.** Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий. М., 1999. 128 с.
- Якобсон Р.** О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.* М., 1978. С. 16–24.
- Endicott T.** *Law and Language. Jurisprudence and Philosophy of Law.* Oxford, 2002. Pp. 935–968.
- Finegan E., Lee B.** *Corpus Linguistic Approaches to ‘Legal Language’: Adverbial Expression of Attitude and Emphasis in Supreme Court Opinions.* The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. London, New York: Routledge. 760 p.
- Leech G.** *Principles of Pragmatics: (Longman Linguistics Library; no. 30)* London: Longman Group Limited), 1983. 158 p.
- May A., Holt E., Saeed N. A., Sani N. A.** *Socio-Pragmatic Aspect of Legal Questioning: Police Interviews, Prosecutorial Discourse and Trial Discourse.* The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. London, New York: Routledge, 2020. 760 p.
- Mikhailova P.** *Graphic Markers of Irony and Sarcasm in Written Texts.* Speech and Computer: 22nd International Conference, SPECOM-2020 (St. Petersburg, Russia, October 7–9, 2020). Cham: Springer, 2020. 346356 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-60276-5_34
- To C.** *Confidentiality in Arbitrations. Legal Discourse across Cultures and Systems.* Hong Kong, 2008. 242 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Научно-практический комментарий к ФЗ об ОРД. Статья 6. Оперативно-розыскные мероприятия. При осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия [Электронный ресурс] // Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности: научно-практический комментарий. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7666/> (дата обращения: 28.03.2022).

References

- Antonov, I. Yu.** The Concept and Definition of Surveillance as an Operational-Search Measure. *Legal Jurist*, 2015, no. 3(70), p. 32. (in Russ.)
- Balyasnikova, O. V.** How to Study Key Words' Meanings of a Conflictogenic Text: a Psycholinguistic Approach. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 22–27. (in Russ.)
- Belous, P. A., Oskolkova, N. V.** Conflict Discourse vs Conflict Text. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 2007, vol. 2, no. 4, pp. 96–107. (in Russ.)
- Benveniste, E.** General Linguistics. Moscow, Progress, 1974. 448 p. (in Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan, N. V.** The Core and Periphery of the Lexical and Grammatical Characteristics of the Russian Word: About the Lot of Peripheral Units. *World of the Russian Word*, 2020, no. 2, pp. 23–31. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12021 (in Russ.)
- Brinev, K. I.** Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Barnaul, AltGPA, 2009. 252 p. ISBN 978-5-88210-464-0 (in Russ.)
- Vedenin, A. V.** Surveillance as an Operational-Search Measure, Features of Using Its Results: Abstract. dis. ... cand. legal Sciences. Vladimir, 2012. 26 p. (in Russ.)
- Endicott, T.** Law and Language. Jurisprudence and Philosophy of Law. Oxford, 2002, pp. 935–968.
- Fefelov, A. F.** Semantic Patterns of Interpreting the Symbolic Meanings of Color Terms BLACK/WHITE in Some US Mainstream Media. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 52–67.
- Finegan, E., Lee, B.** Corpus Linguistic Approaches to 'Legal Language': Adverbial Expression of Attitude and Emphasis in Supreme Court Opinions. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London, New York: Routledge. 760 p.
- Galyashina, E. I.** Fundamentals of Forensic Speech Science. Moscow, STANSI, 2003, 236 p. (in Russ.)
- Golev, N. D.** Jurislinguistics and Regulation of Language Conflicts (On the Problem of Tolerant Attitude to Language). *Law and Linguistics: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. In two parts. Part 2. Simferopol, Yalta, 2003, pp. 120–127. (in Russ.)
- Golev, N. D.** On the Objectivity and Legitimacy of Sources of Linguistic Expertise. *Jurislinguistics-3: Problems of Jurislinguistic Expertise*. Barnaul, Alt. un-t, 2002, pp. 7–38. (in Russ.)
- Kochergina, K. S.** Theory and Practice of Using Dictionaries as Sources for Linguistic Expertise. *Problems of lexicography*, 2019, no. 15, pp. 154–173. (in Russ.)
- Komalova, L. R.** Research in Computer and Experimental Linguistics. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature, ser. 6. Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 24–34. DOI: 10.31249/H/2022.01.02 (in Russ.)
- Kuskov, G. V.** General and Particular Tasks of the Methodology of Forensic Linguistic Expertise. *Theory and practice of social development*, 2011, no. 5, pp. 217–224. (in Russ.)
- Lakhin, V. D.** Surveillance as an Operative-Search Measure. *Bulletin of the Omsk University. Series "Right"*, 2007, no. 2(11), pp. 106–111. (in Russ.)
- Leech, G.** Principles of Pragmatics (Longman Linguistics Library; no. 30) London: Longman Group Limited), 1983. 158 p.

- Matveeva, O. N.** To the Question of Conflict Text as a Legal Notion. *Jurislinguistics-5: Legal aspects of language and linguistic aspects of law*, pp. 89–100. Barnaul, Alt. un-t, 2004. (in Russ.)
- May, A., Holt, E., Saeed, N. A., Sani, N. A.** Socio-Pragmatic Aspect of Legal Questioning: Police Interviews, Prosecutorial Discourse and Trial Discourse. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London, New York: Routledge, 2020, 760 p.
- Mikhailova, P.** Graphic Markers of Irony and Sarcasm in Written Texts. In: *Speech and Computer: 22nd International Conference, SPECOM 2020 (St. Petersburg, Russia, October 7-9, 2020)*, 346356 p. Cham: Springer, 2020. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-60276-5_34 (in Russ.)
- Netreba, V. A., Ovchinsky, V. S.** The Concept of Operational Experiment. *The Theory of Operational-Search Activity*. Moscow, 2009, 86 p. (in Russ.)
- Sapogova, E. E.** Modeling as a Stage in the Development of Sign-Symbolic Activity of Preschoolers. *Questions of Psychology*, no. 5–6, pp. 26–30. (in Russ.)
- Sergeev, S. S.** Analytics of the Conflict Text. Abstracts of Reports and Speeches at the All-Russian Sociological Congress “Globalization and Social Changes in Modern Russia”. Vol. 15. Social Stratification. *Sociology of Conflict. Gender Sociology*. Moscow, 2006, pp. 105–107. (in Russ.)
- Shumilov, A. Yu.** Legal Bases of Operational-Search Activities. Moscow, 1999, 128 p. (in Russ.)
- Stepanov, A. A., Shanarin, M. G.** Using Results of Operational-Search Activity as Basis for Planning Further Investigative Actions. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2005. 60 p. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** In the Three-Dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, and Art. M.: Nauka, 1985. 335 p. (in Russ.)
- To, C.** Confidentiality in Arbitrations. *Legal Discourse across Cultures and Systems*. Hong Kong, 2008. 242 p.
- Ushakova, T. N., Latynov, V. V.** Evaluative Aspect of Conflict Speech. *Questions of psychology*, 1995, no. 5, pp. 33–41. (in Russ.)

List of Sources

Scientific-practical commentary to the Federal Law on ORD. Article 6. In the implementation of operational-search activities, the following operational-search activities are carried out [Online]. Federal law on operational-search activities: scientific and practical commentary. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7666/> (accessed on: 28.03.2022).

Сведения об авторах

Бурцева Александра Вячеславовна, доцент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Калашникова Ольга Владимировна, старший преподаватель Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Троцок Светлана Николаевна, доцент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Information about the Authors

Alexandra V. Burtseva, Associate Professor at the Institute of Humanities Higher School of Engineering Pedagogics, Psychology and Applied Linguistics of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Olga V. Kalashnikova, senior Lecturer at the Institute of Humanities Higher School of Engineering Pedagogics, Psychology and Applied Linguistics of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Svetlana N. Trocuk, Associate Professor at the Institute of Humanities Higher School of Engineering Pedagogics, Psychology and Applied Linguistics of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;

одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 28.07.2022

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 28.07.2022

Научная статья

УДК 81-139

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-90-108

База данных русского жестового языка поликлинического предназначения: лингвистические особенности материала и аннотирования

**Ильдар Амирович Кагиров¹
Дмитрий Александрович Рюмин²**

^{1,2}Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН (СПб ФИЦ РАН)
Санкт-Петербург, Россия

¹kagirov@iias.spb.su, <https://orcid.org/0000-0003-1196-1117>
²ryumin.d@iias.spb.su, <https://orcid.org/0000-0002-7935-0569>

Аннотация

Настоящая статья описывает цифровую базу данных русского жестового языка по тематической области «Первичный прием у врача-терапевта». Конкретной практической целью сбора базы данных является создание системы автоматического перевода с РЖЯ, основанной на технологиях глубокого машинного обучения. Вместе с тем, описываемая база данных представляет определенный интерес и с точки зрения лингвистики жестовых языков. Собранный материал позволяет проиллюстрировать ряд синтагматических явлений в слитной жестовой речи, аналогичных фонетической синтагматике, таких как эпентеза, ассимиляция, редукция и выпадение удержания. Данная работа проводится сотрудниками Лаборатории речевых и многомодальных интерфейсов СПб ФИЦ РАН в рамках междисциплинарного исследования по созданию системы машинного перевода с русского жестового языка.

Принципиальным отличием записанной базы данных от большинства датасетов, ориентированных на решение задач автоматического распознавания жеста, является наличие слитных высказываний и присутствие элементов развития собственно РЖЯ, а не калькирующей речи. К основным целям настоящей статьи относятся описание принципов создания базы данных, процесса ее формирования и записи, а также обоснование принятой системы аннотирования.

Автоматическая сегментация жестовой речи на минимальные компоненты является нетривиальной задачей, из-за вариативности формы (ср. плана выражения) жестов в слитной речи, серьезно затрудняющей четкое определение межжестовых границ.

В настоящей работе жест анализируется по модели движение-удержание, что позволяет выделить функциональное ядро жеста и отследить потенциальные вариации жестовых сегментов. Соответственно, в процессе аннотирования базы данных каждое высказывание на жестовом языке разбивалось на сегменты движения и удержания; полученные схемы жестов заносились затем в отдельный каталог, содержащий информацию об основных параметрах каждого удержания, в том числе и о возможности его контактной модификации. Результатом проделанной работы является полная декомпозиция записанных жестов, которая может быть использована при создании статистических моделей русского жестового языка.

К собственно лингвистическим особенностям базы данных относятся вариативность жестов, спонтанное переключение кодов (русский жестовый язык – калькирующая речь) и маусинг. Информанты, принявшие участие в записи базы данных, являются учащимися колледжа для глухих и овладели жестовой речью в разных регионах России, поэтому потенциально собранный материал может служить инструментом для исследования диалектной вариативности в РЖЯ.

Ключевые слова

русский жестовый язык (РЖЯ), жестовые языки, аннотирование языковых корпусов, вариативность в жестовых языках, структура жеста

© Кагиров И. А., Рюмин Д. А., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 3

Для цитирования

Кагиров И. А., Рюмин Д. А. База данных русского жестового языка поликлинического предназначения: лингвистические особенности материала и аннотирования // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 90–108. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-90-108

Благодарности

Авторы статьи благодарят студентов и сотрудников ФКПОУ «Межрегиональный центр (колледж)» Минтруда России г. Павловска (Пушкинский район, Санкт-Петербург) за неоценимую помощь при записи базы данных. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-71-00141, <https://rscf.ru/project/21-71-00141/>.

Russian Sign Language Database for Clinical Use: Data and Annotation Peculiarities

Ildar A. Kagirov¹, Dmitry A. Ryumin²

^{1,2}St. Petersburg Federal Research Center of RAS (SPC RAS)
St. Petersburg, Russia

¹kagirov@iiias.spb.su, <https://orcid.org/0000-0003-1196-1117>
²ryumin.d@iiias.spb.su, <https://orcid.org/0000-0002-7935-0569>

Abstract

This work has been carried out by the members of the Laboratory of Speech and Multimodal Interfaces of the St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences within an interdisciplinary research project aimed at the creation of an automatic Russian sign language translation system. The paper presents the design of a Russian sign language digital database for a specific subject area, namely, «The first visit to doctor».

Our database is meant to be used first of all a dataset for training neural network-based systems of automatic translation from Russian sign language. But also, it can be of interest for linguistics of sign languages in general since the approach elucidates solution of a number of distorting phenomena typical for continuous sign language tracking, such as epenthesis, assimilation, reduction, and hold deletion.

The principal difference between the presented video data and other datasets developed for similar purposes is the use of continuous sign utterances and elements of Russian sign language proper instead of the so-called “signed Russian” (that is, the visual form of the Russian spoken language), popular in deaf schooling.

One of the most challenging problems, dealt with in the paper, is an automatic segmentation of sign speech into separate meaningful units with clearly defined boundaries. Its solution is hampered by signs’ deformations in continuous speech. In this paper, the segmentation is carried out within the framework of the movement-hold model. This approach allows extraction of their functional core as well as annotation of possible changes likely to appear in different signs’ segments. Accordingly, each utterance was subdivided into segments of motion and hold, and the resulting sign schemes were then entered into a separate directory containing information about the main parameters of each hold, including the possibilities of change due to immediate environment. The result of this work is a full decomposition of the signs, forming the database which can find its application in different statistical models of Russian Sign Language.

Among other linguistic peculiarities of the database should be noted lexical variability of signs, mouthing and code switching between Russian sign language and “signed Russian”. Also, our signers learned Russian sign language in different regions of Russia, thus the collected data is potentially a source for research in dialectal variability of Russian sign language.

Key words

Russian sign language, sign languages, linguistic corpora annotation, variability in sign languages, sign structure

For citation

Kagirov I. A., Ryumin D. A. Russian Sign Language Database for Clinical Use: Data and Annotation Peculiarities. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 90–108. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-90-108

Acknowledgements

The authors of the paper are deeply grateful to the students and professors of the Interregional Center (College) of the Ministry of Labor of Russia in Pavlovsk for their invaluable assistance in recording the database. This research was financially supported by the Russian Science Foundation (No. 21-71-00141, <https://rscf.ru/en/project/21-71-00141/>).

Введение

В настоящей статье представлена цифровая база данных русского жестового языка (далее – РЖЯ) по теме «Первичная консультация у врача-терапевта». Собранная языковая база данных (далее – БД) необходима для разработки машинного обучения искусственной нейронной сети, осуществляющей перевод с РЖЯ на русский язык. Так, известно, что при вербальном общении со слышащими людьми глухие «читают» артикуляцию губ («маусинг», беззвучная артикуляция соответствующих лексем). Однако в некоторых условиях (врач в медицинской маске) такое общение слабослышащего с врачом сильно затруднено. Разрабатываемая система машинного перевода может стать инструментом для решения проблемы общения глухих на приеме у врача в отсутствие сурдопереводчика. Основная цель данной статьи заключается в представлении собранной БД научному сообществу, описании явлений РЖЯ, отраженных в собранном языковом материале, и принципов аннотации языкового материала РЖЯ.

Статья организована следующим образом: после введения в разделе 1 представлена краткая информация о РЖЯ и существующих базах данных жестовых языков (в том числе медицинских). Следующие два раздела содержат описание сбора БД и входящей в нее жестовой лексики. В разделах 4 и 5 обсуждаются существующие способы анализа жеста и описываются основные принципы аннотирования настоящей БД, после чего следует раздел, перечисляющий лингвистические особенности собранной БД с точки зрения лингвистики жестовых языков. Наконец, в заключении сформулированы основные результаты проделанной работы.

1. РЖЯ и базы данных

Актуальность исследования жестовых языков, в том числе и РЖЯ¹, становится все очевиднее. Однако на сегодняшний день существует относительно небольшое количество баз данных РЖЯ, и чаще всего они ориентированы на учебные или строго лингвистические задачи. Одна из наиболее репрезентативных баз данных РЖЯ была собрана в 2014 году в Новосибирском государственном техническом университете [КРЖЯ] и насчитывает порядка 230 записей непрерывной жестовой речи, продемонстрированных 40 дикторами. Аннотация корпуса выполнялась в среде ELAN.

Остальные базы данных РЖЯ представляют собой видеоуроки, содержащие отдельные лексемы или словосочетания. Наиболее значимыми из них являются толковый словарь РЖЯ RuSLED (2002) и проект Сурдосервер 2.0. К сожалению, эти базы данных не аннотированы, поэтому данные из них трудно, практически невозможно использовать для лингвистических или компьютерных целей.

Не существует в настоящее время и хороших специализированных жестовых баз данных по медицинской тематике. Как правило, их создатели используют общие базы данных, из которых извлекается вся лексика, связанная с медициной и здравоохранением [Vidalon et al, 2015; Souza et al, 2021]. Лишь в работе Kosmopoulos et al [2020] был предложен другой подход: создание набора данных при помощи приглашенных экспертов. В эту БД включен 21 диалог, смоделированный на основе реального опыта взаимодействия лечащих врачей с пациентами. Сюда же можно отнести еще ряд языковых наборов данных, относящихся к теме здравоохранения и медицины [Necati et al, 2016; Medslet].

Ранее авторы данной статьи собрали мультимедийную базу данных русского жестового языка TheRuSLan, которая содержит лексические единицы по теме «Покупки в супермаркете». К особенностям базы данных [Кагиров и др., 2020] относится использование нескольких модальностей, а также принципы аннотирования, удобные как для машинного обучения, так и для лингвистического анализа.

¹ РЖЯ является языком общения глухих в России и странах ближнего зарубежья. По данным Ethnologue [<https://www.ethnologue.com>], в 2010 г. количество носителей РЖЯ составляло 122 тыс. человек. В 2012 г. РЖЯ был официально признан одним из языков общения в Российской Федерации.

2. Описание базы данных

На данный момент база данных состоит из 85 жестовых высказываний, записанных 12 дикторами в пяти итерациях. Наличие итераций продиктовано возможностью использования данной БД для задач машинного обучения и позволяет отследить появление вариативности в их реализации. Общий размер базы данных в исходном формате составил примерно 165,5 Гб, а общая продолжительность всех видеозаписей, включая итерации и паузы, около семи часов. Важно отметить, что видеозаписи жестов на РЖЯ в БД являются разноракурсными, что повышает их информативность с точки зрения плана выражения.

Запись производилась в учебных помещениях на неоднородном фоне с использованием мобильных телефонов (ОС Android) в формате FHD. Разрешение кадров – 1920 × 1080 пикселей, частота – 60 FPS. В среднем расстояние от камер до диктора составляло два метра. За камерами был расположен ноутбук, на экране которого информантам демонстрировались стимулы для перевода на РЖЯ (рис. 1). Следует отметить, что во время записи БД в помещении постоянно присутствовал специалист по РЖЯ для облегчения коммуникации между информантами и авторами БД.

Рис. 1. Общий вид массива камер для записи базы данных
Fig. 1. A general view of the camera array used for collecting DB

В записи приняли участие 11 студентов и один преподаватель ФКПОУ «Межрегиональный центр (колледж)» Минтруда России г. Павловска (МЦР). Все информанты глухие, использующие РЖЯ в качестве первого языка или же освоившие его в раннем возрасте (4–8 лет). Они являются уроженцами разных городов и населенных пунктов России (табл. 1). В последней графе указаны населенные пункты, где каждый из дикторов провел детство и освоил РЖЯ.

Таблица 1

Информация о дикторах

Table 1

Signers Data

Диктор	Пол	Возраст	Возраст овладения РЖЯ	Продолжительность записи (мин.)	Место постоянного проживания
Диктор 1	ж	21	первый язык	42	г. Йошкар-Ола
Диктор 2	м	18	первый язык	48	г. Ростов-на-Дону
Диктор 3	ж	24	5 лет	37	г. Шадринск
Диктор 4	ж	59	8 лет	47	Ейская обл.
Диктор 5	м	20	7 лет	27	г. Волгоград
Диктор 6	ж	19	первый язык	26	г. Уфа
Диктор 7	ж	21	первый язык	22	г. Киров
Диктор 8	м	19	4 года	33	Тульская обл.
Диктор 9	м	24	первый язык	31	Псковская обл.
Диктор 10	м	22	первый язык	42,5	Ленинградская обл.
Диктор 11	ж	19	7 лет	28,5	г. Иваново
Диктор 12	м	21	первый язык	33	г. Нижний Новгород
				Всего ≈ 417 мин.	

3. Лексический состав БД

Предметно-тематическая область БД разделена на следующие коммуникативные кластеры, представленные в таблице 2: «Общая информация и проведение консультации», «Анамнез», «Обследование», «Диагностика и рекомендации». Словарь кластеров создавался совместно с практикующими терапевтами на базе типичных диалогов между врачом и пациентом², за основу было взято пособие для терапевтов [Драпкина, 2019].

Из таблицы 2 видно, что в БД включены только реплики врача (слышащего), а не глухого пациента. Такое решение продиктовано тем, что гипотетически разнообразие релевантных ответов пациента чрезвычайно велико, и создание такой БД – масштабная задача, требующая значительных временных затрат и существенно большего числа информантов. Потому гораздо более реалистичной стратегией является применение полученного языкового набора данных в интерфейсах, позволяющих не только распознавать, но и синтезировать жестовую речь при помощи 3D-аватара, переводя звучащие высказывания врача в жестовую форму. В будущем предполагается расширение БД за счет ответов пациента, и правила для РЖЯ, полученные на представленном в настоящей статье наборе данных, будут применены и к новому набору данных.

При формировании БД нужно также иметь в виду, что единого стандарта русской жестовой речи на данный момент нет. В сообществе носителей РЖЯ сосуществуют две формы жестовой речи: собственно РЖЯ и так называемая калькирующая жестовая речь (КЖР) [Grenoble, 1992; Зайцева, 2000]; такую языковую ситуацию можно, по аналогии с естественными языками, рассматривать как диглоссную. Фактически КЖР представляет собой идиом-посредник, калькирующий грамматические и лексические структуры звучащей речи [Буркова, Киммель-

² Их можно также назвать типичными речевыми образцами, паттернами или формулами общения в системе «доктор – пациент».

Таблица 2

Типичные речевые образцы общения на РЖЯ, вошедшие в БД

Table 2

RSL Typical Communicative Patterns Included in DB

Общая информация о пациенте и взаимодействие с ним	Анамнез	Обследование	Диагноз и рекомендации
1	2	3	4
Присаживайтесь.	На что жалуетесь?	Сейчас я вас осматрю.	Я назначу вам лечение, пожалуйста, выполняйте все рекомендации.
Покажите, пожалуйста, ваш номерок.	Сколько вам лет?	Ложитесь на кушетку.	Я напишу вам на бумажке, что нужно принимать.
Покажите, пожалуйста, вашу медкарту.	Кем вы работаете?	Ложитесь на живот.	Вам надо проверить зрение.
Вы по записи?	Вы беременны?	Ложитесь на спину	Если после курса лечения не будет улучшения, вас госпитализируют.
Сегодня я не могу вас принять.	Вы на диете?	Не двигайтесь.	Вам требуется срочная госпитализация.
Я приму вас сразу после этого пациента.	У вас есть хронические болезни?	Встаньте.	Вы согласны на госпитализацию?
Подождите в коридоре, пожалуйста.	У вас были серьезные заболевания?	Следите глазами за моим пальцем.	Вам нужно сдать мазок из носа и горла.
Как вас зовут?	У вас есть наследственные заболевания?	Покажите язык.	Диагноз я поставлю только после результата анализов.
Как ваша фамилия?	Сколько раз вы переболели коронавирусом?	Откройте рот широко и высуньте язык.	Это серьезное заболевание, вам надо лечиться.
Вам нужна справка?	От чего у вас были прививки?	Скажите: «А!»	Вы все еще больны, я не могу вас выписать.
Я выпишу вам справку.	Вы привиты от ковида?	Дышите. Не дышите. Дышите глубоко.	Ничего серьезного, но я напишу, что вам принимать.
Забирайте свою медкарту.	Вы курите?	Поднимите-опустите голову.	У вас учащенное сердцебиение.
Медкарту оставьте у меня.	Сколько сигарет вы выкуриваете в день?	Наклонитесь, пожалуйста.	У вас учащенный пульс.

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Запишитесь на следующий прием через неделю.	Вы обычно быстро утомляетесь?	Разденьтесь, пожалуйста.	Не забудьте, перед анализом крови ничего есть нельзя!
Возьмите номерок в регистратуре.	Вы всегда так бледны?	Разденьтесь до пояса.	
Вы совершенно здоровы.	У вас есть проблемы с алкоголем?	Тут болит, когда я нажимаю?	
До свадьбы заживет.	Вы давно болеете?	Скажите, когда станет больно.	
Не занимайтесь самолечением.	Вы давно набрали избыточный вес?	Пожалуйста, встаньте на весы.	
	Какая у вас температура в течение дня?	Поверните голову вправо-влево.	
	К вечеру температура обычно поднимается?	Возьмите градусник и измерьте температуру.	
	Какой зуб у вас болит?	Давайте измерим давление.	
	Голова часто кружится?	Закройте глаза.	
	Бывает так, что вы испытываете удушье?	Разуйтесь, пожалуйста.	
	У вас руки дрожат?	Осмотр окончен. Одевайтесь.	
	Вы плохо спите?		
	Какой у вас стул?		
На что у вас аллергия?			
Какие лекарства вы принимаете?			
Вы сильно потеете?			

ман, 2019, с. 79–80]. Кроме того, следует иметь в виду, что жестовый язык, как и любой естественный язык, обнаруживает диалектную и социолектную вариативность [Kimmelman, 2009; Буркова, Варинова, 2012; Королькова, 2017].

В России КЖР – это вторичная жестовая система, которая усваивается в процессе обучения глухого ребенка устной речи в колледжах и спецшколах. В связи с тем, что она обычно используется для переводов на жестовый язык в формальных ситуациях, а также преподается

как учебная дисциплина, информанты часто рассматривают КЖР как престижную языковую форму.

В результате для некоторых высказываний было получено несколько вариантов перевода: как на РЖЯ, так и на КЖЯ (см. пример на рис. 2.) Избежать перевода и тем самым соблюсти единообразие было невозможно, поскольку в словнике БД присутствуют предикации, требующие выражения определенных грамматических значений. К тому же принципиальной позицией при сборе данных было полное невмешательство в свободу выбора информантами языковых средств. Единственное исключение составили случаи, когда диктор не знал какой-либо лексемы в силу своего недостаточного знакомства с предметной областью. В таких ситуациях специалисты из числа преподавателей МЦР, присутствовавшие при записи, предлагали диктору использовать соответствующую лексику из словаря [Гейльман, 2004].³

Процесс перевода на примере одного высказывания, не вошедшего в таблицу 1, показан на рисунке 2.

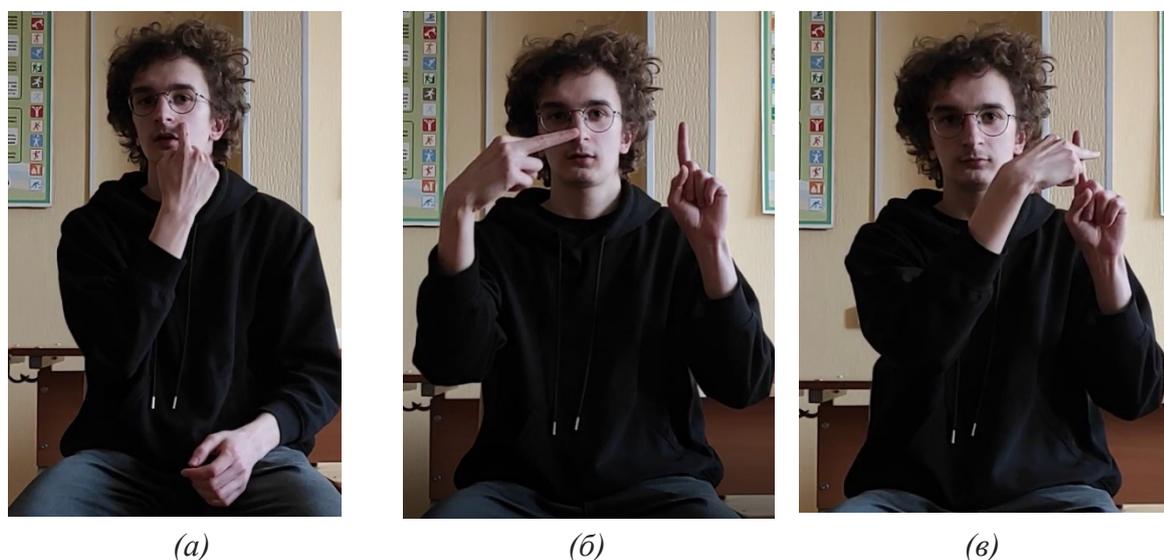

Рис. 2 (а–в). Перевод на РЖЯ фразы «следите глазами за моим пальцем». Особый интерес представляет контакт рук (в), демонстрирующий жесты смотреть и палец, в значении «следить за пальцем» ($^1\text{д} \text{д}^1\text{п}^2 \text{з} \text{х} \text{п}^2$)⁴
 Fig. 2 (a–v). Utterance “follow my finger with your eyes” translated in RSL. The image (v) is of particular interest due to the contact of two hands signing watch and finger to express the notion of follow ($^1\text{д} \text{д}^1\text{п}^2 \text{з} \text{х} \text{п}^2$).

4. Принцип аннотирования БД

Аннотирование языкового корпуса – это всегда продукт понимания исследователем языковых данных, то есть результат его интерпретации материала [Leech, 1997, с. 2], но также нужно принимать во внимание и фактор целеполагания. БД, представленная в данной статье, создавалась как словник РЖЯ, предназначенный для машинного перевода относительно коротких высказываний. Это обстоятельство и определило основную цель аннотирования: представить при помощи метаязыка информацию, релевантную для создания системы автоматического распознавания жестовых языков.

³ Следует отметить, что в некоторых случаях информанты все же неправильно интерпретировали стимул из-за омонимии или полисемии знака, в результате чего в БД вошли жестовые высказывания, неверные с лексической точки зрения. Так, стандартный вопрос на приеме у врача «На что жалуетесь?» был переведен буквально. Насколько известно авторам настоящей статьи, в РЖЯ корректным в обозначенной ситуации будет вопрос «Что болит?»

⁴ Здесь и далее для описания жестов используется нотация HamNoSys [<https://www.sign-lang.uni-hamburg.de/dgs-korpus/index.php/hamnosys-97.html>]

В настоящее время основные методы распознавания ЖЯ подразумевают применение искусственных нейронных сетей глубокого обучения. Прогресс в области обработки естественных языков, достигнутый за первые десятилетия XXI века, продемонстрировал перспективность нейронного подхода и обусловил отказ от систем машинного перевода, основанных на правилах. Однако эффективность нейронных сетей напрямую зависит от качества и количества обучающих наборов данных. Сегодня существует достаточно много языковых корпусов и наборов данных, аннотированных для задач распознавания параметров жеста, но наборов данных, созданных для работы со слитной жестовой речью (речевым потоком жестов), пока мало⁵. Между тем для успешного распознавания жестов в потоке речи и сегментации цепочки жестов необходимо учитывать специфические для любой слитной речи (включая жестовую) синтагматические и комбинаторные вариации жестов на «фонетическом» уровне, то есть возникающие под влиянием, с одной стороны, непосредственного «жестового окружения» и, с другой стороны, темпа речи.

При разметке БД РЖЯ авторы стремились выделить те параметры жестов, которые позволяют с наибольшей точностью идентифицировать как конфигурации рук диктора, так и границы жестов в потоке. Вместе с тем отсутствие в материале связанных текстов достаточной длины приводит к низкому уровню релевантности грамматической информации, и потому грамматическая разметка не проводится.

Существует несколько основных подходов к описанию собственно фонологической структуры ЖЯ, которую нужно, однако, отличать от фонетического уровня реализации системного набора жестов. В исследовании [Stokoe, 1960] впервые было дано описание внутренней структуры жеста и предложен набор из конечного множества дифференциальных признаков, образующих целостную систему. Так, среди основных признаков жеста Стоуки выделил всего лишь три базовых: конфигурацию, локализацию и движение. Конфигурация нормирует форму кисти руки (кистей рук) в том или ином жесте; локализация – место его исполнения, а движение – траекторию, его визуальный образ в пространстве, воспринимаемый адресатом. Если проводить аналогию с фонетикой звучащих языков, то признаки жеста функционально соответствуют дифференциальным признакам фонем.

В современном научном узусе именно эти признаки называются основными параметрами жеста⁶. Позднее стало ясно, что среди них имеет смысл выделять четвертый признак — ориентацию руки – и обязательно учитывать наличие немануального компонента, представленного в коммуникации прежде всего мимикой и – в меньшей степени – пластикой.

Несмотря на большой теоретический потенциал системы Стоуки, принципы, положенные в его основу, только отчасти подходят для аннотирования обучающих наборов данных. Первая и основная прагматическая проблема заключается в изменчивости жеста. Конфигурация рук и локализация во время жестикуляции не являются неизменными параметрами, варьируясь при выполнении жеста как одним и тем же отправителем, так и различными. Среди других явлений прагматического характера, затрудняющих определение границ между жестами в потоке и их функционального ядра, можно назвать:

1) эпентезу – межжестовые движения, возникающие в потоке речи [Grif, Kugaevskikh, 2020]. Так, при исполнении жеста БОЛЕЗНЬ/БОЛЕТЬ в разговорной речи активная рука в конфигурации \ni касается кончиками пальцев тыльной стороны ладони пассивной руки, однако в полной форме жеста это движение повторяется дважды (рис. 3):

⁵ Тем не менее работа в этом направлении ведется; в качестве примера см. [Гриф и др., 2018].

⁶ Другой термин, используемый в русскоязычной литературе, – «компоненты жеста» [Буркова, Киммельман, 2019, с. 121]. В настоящей статье используются синонимичные термины «параметры жеста» и «признаки жеста».

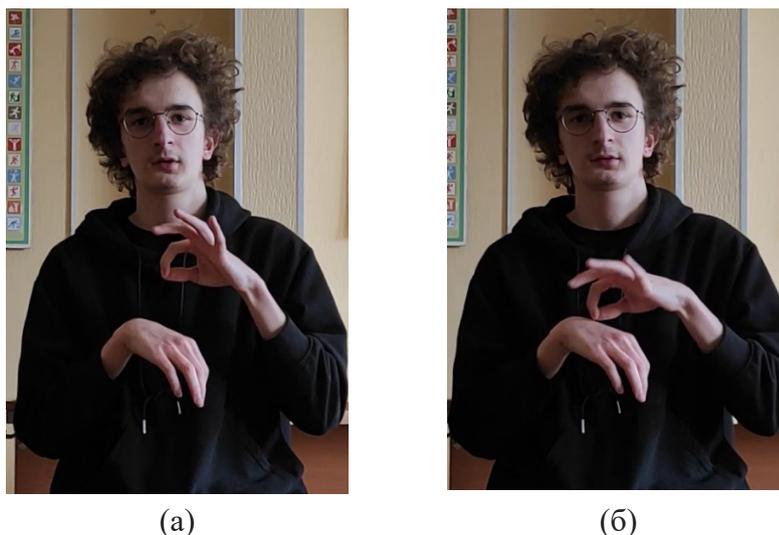

Рис. 3(а-б). Пример эпентезы в жесте «болезнь»
 Fig. 3. An example of epenthesis in the sign “illness”

2) ассимиляцию – результат взаимодействия жестов в потоке речи, приводящий к наложению параметров одного жеста на параметры другого, к их контаминации. Одним из частотных случаев ассимиляции, вошедших в описываемую БД, является так называемая антиципация⁷: в том случае, если двуручный жест следует за одноручным, пассивная рука в первом жесте иногда заранее принимает положение, свойственное ей во втором жесте (рис. 4). Схожим феноменом является персеверация жеста – наследование параметров пассивной руки одноручным жестом в том случае, когда он следует за двуручным.

Рис. 4(а-в). Антиципация и выпадение сегментов при переводе на РЖЯ фразы «Вопросы есть?»
 Fig. 4(а-в). Weak hand anticipation and hold deletion phenomena in RSL utterance “Any questions?”

3) эллипсис – исчезновение некоторых формантов из конфигураций и локализаций между жестами. Так, предыдущая иллюстрация явления антиципации (рис. 4) отображает также вы-

⁷ Здесь и далее (см. ниже термин «персеверация») употребляется терминология из [Буркова, Киммельман, 2019. с. 161]. Ср. с явлением прогрессивной ассимиляции в фонетике.

падение начального элемента жеста БЫТЬ: в своей кодифицированной словарной форме активная рука с конфигурацией \square опускается вниз, образуя, в конечном итоге, контакт с пассивной рукой. Из приведенного примера видно, что начальный сегмент этого жеста был опущен диктором для удобства артикулирования.

Среди прочих явлений, возникающих в потоке жестовой речи, можно перечислить редукцию движения, метатезу (взаимная замена начальной и конечной локализации) и редупликацию [Liddell, Johnson, 1989].

5. Аннотирование БД на принципе линейности

В ряде исследований ЖЯ, увидевших свет после публикации работы Стоуки, вводится еще один параметр жеста – линейность [Sandler 1986; Perlmutter 1992; Brentari 1998; Sandler, Lillo-Martin 2006]. К примеру, в модели Sandler'a [1986, 1989] конфигурация рассматривается как отдельный автосегментный параметр, то есть принадлежащий самостоятельному уровню и ставящийся в соответствие сегментным единицам.

Одним из «линейных» способов описания жеста является модель движения-удержания (англ. the Movement-Hold model, далее – модель МН) [Liddell, Johnson, 1989]. Согласно модели МН, каждый жест может быть разбит на сегменты удержания (фиксации) положения и движения (перехода к следующему), что естественным образом дестабилизирует в какой-то момент все основные параметры жеста. Эта модель позволяет разбить жесты на последовательности статических сегментов (с четко определенными параметрами) и динамических, которые представляют собой связующие элементы между статическими сегментами. В качестве примера рассмотрим описание жеста сидеть/садиться с учетом параметра «Движение» (рис. 5):

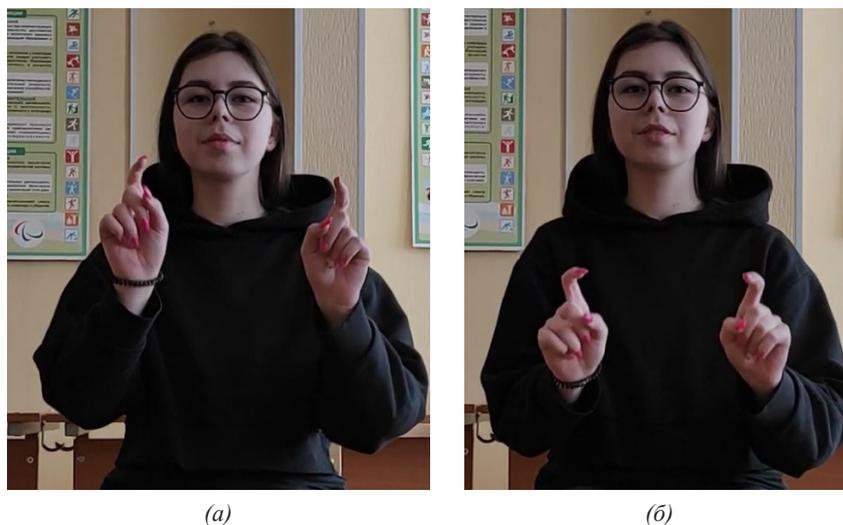

Рис. 5. Две фиксации (а, б) в структуре жеста сидеть/садиться
Fig. 5. Two holds in the structure of the sign “be.sitting/sit.down”

В табличной форме основные параметры удержаний (фиксаций положения) выглядят следующим образом (табл. 3.):

Таблица 3

Параметры сегментов жеста сидеть/садиться

Table 3

Segment Parameters of the Sign be.sitting/ sit.down

сидеть/садиться/be.sitting/sit.down			
	сегменты		
	Hold (H)	Movement (M)	Hold (H)
Правая рука			
конфигурация	☞		☞
локализация	☞		☞
Левая рука	СИММ.		

Среди преимуществ модели МН в контексте поставленных при аннотировании задач стоит упомянуть четкое выделение устойчивых параметров жеста (сегменты удержания) и представление высказывания в виде цепочки удержаний. Подобное представление решает проблему описания вариативности жеста, а также позволяет компактно описывать такие фонетические явления, как эпентеза, ассимиляция и эллипсис или редукция сегмента.

Все высказывания, входящие в нашу БД, были вручную разбиты на сегменты, соответствующие моментам фиксации, и сегменты, соответствующие движению артикуляторов. Вычленение сегментов удержания проводилось по двум критериям:

- 1) отсутствие «смазанных» кадров, вызванных движением артикуляторов диктора;
- 2) максимальная репрезентативность артикуляторов во фронтальной проекции.

Инструментом для сегментации и аннотирования послужила программа ELAN [https://archive.mpi.nl/tla/elan]. Разметка была осуществлена на трех уровнях: а) сегментация по удержаниям и движению, б) морфологическая аннотация и в) перевод. Пример такой аннотации представлен на рис. 6:

The screenshot shows the ELAN 6.3 interface. At the top, there's a menu bar with 'Файл', 'Правка', 'Аннотация', 'Слой', 'Тип', 'Поиск', 'Вид', 'Параметры', 'Окно', and 'Справка'. Below the menu is a toolbar with various playback and editing icons. The main window displays a video of a person sitting at a desk. To the right of the video, there are controls for volume ('Громкость: 100') and speed ('Скорость: 100'). Below these are several tracks for annotation. The 'default' track shows a 'Hold4' segment. The 'Annotation' track shows 'INDX' with markers for 'H', 'H', 'Ho', 'H', and 'Hoi'. The 'Translation' track shows the text 'Вы привиты от коронавируса?'. The timeline at the bottom shows time markers from 00:00:00.500 to 00:00:02.500.

Рис. 6. Пример «линейно» аннотированного высказывания из БД (ELAN).

Fig. 6. An example of DB annotation (ELAN)

При этом каждому сегменту Hold поставлен в соответствие файл с описанием основных параметров жеста: конфигурации, локализации и, при необходимости, немануального компонента (табл. 4а, 4б):

Таблица 4а

Представление информации о лексемах, вошедших в БД

Table 4a

Information on Lexemes Included in the DB

Hold12	Рука 1	Рука 2
	активная	пассивная
конфигурация	○	○
локализация	☐	☐
ориентация	↑	>
контакт	~ ~ X 1	
немануальный компонент	нет	

Hold13	Рука 1	Рука 2
	активная	пассивная
конфигурация	☐	○
локализация	☐	☐
ориентация	^	>
контакт	~ ~ X 1	
немануальный компонент	нет	

Таблица 4б

Представление информации о лексемах, вошедших в БД

Table 4б

Information on Lexemes Included in the DB

лексема	коронавирус
удержания	Hold12-Move-Hold13
структура	НМН

Таким образом, БД организована в виде структуры, включающей каталоги, содержащие размеченные видеозаписи с выделенными сегментами Hold и Move; отдельный каталог с описанием основных параметров всех сегментов Hold, каждому из которых присвоен порядковый номер; и каталог с лексемами, вошедшими в БД, представленными в виде последовательностей пронумерованных Hold и Move (рис. 7).

Всего при аннотировании БД зафиксировано 317 различных сегментов удержания (Hold) для активной и пассивной рук.

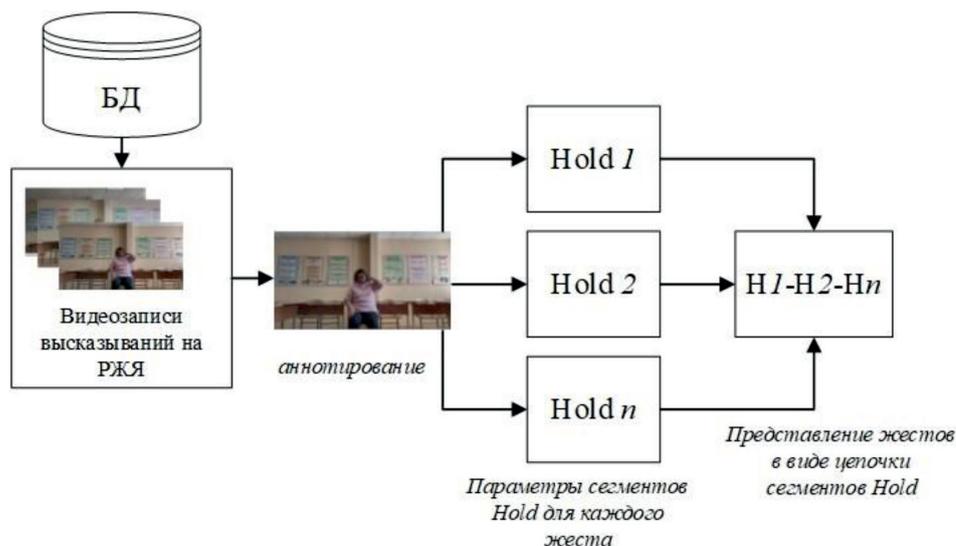

Рис. 7. Логическая структура БД
Fig 7. DB logical structure

Отдельно необходимо пояснить нашу трактовку параметров «конфигурация» и «локализация». В описании жестовых языков мира наблюдается их бесконтрольная пролиферация, исследователи оперируют десятками конфигураций и локализаций, но далеко не все из них релевантны для нашего материала. В работе Кагирова и др. [2020] был предложен компактный способ описания конфигураций и локализаций, следующий логике укрупнения зон жестового пространства. Этот способ показал свою эффективность и при разметке представленного в данном исследовании языкового материала. Конфигурации для одного и того же жеста, продемонстрированные различными дикторами, интерпретировались как аллофонические.

Кроме того, все выявленные эпентезы аннотируются как сегменты движения (Move), а сегменты удержания, подверженные выпадению (эллипсису и редукции), получили особую помету. Персеверация и антиципация (прогрессивная ассимиляция) трактовались как комбинаторные изменения параметров жеста, в связи с чем все зафиксированные примеры этих явлений отмечаются особо. Предполагается, что расширение и дальнейший анализ материала позволят создать статистическую модель структур РЖЯ, с высокой точностью определяющую эти явления⁸.

6. Лингвистические особенности авторской БД

Собранная БД обладает рядом особенностей, которые могут быть интересны с точки зрения изучения РЖЯ. В отличие от ряда существующих словарей РЖЯ, настоящая БД содержит высказывания, а не отдельные лексемы, что позволяет считать собранный материал источником данных по всем синтагматико-комбинаторным явлениям спонтанной жестовой речи.

Была также предпринята попытка оценить влияния диглоссного характера. Дело в том, что практически все дикторы сопровождали жесты РЖЯ маусингом. Для оценки потенциал-

⁸ Завершая параграф, следует упомянуть работу Клезович [Klezovich, 2019], в которой представлена программная реализация алгоритма, автоматически вычлняющего основные формы руки в жестах РЖЯ. Теоретической базой для нее также послужила модель НМ. Основная идея предложенного А. Г. Клезович подхода состоит в том, что для составления списка конфигураций достаточно аннотировать их только в позициях удержания. Разработанный алгоритм извлекает из видео только фиксации (то есть позиции без движения). Несмотря на то, что автор работает с изолированными жестами, проблема вычленения отдельных конфигураций близка к проблемам, затронутым при аннотировании настоящей БД.

ного влияния условий записи на появление маусинга каждому диктору после сеанса записи предлагалось создать спонтанный нарратив в форме рассказа о своих хобби, ярких случаях из жизни и т. п. Эксперимент показал, что все дикторы, кроме шестого и седьмого, сопровождали нарратив маусингом. В качестве рабочей гипотезы было принято предположение о том, что для включенных в БД информантов практически обязательный маусинг вызван, вероятнее всего, интерференцией со звучащим русским языком, обязательным в образовательных стандартах. Однако не стоит исключать и фактор языкового престижа, когда информант, вынужденный работать с языком-посредником (в данном случае письменное представление русского языка), бессознательно меняет свои речевые привычки (см., например, [Кибрик, 1972, с. 81]).

Другой лингвистической особенностью БД является вариативность жестов на лексическом и фонологическом-фонетическом уровне. Как отмечалось в разделе 4, информанты не были ограничены стилистическими и/или диалектными установками, свободно выбирая лексические средства для перевода стимулов. Поэтому, несмотря на искусственность лабораторных условий, полученный речевой материал можно считать репрезентативным и с точки зрения изучения вариативности единиц и структур в РЖЯ.

В первую очередь, это касается различных вариантов перевода одной и той же лексемы. Всего в БД представлено 147 различных лексем и устойчивых словосочетаний, 27 из которых были переведены на РЖЯ по-разному, то есть с использованием принципиально различных параметров жеста (конфигурация, локализация, движение). Это особенно актуально для лексики, специфичной для заданной темы (*диета, анализ, удушье, измерять температуру, медкарта, учащенный* (пульс), *регистратура, избыточный вес* и т. п.).

Другая группа лексем, подверженных переводческой вариативности, представлена частотной бытовой лексикой, представленной ее ключевыми словами *язык, курить, разуваться, год, потеть* и т. п. Эта вариативность предположительно связана с диалектными различиями РЖЯ и/или социолектными особенностями учебного сообщества, к которому принадлежат все информанты.

Зарегистрирована и артикуляционная вариативность одной и той же лексической единицы у разных дикторов. Артикуляция, как правило, отличается по всем основным параметрам: конфигурация кисти, локализация, ориентация и характер движения. Это явление, функционально схожее с аллофоническим варьированием в звучащих языках, естественно в ЖЯ мира [Rozelle, 2003] и хорошо знакомо специалистам в этой области. Тем не менее фиксация жестовых вариантов реализации одних и тех же «фонем» (аллофонов) и лексем в рамках одной БД может быть полезна как для исследования собственно явления вариативности жеста в РЖЯ, так и для создания систем автоматического перевода с РЖЯ, базирующихся на методах машинного обучения [Кагиров и др., 2019].

Стандартная типология варьирования представлена в анализируемой БД следующими позициями:

- 1) выбранные пальцы – варьируется положение выделенных пальцев (они могут быть согнуты в разной степени);
- 2) ориентация ладони – угол, образуемый рукой и одной из жестовых плоскостей, может существенно различаться;
- 3) локализация – в рамках систем детальной нотации, таких как HamNoSys, часто невозможно единообразное описание одной и той же лексической единицы для разных дикторов;
- 4) амплитуда движения – этот параметр изменяется от одного диктора к другому.

Специальный анализ языковых данных на предмет выявления диалектальных особенностей в речи информантов авторами данной статьи не проводился. Не исключено, что вариативность жестов, наблюдаемая при записи БД, связана с тем обстоятельством, что все информанты являются уроженцами разных регионов России, однако определенные выводы по этой теме будут возможны только в результате дальнейших исследований.

Заключение

В данной статье представлена база данных РЖЯ, содержащая лексику по теме «Первичный осмотр у врача-терапевта». Особенности предложенной в статье разметки БД обусловлены описанной выше практической задачей: аннотация отражает прежде всего устойчивые и неизменные параметры жеста, что позволяет использовать представленный набор данных для обучения искусственных нейросетей, работающих с РЖЯ. В то же время инвентарь выделенных жестовых сегментов базируется на системе параметров, применяемых в лингвистике ЖЯ, и может быть интересен с точки зрения лексикографического описания РЖЯ и исследований по структуре жестов в ЖЯ мира.

Среди непосредственных результатов проделанной работы можно перечислить создание (пусть и ограниченного) инвентаря сегментов удержания для РЖЯ, документацию лексической вариативности и контактных межжестовых изменений параметров (эпентеза, ассимиляция, редукция и выпадение удержания). Наконец, БД фиксирует лексику по предметной области «Медицинское обслуживание», что можно рассматривать как вклад в «копилку» электронных ресурсов по РЖЯ.

В ближайшем будущем авторами настоящей статьи планируют расширить БД, провести углубленный анализ фонологико-фонетических явлений с лингвистическими экспериментами, а также создать и разметить отдельную БД из записей спонтанных нарративов, собранных в процессе работы над представленной в статье БД.

Ценность этой БД видится в том, что создание подобных наборов данных помогает расширить знания о РЖЯ. Предполагается использование описанной в настоящей статье базы для создания автоматической системы распознавания РЖЯ, что будет способствовать значительному улучшению качества жизни людей с нарушениями слуха.

Список литературы

- Буркова С. И., Варинова О. А.** К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка // Федорова О. В. (ред.). Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. М.: Буки Веди, 2012. С. 127–143.
- Буркова С. И., Киммельман В. И., Филимонова Е. В., Кюсева М. В., Варинова О. А., Завалицкий Д. А., Приставко К. В., Кадыргулова Р. С.** Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык. Учебник. Новосибирск: НГТУ, 2019. 356 с.
- Гейльман И. Ф.** Словарь русского жестового языка. В 2 т. СПб: Прана, 2004. 363 с.
- Гриф М. Г., Королькова О. О., Мануева Ю. С.** Разработка алгоритмического и программного обеспечения выбора значения многозначного слова и омонима в системе компьютерного сурдоперевода русского языка на основе семантической модели // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2018. Т. 16. № 3. С. 32–44.
- Драпкина О. М.** Краткие алгоритмы ведения пациентов на этапе оказания первичной медико-санитарной помощи. Пособие для врачей-терапевтов / под ред. О. М. Драпкиной. М.: Видокс, 2019. 20 с.
- Зайцева Г. Л.** Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.
- Кагиров И. А., Рюмин Д. А., Аксенов А. А., Карпов А. А.** Мультимедийная база данных жестов русского жестового языка в трехмерном формате // *Вопросы языкознания*, 2020. № 1. С. 104–123. DOI: 10.31857/S0373658X0008302-1
- Кибрик А. Е.** Методика полевых исследований (К постановке проблемы). М.: Издательство Московского университета, 1972.

- Королькова О. О.** Изучение функциональной стороны русского жестового языка // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2017. Т. 15. № 3. С. 67–75.
- Brentari D.** *A Prosodic Model of Sign Language Phonology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Camgöz N. C., Kindiroğlu A. A., Karabüklü S., Keleşir M., Özsoy A. S., Akarun L.** Bosphorus Sign: A Turkish Sign Language Recognition Corpus in Health and Finance Domains. *Proc. of the 10th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16)*, Portoroz, Slovenia, 2016, pp. 1383–1388. URL: <https://aclanthology.org/L16-1220>
- de Souza R. S., de Martino J. M., Temoteo J., Rodrigues I.** Automatic Recognition of Continuous Signing of Brazilian Sign Language for Medical Interview. *Proc. of the Sixth International Conference on Informatics and Assistive Technologies for Health-Care, Medical Support and Wellbeing HEALTHINFO*, Barcelona, Spain, 2021, pp. 41–46. URL: https://www.researchgate.net/publication/355208551_Automatic_Recognition_of_Continuous_Signing_of_Brazilian_Sign_Language_for_Medical_Interview
- Grenoble L.** An overview of Russian Sign Language. *Sign Language Studies*, 1992, no. 77, pp. 321–338.
- Grif M. G., Kugaevskikh A. V.** Recognition of Deaf Gestures Based on a Bio-Inspired Neural Network. *Journal of Physics: Conference Series*, 2020, 1661 012038. DOI:10.1088/1742-6596/1661/1/012038
- Kimmelman V.** Reflexive Pronouns in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands: MA Thesis in Linguistics. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 2009.
- Klezovich A.** Automatic Extraction of Handshapes Inventory in Russian Sign Language. *Linguistics. WP BRP. NRU HSE*, 2019, no. 86. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 86/LNG/2019.
- Kosmopoulos D., Oikonomidis I., Constantinopoulos C., Arvanitis N., Antzakas K., Bifis A., Lydakis G., Roussos A., Argyros A.** Towards a Visual Sign Language Dataset for Home Care Services. *Proc. of the 15th IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition (FG 2020)*, 2020, pp. 520–524. DOI: 10.1109/FG47880.2020.00099
- Leech G.** Introducing Corpus Annotation. In *Corpus Annotation* / Ed. by R. Garside, G. Leech, and A. McEnery. London, U.K.: Longman, 1997, pp. 1-18.
- Liddell S., Johnson R. E.** *American Sign Language: The Phonological Base*. Washington, D.C.: Ms. Gallaudet University, 1989.
- Perlmutter D. M.** Sonority and Syllable Structure in American Sign Language. *Linguistic inquiry*, 1992, no. 23(3), pp. 407-442.
- Rozelle L.** The structure of sign language lexicons: inventory and distribution of handshape and location: PhD Dissertation. Washington: University of Washington, 2003.
- Sandler W.** The Spreading Hand Autosegment of American Sign Language. *Sign Language Studies*, 1986, no. 50, pp. 1–28.
- Sandler W., Lillo-Martin D.** *Sign Language and Linguistic Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Stokoe W. C.** *Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf*. Buffalo: Dept. of Anthropology and Linguistics, University of Buffalo. 1960.
- Vidalón Y. J. E., de Martino J. M.** Continuous Sign Recognition of Brazilian Sign Language in a Healthcare Setting. *Journal of Communication and Information Systems*, 2015, no. 30(1), pp. 82–89. DOI:10.14209/jcis.2015.10

References

- Brentari, D.** *A Prosodic Model of Sign Language Phonology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

- Burkova, S. I., Kimmelman, V. I., Filimonova, E. V., Kuseva, M. V., Varinova, O. A., Zavaritsky, D. A., Pristavko, K. V., Kadyrgulova, R. S.** Introduction to the Linguistics of Sign Languages. Russian Sign Language. Textbook. Novosibirsk: NGTU, 2019, 356 p. (in Russ.)
- Burkova, S. I., Varinova, O. A.** On Territorial and Social Variation in Russian Sign Language. In Russian Sign Language: The First Linguistic Conference / Ed. O. V. Fedorova. Moscow: Buki Vedi, 2012, pp. 127–143. (in Russ.)
- Camgöz, N. C., Kindiroğlu, A. A., Karabüklü, S., Kelepir, M., Özsoy, A. S., Akarun, L.** Bosphorus Sign: A Turkish Sign Language Recognition Corpus in Health and Finance Domains. *Proc. of the 10th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16)*, Portoroz, Slovenia, 2016, pp. 1383–1388. URL: <https://aclanthology.org/L16-1220>
- De Souza, R. S., de Martino, J. M., Temoteo, J., Rodrigues, I.** Automatic Recognition of Continuous Signing of Brazilian Sign Language for Medical Interview. *Proc. of the Sixth International Conference on Informatics and Assistive Technologies for Health-Care, Medical Support and Wellbeing HEALTHINFO*, Barcelona, Spain, 2021, pp. 41–46. URL: https://www.researchgate.net/publication/355208551_Automatic_Recognition_of_Continuous_Signing_of_Brazilian_Sign_Language_for_Medical_Interview
- Drapkina, O. M.** Brief Algorithms of Management of Patients at the Stage of Providing Primary Healthcare. Manual for therapists; Ed. O. M. Drapkina. Moscow: Vidox, 2019, 20 p. (in Russ.)
- Geilman, I. F.** Russian Sign Language Dictionary, in 2 Volumes. St. Petersburg: Prana, 2004, 363 p. (in Russ.)
- Grenoble, L.** An overview of Russian Sign Language. *Sign Language Studies*, 1992, no. 77, pp. 321–338.
- Grif, M. G., Kugaevskikh, A. V.** Recognition of Deaf Gestures Based on a Bio-Inspired Neural Network. *Journal of Physics: Conference Series*, 2020, 1661 012038. DOI:10.1088/1742-6596/1661/1/012038
- Grif, M., Korolkova, O., Manueva, Y.** A New Algorithm and Other Software for Disambiguation of Polysemy and Homonymy for Computer Translation into Russian Sign Language Based on Semantic Principle. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 32–44. (in Russ.)
- Kagirow, I. A., Ryumin, D. A., Axyonov, A. A., Karpov, A. A.** Multimedia Database of Russian Sign Language items in 3D. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, no. 1, pp. 104–123. (in Russ.) DOI: 10.31857/S0373658X0008302-1
- Kibrik, A. E.** The Methodology of Field Investigations in Linguistics (Setting up the Problem). Moscow: Moscow University Press, 1972. (in Russ.)
- Kimmelman, V.** Reflexive Pronouns in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands: MA Thesis in Linguistics. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 2009.
- Klezovich, A.** Automatic Extraction of Handshapes Inventory in Russian Sign Language. *Linguistics. WP BRP. NRU HSE*, 2019, no. 86. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 86/LNG/2019.
- Korolkova, O. O.** Functional Aspect of the Russian Sign Language: Defining a Research Approach. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 3, p. 67–75. (in Russ.)
- Kosmopoulos, D., Oikonomidis, I., Constantinopoulos, C., Arvanitis, N., Antzakas, K., Bifis, A., Lydakakis, G., Roussos, A., Argyros, A.** Towards a Visual Sign Language Dataset for Home Care Services. *Proc. of the 15th IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition (FG 2020)*, 2020, pp. 520–524. DOI: 10.1109/FG47880.2020.00099
- Leech, G.** Introducing Corpus Annotation. In Corpus Annotation / Ed. by R. Garside, G. Leech, and A. McEnery. London, U.K.: Longman, 1997, pp. 1–18.
- Liddell, S., Johnson, R. E.** American Sign Language: The Phonological Base. Washington, D.C.: Ms. Gallaudet University, 1989.

- Perlmutter, D. M.** Sonority and Syllable Structure in American Sign Language. *Linguistic inquiry*, 1992, no. 23(3), pp. 407-442.
- Rozelle, L.** The structure of sign language lexicons: inventory and distribution of handshape and location: PhD Dissertation. Washington: University of Washington, 2003.
- Sandler, W.** The Spreading Hand Autosegment of American Sign Language. *Sign Language Studies*, 1986, no. 50, pp. 1–28.
- Sandler, W., Lillo-Martin, D.** Sign Language and Linguistic Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Stokoe, W. C.** Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. Buffalo: Dept. of Anthropology and Linguistics, University of Buffalo. 1960.
- Vidalón, Y. J. E., de Martino, J. M.** Continuous Sign Recognition of Brazilian Sign Language in a Healthcare Setting. *Journal of Communication and Information Systems*, 2015, no. 30(1), pp. 82–89. DOI:10.14209/jcis.2015.10
- Zaytseva, G. L.** Sign Speech. Dactilology: A Textbook for Higher School Students. Moscow: VLADOS, 2000, 192 p. (in Russ.)

Список источников

- Multimodal Medslset (Medical Sign Language Set) [Medslet]. URL: <https://ieee-dataport.org/open-access/display-multimodal-medslset-medical-sign-language-set> (дата обращения: 01.05.2022).
Корпус русского жестового языка [КРЖЯ]. URL: <http://rsl.nstu.ru/> (дата обращения: 01.05.2022).

List of Sources

- Multimodal Medslset (Medical Sign Language Set) [Medslet]. URL: <https://ieee-dataport.org/open-access/display-multimodal-medslset-medical-sign-language-set> (accessed: 01.05.2022).
Russian Sign language corpus. URL: <http://rsl.nstu.ru/> (accessed: 01.05.2022).

Сведения об авторах

- Кагиров Ильдар Амирович**, научный сотрудник лаборатории речевых и мультимодальных интерфейсов Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра РАН (СПб ФИЦ РАН)
- Рюмин Дмитрий Александрович**, кандидат технических наук, старший научный сотрудник лаборатории речевых и мультимодальных интерфейсов Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра РАН (СПб ФИЦ РАН)

Information about the Authors

- Kagirov Ildar Amirovich** – researcher at the Speech and Multimodal Interfaces Laboratory of the St. Petersburg Federal Research Center of RAS
- Ryumin Dmitry Alexandrovich**, PhD in Engineering, senior researcher at the Speech and Multimodal Interfaces Laboratory of the St. Petersburg Federal Research Center of RAS

*Статья поступила в редакцию 02.05.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 27.07.2022
The article was submitted 02.05.2022; approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 27.07.2022*

Научная статья

УДК: 81

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-109-122

Персонификация в социально-психологической прозе М. Ю. Лермонтова

Евгения Анатольевна Соловьева

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

Аннотация

Персонификация – это сложный и многофункциональный феномен, который понимается в широкой интерпретации данного термина как наделение неодушевленных объектов или абстрактных понятий свойствами живых существ. Персонификация является достаточно частым, но не полностью исследованным средством художественной выразительности, что, в частности, относится к прозаическим произведениям М. Ю. Лермонтова. Наряду с этим выявление и объективация индивидуальной составляющей художественного текста представляют важный аспект не только литературоведческих, но и транслатологических исследований. Перечисленные положения определяют актуальность настоящей публикации, целью которой стало описание и функциональный анализ персонификации в социально-психологической прозе М. Ю. Лермонтова. Эмпирический корпус составили три основных произведения социально-психологической направленности: «Вадим» (1832–1834); «Княгиня Лиговская» (1836–1837) и «Герой нашего времени» (1838–1840), написанные в разные годы жизни поэта и отражающие этапы формирования его творческой идентичности. Очерк «Кавказец» (1841) послужил источником дополнительного иллюстративного материала, так как ввиду своей краткости он не может быть использован для получения значимых данных для отдельного количественного анализа. Исследование реализовано в русле дескриптивной методологии с привлечением семантического, контекстуального, количественного и функционального видов анализа. Единицей исследования служит ключевой лексический элемент (КЛЭ), позволяющий во взаимосвязи со своим референтом категоризировать и идентифицировать персонифицирующее переосмысление. Проведенное исследование позволило описать основные структурно-семантические особенности персонификации в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова, а также выявить основные функции персонифицирующих актуализаций в исследуемых текстах. Работа систематизирует сведения о роли персонификации в лермонтовской прозе, а также подчеркивает целесообразность дальнейших исследований образных средств в построении внутренней структуры художественных текстов.

Ключевые слова

персонификация, функции персонификации, проза М.Ю. Лермонтова, индивидуальный стиль автора, образные средства

Для цитирования

Соловьева Е. А. Персонификация в социально-психологической прозе М. Ю. Лермонтова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 109–122. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-109-122

Personification in the Socio-Psychological Prose of Mikhail Lermontov

Evgeniya A. Solovyeva

Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation

e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

Abstract

Personification belongs to one of the fairly frequently used figurative devices, but it still has to be explored. In particular, this refers to Mikhail Lermontov's prose. Along with that, the identification and objectification of the author's style is important for literary criticism and translation studies. Within the broad frame of the term, personification can be interpreted as giving an inanimate object or a purely abstract thing the characteristics of an animate being, endowed with feeling and life. The present paper focuses on the description and functional analysis of personification in Lermontovian socio-psychological prose. The database built for this scrutiny contains three Lermontov's novels written at different periods of his literary life: "Vadim" (1832–1834), "Princess Ligovskaya" (1836–1837) and "A Hero of Our Time". Because of its brevity, the essay "The Caucasian" (1841) serves as a source of additional illustrative material. A descriptive and functional analysis employs semantic, contextual and quantitative methods. A unit of observation is the "key lexical item" that, in conjunction with the referent, allows us to identify and categorize personification. The paper describes the main structural and semantic features of personification and investigates its principal functions in Lermontov's texts. In particular, it has been shown that examples of personification in the novel make a kind of network designed to create a literary space focused on Nature and Man as an integral element of the earthly world. Furthermore, the current study demonstrates that personification accomplishes five basic functions in Lermontov's prose: figurative, aesthetic, ludic, intertextual, and compositional. The undertaken study contributes to systematizing numerous examples of personification in Lermontov's prose, and emphasizes the importance of further research aimed to clarify the impact of figurative devices on the internal architectonics of literary texts.

Key words

personification, functions of personification, Mikhail Lermontov's prose, author's individual style, figurative devices

For citation

Solovyeva, E. A. Personification in the Socio-Psychological Prose of Mikhail Lermontov. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 109–122. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-109-122

Введение

Художественное творчество возникает вследствие эстетического познания действительности, несущего в себе рациональную и чувственную составляющие. Эстетическое чувство имманентно человеческому разуму и непосредственно связано с ассоциативно-образным мышлением, одним из ярких проявлений которого является персонификация – сложный и многофункциональный феномен, определяемый в широком понимании термина как наделение неодушевленных объектов или абстрактных понятий свойствами живых существ (см., например, [Fontanier, 1977, с. 108]).

Будучи использованной для выражения абстрактных идей в виде обособленных символических образов, персонификация служит, в частности, для создания аллегорий [Charin, 1955]. Однако вопрос окончательного разграничения персонификации и аллегории остается неразрешенным. Наряду с этим в рамках когнитивной лингвистики персонификация рассматривается как разновидность концептуальной метафоры – важнейшего ментального механизма познания, находящего свое выражение в языке в виде метафорических выражений [Lakoff, Johnson, 1980, p. 34; Lakoff, 1993, pp. 231–233], и мы данную позицию разделяем. Персонификация укоренена в человеческом сознании, она является «привычной формой духовной деятельности», тесно связанной с проявлением игровой составляющей бытия [Хейзинга, 2011, с. 200].

В художественном тексте персонификация выступает традиционным средством образной выразительности, однако ее функции, равно как и изобразительные эффекты, относительно редко становятся предметом подробного научного изучения [Melion, Ramakers, 2016, pp. 1–2;

Nishimura, 2014, p. 90]. Это, в частности, касается поэтики прозы М. Ю. Лермонтова, творчество которого развивалось в «промежуточную эпоху» [Михайлова, 1957, с. 23] на фоне усиливающегося кризиса социальных отношений, когда в Западной Европе приоритетами наступающей новой эстетической реальности становился человек, достоверно изображаемый во всем многообразии своих социальных связей, психологических и культурных особенностей. Однако идеалы уходящего романтического прошлого с его приверженностью к чувственности и абсолютизации противоречия индивида и общества в контексте несовершенного мира и во второй половине XIX столетия оставались очень близки многим русским писателям.

Литературоведы часто отмечают, что художественный стиль лермонтовской прозы постоянно эволюционировал, сочетая в себе элементы лирической поэтики, заметную метафоричность повествования, «неистовость» и прямолинейность романтического протеста, аналитический психологизм, многоракурсность и полифонию зарождающегося реалистического романа [Перльмуттер, 1941; Маркович, 1982; Москвин 2019]. Поэтому место творчества М. Ю. Лермонтова в терминах литературных школ и направлений определяется по-разному: одни рассматривают поэта как представителя постромантизма периода «культурного перехода» [Allen, 2007], другие же видят в нем мастера индивидуального психофизиологического портрета и основоположника русской психологической литературы [Виноградов, 1941, с. 557; Rubins, 2015, p. 172].

Целью настоящей работы стало описание персонализации и выявление ее функций в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова, имеющих социально-психологическую составляющую. Исследование данного направления представляется перспективным, поскольку использование образных средств для достижения определенных эстетических целей можно рассматривать как существенный элемент авторского стиля [Bally, 1919, p. 19]. В свою очередь объективация индивидуальной, «авторской» компоненты художественного текста представляет важный аспект не только литературоведческих исследований, но и переводоведения.

Практическую базу составили три основных прозаических произведения М. Ю. Лермонтова: «Вадим» (1832–1834); «Княгиня Лиговская» (1836–1837); «Герой нашего времени» (1838–1840)¹, написанные в разные годы жизни поэта и отражающие этапы формирования его творческой идентичности. Очерк «Кавказец» (1841) привлекался в качестве дополнительного иллюстративного материала, поскольку ввиду краткости он не может служить источником релевантных данных для отдельного количественного анализа. Несмотря на имеющиеся различия и смешение жанровых и стилевых тенденций, перечисленные произведения содержат заметные элементы психологических портретов героев и реалистичного отражения некоторых актуальных социальных проблем [Виноградов, 1941], что позволяет отнести их к категории социально-психологической прозы, которая как жанр находилась в то время на этапе формирования. Функциональное исследование выполнено в рамках дескриптивной методологии в сочетании с семантическим, контекстуальным и количественным анализом. Языковые единицы отобраны методом сплошной выборки.

1. Персонализация как элемент лермонтовской прозы

Создаваемые автором персонализирующие переосмысления не только разнообразны, но и обладают в ряде случаев определенной композиционной сложностью, поскольку затрагивают в пределах отдельной фразы различные референты и вступают в семантические отношения с другими тропическими средствами. Так, фрагмент «*ржавчина грызет железо, а сердце 18-летней девушки так мягко, так нежно, так чисто, что каждое дыхание досады туманит его, как стекло, каждое прикосновение судьбы оставляет на нем глубокие следы, как бедный*

¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т.; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). Т. 6. Проза. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1957. (Далее – Лермонтов М. Ю. Т. 6.)

пешеход оставляет свой след на золотистом дне ручья»² содержит три персонифицирующих актуализации: обыденного химического явления *ржавчины*, человеческой эмоции досады и абстрактной культурной категории *судьбы*, которые, переплетаясь с эпитетами, анафорой и сравнениями, образуют достаточно сложный романтический образ сестры Вадима. А во фразе «Толпа разных мыслей осаждала ум Печорина»³ продукт человеческого разума претерпевает двойную персонификацию: первая уподобляет *мысль* скоплению людей, а вторая наделяет ее способностью к осознанному действию. Соответственно, языковые единицы *грызет*, *дыхание*, *оставляет следы*, *толпа* и *осаждала* являются ключевыми лексическими элементами (далее – КЛЭ), которые во взаимосвязи со своими референтами позволяют идентифицировать и категоризировать сравнение или метафору (см. [Соловьева, 2022, с. 125–126]). Суммарно полученный нами эмпирический корпус составили 439 КЛЭ, выявленные в трех анализируемых произведениях. В морфологическом аспекте, большинство полученных нами КЛЭ представлено глаголом и его дериватами, причем преобладание этих форм отмечается во всех исследуемых текстах.

Выявленные персонифицирующие актуализации обладают различной способностью к эстетическому воздействию, однако даже «клишированные» переосмысления передают живость мировосприятия автора и выступают неотъемлемым компонентом художественной реальности. В частности, такие узуальные глагольные обороты, как «луна *подымалась*»; «солнце *садилося*»; «*поднялся* туман»; «лучи <...> солнца *играли*»; «на север *поднимается* Машук»; «*тучки* быстро *бежали*»; «*пошел* мелкий дождь» и т. д. за счет своей внутренней формы придают дополнительную динамику повествованию.

Кроме того, подвергаясь творческой модификации, узуальные персонификации служат необходимой частью художественного образа. Так, во фразе «и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных *ручьев*, которые, <...> *бегут дружно взапуски*»⁴, сочетание лексем *бегут* и *ручьи* формирует привычный оборот языка художественной литературы. Однако его наложение на выражение разговорного регистра *бегать взапуски* заимствованного из лексики детских и юношеских игр, порождает неожиданный образ (*бежать дружно взапуски*), в котором объект неживой природы получает еще одну дополнительную эмоциональную характеристику за счет форманта *дружно*. Данный факт наглядно свидетельствует о том, что, подобно другим идиоматическим выражениям, узуальные персонификации, входящие в состав устойчивых словосочетаний, могут отражать лингвокреативность автора (см. [Зыкова, Киосе, 2021]).

С другой стороны, адаптируя критерий относительной частотности единицы, применяемый некоторыми исследователями для оценки плотности метафор в различных текстах (см. [Калинин, 2014; Landtsheer, 2009]), можно отметить, что, по данным нашей выборки, относительная частотность персонифицирующих актуализаций варьируется примерно в следующих пределах: «Вадим» – 4,4 КЛЭ на 1 000 слов текста; «Герой нашего времени» – 4,5 КЛЭ; «Княгиня Лиговская» – 5,8 КЛЭ. Этот факт позволяет рассматривать использование персонификации как устойчиво воспроизводимую черту прозаического стиля автора.

В качестве дополнительной иллюстрации приведем очерк «Кавказец», в котором простота изложения и реалистичность мировидения М. Ю. Лермонтова достигают, по оценке литературоведов, своей кульминации (см., например, [Михайлова, 1957, с. 288–289]). Несмотря на краткость очерка и заметную скудость тропических средств, персонификация оказывается одним из приемов, используемых для создания образа кавказского офицера. Прочитаем в качестве

² Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 90.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 307.

примеров: «наклонность <...> берет над ним перевес»; «а если судьба и обременит»; «эта страсть родилась вот каким образом»; «у него завелась шапка»⁵ и т. д.

Наряду с этим референциальная соотнесенность персонализации отличается определенным разнообразием. Если в «Вадиме» и в «Герое нашего времени» примерно 70 % выявленных КЛЭ соотносятся практически в равных пропорциях с природным миром и человеком, то в «Княгине Лиговской» доминирующим референтом оказывается человек, с которым связано около половины всех КЛЭ, обнаруженных в романе. Будучи сосредоточенной на человеке, персонализация используется для актуализации частей его тела и психоэмоциональных проявлений личности. Помимо этого, персонализации подвергаются абстрактные понятия, а также реалии быта и окружающего мира, связанные с деятельностью человека. Так, например, во фразе «а маленькая ножка, показываясь по временам, обещала тайные совершенства»⁶, персонализация части тела, реализуемая за счет глаголов самостоятельного действия, привлекает внимание к внешности героини, привнося элемент чувственности и заставляя читателя домыслить описываемый образ.

В целом полученные нами соотношения могут быть объяснены как общей направленностью произведений, так и местом их действия. В частности, преимущественно городской топос романа «Княгиня Лиговская» обуславливает ограниченность описаний окружающей природы.

2. Функции персонализации в прозе М. Ю. Лермонтова

Благодаря своей выразительности и запоминаемости, персонализация обладает заметным функциональным потенциалом. Как показывают наблюдения, персонализирующие переосмысления зачастую служат одновременному достижению различных целей. Однако ведущей функцией, несомненно, является **фигуративная** (образная) функция, которая позволяет автору создавать рельефную художественную реальность в соответствии со своим творческим замыслом. Так, например, во фразах 1) «глаза ее беспокойно бегали кругом, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николавну»⁷ и 2) «рука ее без цели бродила по столу»⁸, смещение фокуса на части тела человека дает возможность получить подвижное, разноракурсное изображение героини и подчеркнуть их эмоциональное состояние. Аналогичным целям служит и персонализация психоэмоциональных проявлений человеческой личности: «И тогда в груди моей *родилось отчаянье*, – не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета, но холодное, *бессильное*, отчаянье»⁹. В приведенном фрагменте человеческая эмоция отчаяния подвергается персонализации за счет КЛЭ *родилось* и *бессильное*, которые связаны с референтом на основе прямой ассоциативной связи. Кроме того, текстоформа *лечат*, восходящая к медицинскому вокабуляру и отражающая в приведенном контексте привычное, повторяющееся действие, позволяет дополнительно переосмыслить чувство отчаяния как некоторую болезнь. Совокупность перечисленных приемов помогает автору сформировать достаточно сложный художественный образ представителя дворянского общества 30–40-х годов XIX столетия. В этой связи небезынтересно отметить, что обращение к лексикону некоторых профессий может служить эффективным средством создания художественной реальности и передачи социо-культурных отношений, свойственных эпохе (см., например, [Савина, 2021]).

Следует отметить, что лексема *душа*, которая входит в тысячу наиболее употребительных слов языка М. Ю. Лермонтова [ЧСЯЛ, 1981, с. 762] и часто используется им для актуализации квинтэссенции личности и поступков конкретных персонажей, имеет неравномерную частотность в рассматриваемых произведениях. В частности, в «Вадиме» относительная ча-

⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 348–351.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 188.

⁸ Там же. С. 257.

⁹ Там же. С. 297.

стотность ее использования составляет примерно 2,3 употребления на 1 000 слов; в «Герое нашего времени» – около 1,1 употребления, а в «Княгине Лиговской» она находится в пределах 0,8. Однако в целом лексема *душа* выступает референтом для почти 9 % всех выявленных нами КЛЭ, а полученная динамика ее использования в анализируемых текстах согласуется с совокупным распределением частотности данной лексемы в зависимости от периода творчества М. Ю. Лермонтова [ЧСЯЛ 1981, с. 767].

Прочитируем в качестве примеров: 1) «Я [Печорин], как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его *душа сжилась* с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится»¹⁰; 2) «она [Ольга] имела *сильную душу*, которая *не заботилась* о неизбежном, и по крайней мере *хотела жить* – пока жизнь светла»¹¹.

Наделяя душу героев способностью к различным чувствам, желаниям и действиям, автор имплицитно подчеркивает взаимопроникновение и перманентное присутствие небесного в земном, что, возможно, является отражением его мировоззренческих ориентиров. Данное наблюдение отчасти согласуется с мнением исследователей, которые при всем их разнообразном отношении к Лермонтову рассматривают поэта как выразителя некоторой «мистической религиозности», способного ощущать «объективную реальность “иного мира”» [Бицилли 1996, с. 475–476] и в котором «религиозное чувство никогда не умирало» [Соловьев 1991, с. 395].

Следующая по значимости функция персонификации, тесно связанная с предыдущей, – *эстетическая*. Персонифицирующие актуализации усиливают эмоциональное воздействие текста, вызывая у читателя эстетические переживания. Особенно это касается описаний природы: «*Ветки* цветущих черешен *смотрят* мне в окна, и *ветер* иногда *усыпает* мой письменный стол их белыми лепестками»¹². Глагольная персонификация веток фруктового дерева и ветра позволяет представить референты крупным планом и почти осязаемо передать благоухающую свежесть весеннего сада.

Наряду с этим пейзаж в лермонтовской прозе зачастую приобретает символическое значение, он отражает эмоции героев и предвещает грядущие события [Виноградов, 1941, с. 567]. Наши наблюдения свидетельствуют, что персонификация играет в этом определенную роль. Так, во фразе «*мшистые зубцы скал*, сброшенных грозой и временем, *ожидали* своей *добычи*»¹³ уподобление острых скальных выступов хищным животным предвосхищает фатальный финал дуэли Печорина с Грушницким, а косвенная персонификация времени и бури, которые наделяются способностью сбрасывать тяжелые камни, не только эстетизирует реальность, но и служит коннотативным напоминанием о бренности и непрочности земной жизни человека. В другом примере «а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес: казалось, *мрак* черными своими *очами выглядывал* из-под каждой ветви»¹⁴ персонификация *мрака* усиливает неопределенность и напряженность момента, передавая чувства Юрия, который в тревоге скачет по пустынной, ставшей опасной во время пугачевских волнений дороге. Дополнительно отметим, что упоминание лешего формирует заметную затекстовую референцию с народными сказками, где архетипические образы смерти и неизвестности зачастую эксплицируются посредством обращения к образу губительного, мрачного леса. Кроме того, эта фольклорная референция театрализует создаваемую автором художественную реальность.

В последние десятилетия внимание исследователей все более привлекает изучение игрового начала в лермонтовской прозе, анализ которого дает возможность проследить эволюцию поведения персонажей, обнаружить их жанрово-тематическую и социально-антропологическую обусловленность [Зотов, Ефимов, 2008, с. 18]. Нельзя не согласиться с тем, что театра-

¹⁰ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 338.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 261.

¹³ Там же. С. 327.

¹⁴ Там же. С. 82.

лизированное поведение является составляющей взаимоотношений и мировосприятия героев М. Ю. Лермонтова как представителей социальной среды XIX в., которой была свойственна заметная кодификация межличностного взаимодействия. С другой стороны, присутствие в произведениях игрового начала может быть отчасти обусловлено влиянием философии романтизма, главенствующим конфликтом которого было, по мнению исследователей, противопоставление несовершенной материальной реальности ее идеализированному и несколько театрализованному романтическому образу [Исупов 2015, с. 93–94, Хейзинга, 2011, с. 262–263].

В языковом плане одним из инструментов создания игрового измерения исследуемых произведений выступает персонализация. В этом проявляется ее **люди́ческая** функция. Так, упомянутое выше одушевление «мшистых зубцов скал» служит декорацией к сцене «предрешенной» дуэли Печорина с Грушницким, имеющей в свою очередь затекстовые связи с произведением О. де Бальзака «Шагреновая кожа» (*La peau de chagrin*) [Назирова, 2014], который написан в русле социально-психологического реализма с элементами романтической фантастики. Происходящая дуэль, равно как и некоторые другие эпизоды «Героя нашего времени», является частью той «странной игры со смертью» [Raskol'nikov, 1995, p. 354], которую постоянно ведет протагонист в попытках найти ответы на мучающие его вопросы. О том, что дуэль – это игра, эксплицитно сообщает сам автор в заключительной реплике Печорина: «*Finita la comedia!*»¹⁵. Данное высказывание, отсылающее одновременно и к более современной М. Ю. Лермонтову фразе итальянских актеров (*È finita la commedia*), и к латинскому изречению (*Acta est fabula*), представляет жизнь и ее события как театральное действо.

Не менее явно в диалоге Печорина и Вернера М. Ю. Лермонтов объявил читателю и о начале разворачивающейся фатальной игры:

– Завязка есть! – закричал я в восхищении, – об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно *судьба заботится* о том, чтоб мне не было скучно.

– Я предчувствую, – сказал доктор, – что бедный Грушницкий будет вашей жертвой...¹⁶

Стоит подчеркнуть, что и в этом случае автор использует прием персонализации, представляя судьбу как способное к мотивированному действию живое существо. Аналогичным целям театрализации происходящего служит и высказывание секунданта Ивана Игнатьича: «*Натура – дура, судьба – индейка*¹⁷, а жизнь – копейка!», которое отсылает к популярным в то время народным поговоркам [Даль, 1862, с. 43, 275] и привносит в сцену дуэли элемент гротеска и скоморошества, передающийся при помощи персонализации абстрактных понятий *природа* и *судьба*.

Темы маскарада и социальных масок, получившие впоследствии развитие в произведениях русской психологической литературы, также иногда актуализируются Лермонтовым при помощи персонализаций: 1) «от этого бала зависел успех ее в модном свете... некстати пришитый бант, не на месте приколотый цветок мог навсегда *разрушить* ее будущность...»¹⁸; 2) «*бурка*, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, *не сходит* с его плеча»¹⁹. Несколько насмешливое наделение элементов одежды способностью к самостоятельному действию отражает идеи доминирования кодифицированных отношений, присущих социальной культуре первой половины XIX столетия.

В следующем контексте персонализация тоже выступает проводником авторского отношения к некоторым особенностям внутрисоциальных отношений: «Один только *кабинет* иногда *может разоблачить* домашние тайны, но кабинет также непроницаем для посторонних посетителей, как сердце»²⁰. Одушевление домашнего кабинета в совокупности со сравнением

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 331.

¹⁶ Там же. С. 271.

¹⁷ Там же. С. 329.

¹⁸ Там же. С. 187.

¹⁹ Там же. С. 350.

²⁰ Там же. С. 149.

(*непроницаем <...> как сердце*) позволяет передать ироничное отношение автора к довлеющим над человеком условностям светского общества. Однако здесь надо заметить, что М. Ю. Лермонтов сравнительно редко использует персонификацию для отображения существовавших общесоциальных проблем и иерархических отношений. Данный прием преимущественно служит для экспликации психологии личности героев и мотивации их поступков, а также формирования топической составляющей произведений.

В то же время следует согласиться с исследователями, которые полагают, что необходимо различать персонификацию и метонимию, поскольку в последнем случае референтом оказывается отдельный индивид или группа людей [Lecolle, 2002, p. 100–101]. Подобные употребления встречаются и в лермонтовской прозе.

Уподобляя по принципу смежности предметы одежды их обладателям, автор иронично деанимизирует последних, низводя людей до уровня кукол, действующих на подмостках светской жизни по строго предписанным правилам.²¹ Прочитаем: 1) «сталкивался он с какой-нибудь розовой шляпкой и, смутившись, извинялся; коварная розовая шляпка сердилась»²²; 2) «лакей посадил розовый салон в блестящий купе, потом вскарабкалась в него медвежья шуба»²³; 3) «и там, где мелькали прежде черные и белые султаны, там ныне чинно прогуливаются треугольные шляпы без султанов»²⁴.

Метафорическое мышление Лермонтова сочетает в себе синкретичность и многогранность, поэтому персонификация часто встроена в структуру сложных образов и иногда включает в себя затекстовые референции, в чем проявляется ее **интертекстуальная** функция. Одной из наглядных иллюстраций может служить приведенная выше фраза Ивана Игнатъича, отсылающая к народным паремическим выражениям. Реализацию этой функции можно наблюдать и следующем контексте: «идеи – создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует»²⁵.

Как справедливо отмечают исследователи, актуализация идей как живых существ содержит явную ссылку на уже упоминаемый роман О. де Бальзака «Шагреновая кожа» [Найдич, 1985, с. 203]. Весьма схожее суждение формулируется в романе французского автора дважды: в предисловии к первому изданию 1831 г. и во второй главе произведения, лейтмотивом которой выступают отношения Рафаэля де Валентена и эгоистичной, расчетливой светской львицы графини Федоры. Приведем оба фрагмента, предварительно отметив, что используемое О. де Бальзаком словосочетание *êtres organisés* обозначает органические, т. е. имеющие организменный уровень организации живой материи существа [Перевод, курсив наши – Е. С.]:

«La production des *êtres organisés* et des *idées* sont deux mystères incompris, et les ressemblances ou les différences complètes que ces deux sortes de *créations* peuvent offrir avec leurs auteurs prouvent peu de chose pour ou contre la légitimité paternelle»²⁶.

«Порождение живых существ и идей – две неразгаданные тайны, и то сходство или полное отличие, которые эти два вида творений имеют со своими прародителями, мало что говорят ‘за’ или ‘против’ их законного родства».

²¹ Поскольку создание эстетически гармоничного художественного образа иногда невозможно без эмоциональной оценки и привнесения элементов декоративности, мы не считаем целесообразным отдельно выделять эмоционально-оценочную и декоративную функции персонификации. По нашему мнению, они являются неотъемлемыми составляющими ее фигуративной, эстетической и людической функций.

²² Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 122–123.

²³ Там же. С. 138.

²⁴ Там же. С. 132.

²⁵ Там же. С. 294.

²⁶ Balzac H. La peau de chagrin. 1831. P. 8.

«Elle resta même un instant silencieuse quand je lui dis que nos *idées* étaient des *êtres organisés*, complets, qui vivaient dans un monde invisible, et influaient sur nos destinées»²⁷.

«Она даже на мгновение замолчала, когда я сказал ей, что наши идеи – это органические, целостные существа, обитающие в невидимом мире и влияющие на наши судьбы».

Вполне вероятно, что указанная референция на произведение О. де Бальзака была достаточно эксплицитной и для современников Лермонтова. Доказательством может послужить самый первый перевод романа «Герой нашего времени» на французский язык, который был выполнен близким родственником поэта А. А. Столыпным (Монго). Переводчик, в частности, представляет следующую интерпретацию процитированного выше лермонтовского фрагмента [Обратный перевод и курсив наши – Е. С.]:

«Les idées sont des créations organiques a dit quelqu'un; je complète cette pensée et j'ajoute que l'action est la forme de ces idées, la forme qu'elles reçoivent en naissant»²⁸.

«Идеи, – сказал кто-то, – создания органические; я довершаю эту мысль и добавляю, что действие – форма этих идей, та форма, которую они получают, рождаясь».

Переводческое решение содержит уточнение (*je complète cette pensée et j'ajoute que*), которое отсутствует в доступном для ознакомления оригинальном тексте, однако оно позволяет четко разграничить мысли Печорина и суждения, высказываемые в романе О. де Бальзака. Кроме того, примечательно, что заглавие второй главы «Шагреновой кожи» – *La femme sans cœur* (досл. 'Женщина без сердца') – находит свое отражение в романе «Княгиня Лиговская». Цитируем (курсив наш – Е. С.): «натуральная история нынче обогатилась новым классом очень милых и красивых существ – именно классом *женщин без сердца*»²⁹. Это дополнительно подчеркивает заметное влияние произведений О. де Бальзака, в частности, романа «Шагреновая кожа» на творчество М. Ю. Лермонтова.

Другим весьма интересным примером интертекстуальной функции служит следующий фрагмент: «Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; *хороводы звезд* чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли»³⁰.

Как отмечает французский литератор и переводчица Дебора Леви-Бертера (Déborah Lévy-Bertherat) в комментарии к своему переводу «Героя нашего времени», вышедшему в 2003 г., выражение «хороводы звезд» заимствовано из 28-й строфы второй главы «Евгения Онегина» [Lévy-Bertherat 2003, p. 356]. Действительно, в произведении А. С. Пушкина присутствует данная персонификация: «Она любила на балконе / Предупреждать зари восход, / Когда на бледном небосклоне / Звезд исчезает хоровод, / И тихо край земли светлеет»³¹.

Однако мы полагаем, что рассматриваемый образ имеет более глубокие корни и может восходить к античному гимну в честь пришествия бога света Апполона (Ἦμος εἰς Ἀπολλῶνα). Это поэтическое произведение было хорошо известно как в России, так и в Европе по изданиям Ф. Якобса (1794 г.) и Ф. Беллермана (1840 г.) и послужило прототипом для созданного патриархом русской поэзии Г. Р. Державиным в 1797 г. произведения «Пришествие Феба»:

²⁷ Balzac H. La peau de chagrin. 1831. P. 306.

²⁸ Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase / Trad. du russe par A. A. Stolipine // Démocratie pacifique. Paris, 1843. 17 Oct.

²⁹ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 141.

³⁰ Там же. С. 223.

³¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 1977–1979. Т. 5. С. 42.

Ф. Якобс³²

σοὶ μὲν χορὸς εὐδῖος ἀστέρων
κατ' Ὀλυμπον ἄνακτα χορεύει,
ἄνετον μέλος αἰὲν ἀείδων,
Φοιβῆϊδι τερπόμενος λύρα.

Ф. Беллерман³³

Σοὶ μὲν χορὸς εὐδῖος ἀστέρων
κατ' Ὀ[υ]λυμπον ἄνακτα χορεύει,
ἄνετον μέλος αἰὲν ἀείδων,
Φοιβῆϊδι τερπόμενος λύρα.

Несмотря на имеющиеся в тексте гимна расхождения, данный фрагмент воспроизводится в обоих изданиях идентично и содержит такие лексемы, как *χορὸς*, *ἀστέρων* и *χορεύει*. Русский филолог Я. К. Грот в своем примечании к собранию сочинений Г. Р. Державина дает следующий подстрочный перевод процитированных строк: «Для тебя светлый хор звезд водит хороводы по царственному Олимпу, вечно возглашая свободную песнь, услаждаясь Фебовою лирой»³⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу, что персонифицирующее переосмысление М. Ю. Лермонтова в равной мере отсылает как к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина, так и к произведению античного автора. Кроме того, тот факт, что в других лермонтовских текстах («Вадим» и «Панорама Москвы») обнаруживаются схожие персонификации, но соотносимые с иными референтами (*облака* и *духи*), позволяет предположить, что в воображении Лермонтова присутствовал более широкий метафорический образ, чем тот, который создан в строфе «Евгения Онегина»: 1) «так иногда вечером *облака* дымные, багряные, лиловые гурьбой собираются на западе, свиваются в столпы огненные, *сплетаются* в фантастические *хороводы*»³⁵; 2) «и мнится, что бестелесные звуки принимают видимую форму, что *духи* неба и ада свиваются под облаками в один разнообразный, неизмеримый, быстро вертящийся *хоровод!*»³⁶.

Выявляемые в лермонтовской прозе персонифицирующие переосмысления отличаются определенной многослойностью и заметной сложностью их внутритекстовых и затекстовых отношений.

Наряду с этим совокупность всех вышеперечисленных функций персонификации обеспечивает на уровне целостного текста реализацию **композиционной** функции, которая способствует формированию образов персонажей и пространственных топосов и – как следствие – выстраиванию архитектоники анализируемых произведений.

Выводы

Языковое оформление лермонтовского нарратива отличается заметным присутствием персонифицирующих переосмыслений, которые формируют в прозаических текстах структурированное множество. Его главенствующими референтами являются человек, существующий в определенном социально-историческом контексте, и внешний, нерукотворный мир.

Изображая человека в разнообразии его психических и физических характеристик, персонификация выступает эффективным инструментом эстетической выразительности, который способствует созданию динамичных, разноракурсных художественных образов и привлекает внимание читателя к психологической составляющей произведений.

Размывая границы между человеком и природой, участвуя в образовании референций, персонифицирующие переосмысления позволяют выстроить философско-онтологическое измерение произведений, показывая увлекаемого страстями и желаниями человека как органическую принадлежность земного мира и существующего социума.

³² Цит. по: Сочинения Державина: в 9 т. СПб: издание Императорской Академии наук, 1863. Т. 2. С. 60.

³³ Bellermann F. Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes, Text und Melodien nach Handschriften und den alten Ausgaben, Berlin: Albert Förstner, 1840. P. 26.

³⁴ Сочинения Державина: в 9 т. СПб: издание Императорской Академии наук, 1863. Т. 2. С. 61.

³⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 114.

³⁶ Там же. С. 369.

Вступая в сложные семантические отношения на уровне фразы, текста и затекстового пространства, персонифицирующие актуализации отражают когнитивную рецепцию автора и являются важным элементом его художественного стиля.

Наиболее значимыми функциями персонификации, выявленными нами в процессе исследования прозаических произведений М. Ю. Лермонтова, являются: 1) фигуративная (образная), 2) эстетическая, 3) людическая, 4) интертекстовая и 5) композиционная. Однако в целом подобное разделение носит достаточно условный характер, так как персонификация, по нашим наблюдениям, обычно выполняет в проанализированных текстах более одной функции.

Все перечисленные функции персонификации способствуют достижению художественного и концептуального единства произведений, а также выступают проводниками авторских интенций, что определяет перспективы дальнейшего, более углубленного исследования роли образных средств в построении внутренней структуры лермонтовской прозы.

Список литературы

- Бицилли П. М.** Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 710 с.
- Виноградов В. В.** Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. Лермонтов I. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 517–628.
- Зотов С. Н., Ефимов А. А.** Игровое начало и его особенности в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2008. Вып. 4. с. 15–29.
- Зыкова И. В., Киосе М. И.** Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 3. С. 5–19. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-5-19
- Исупов К. Г.** Метафизика игры у Лермонтова // Соловьевские исследования, 2015. Т. 1. Вып. 45. С. 92–102.
- Калинин О. И.** Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 3. С. 110–121.
- Маркович В. М.** К вопросу об эволюции лермонтовской прозы // Studia Filologiczne, 1982. Вып. 14. С. 41–72.
- Михайлова Е. Н.** Проза Лермонтова. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. 383 с.
- Москвин Г. В.** Лирические источники поэтики романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2019. Вып. 3. С. 42–47.
- Назирова Р. Г.** Мотив предрешенной дуэли у Бальзака, Лермонтова и Достоевского // Российский гуманитарный журнал, 2014. Т. 3. Вып. 5. С. 312–319.
- Найдич Э. Э.** Еще раз о «Штоссе» // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 194–212.
- Перльмуттер Л. Б.** Язык прозы М. Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. Изд-во худож. лит., 1941. С. 310–355.
- Савина Е. С.** Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 3. С. 98–109.
- Соловьев В. С.** Философия искусства и литературная критика. М., 1991. 701 с.
- Соловьева Е. А.** Анималистические сравнения в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика, 2022. № 1. С. 124–135.

- Хёйзинга Й.** Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
- Allen E. C.** A Fallen Idol Is Still a God: Lermontov and the Quandaries of Cultural Transition. Stanford: Stanford University Press, 2007. XII, 286 p.
- Bally Ch.** Traité de stylistique française. Vol. 1. Paris: C. Klincksieck, 1919. XX+331 p.
- Chapin Ch.** Personification in Eighteenth-Century English Poetry. New York: King's Crown Press, 1955. X+175 p.
- Fontanier P.** Les figures du discours. Paris: Flammarion, 1977. 505 p.
- Lakoff G., Jonson M.** Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
- Lakoff G.** The Contemporary Theory of Metaphor. In A. Ortony (Ed.), Metaphor and Thought. Cambridge University Press. 1993. Pp. 202–251.
- Landtsheer C. D.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: Metaphor and Discourse, pp. 59–78. London, Palgrave Macmillan UK, 2009.
- Lecolle M.** Personification et métonymie dans la presse écrite. Comment les différencier? // Semen, 2002. Vol. 15. No 2. Pp. 97–112.
- Lévy-Bertherat D.** Notes. In « Un héros de notre temps » de Mikhaïl Lermontov. Trad. du russe par D. Lévy-Bertherat. Paris : Flammarion, 2003. Pp. 353–362.
- Melion W. S., Ramakers B.** Personification: An Introduction. In Intersections: Interdisciplinary Studies in Early Modern Culture, 2016. Vol. 41. 755 p.
- Nishimura S.** Personification: Its Functions and Boundaries // Papers on Language & Literature, 2014. Vol. 50. No. 1. Pp. 90–108.
- Raskoi'nikov F.** «Фаталист» Лермонтова и проблема судьбы в Герое нашего времени. Revue des études slaves, 1995. Vol. 67, no 2/3. P. 353–363.
- Rubins M.** Russian Montparnasse: Transnational Writing in Interwar Paris. Springer, 2015. 302 p.

Список источников

- Даль В. И.** Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. Т. 1. М.: Изд. императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1862. 685 с.
- Лермонтов М. Ю.** Сочинения: в 6 т.; АН СССР. Ин-т рус. литературы. Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 900 с.
- Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10 т. АН СССР. Т. 5. «Евгений Онегин». Драматические произведения. Л.: «Наука», 1977–1979. 529 с.
- Сочинения Державина:** с объяснительными примечаниями [и предисловием] Я. К. Грота: в 9 т. Т. 2. СПб: издание Императорской Академии наук, 1863. 736 с.
- ЧСЯЛ** – Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 717–774.
- De Balzac H.** La peau de chagrin : roman philosophique. T. 1. Paris: Gosselin, 1831. 393 p.
- Bellermann F.** Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes, Text und Melodien nach Handschriften und den alten Ausgaben. Berlin: Albert Förstner, 1840. 114 s.
- Stolipine A. A.** Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase / Trad. du russe par A. A. Stolipine. Paris, Démocratie pacifique, 1843. Sept. 29 – Nov. 4.

References

- Allen, E. C.** A Fallen Idol Is Still a God: Lermontov and the Quandaries of Cultural Transition. Stanford: Stanford University Press, 2007. XII, 286 p.
- Bally, Ch.** Treaty of French stylistics. Vol. 1, Paris: C. Klincksieck, 1919, XX+331 p.
- Bicilli, P. M.** Selected Works on Philology. M.: Nasledie, 1996, 710 p. (in Russ.)

- Chapin, Ch.** Personification in Eighteenth–Century English Poetry. New York: King’s Crown Press, 1955, X+175 p.
- Fontanier P.** Figures of Discourse. Paris: Flammarion; 1977, 505 p.
- Huizinga, J.** Homo ludens. A Study of the Play–Element in Culture. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011, 416 p.
- Isupov, K. G.** Game’s metaphysics of Lermontov. Solovyov Research, 2015, vol. 1, no. 45, pp. 92–102. (in Russ.)
- Kalinin, O. I.** Metaphor Power of Military Doctrines in Russian, Chinese and American English. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 110–121. (in Russ.)
- Lakoff, G., Jonson, M.** Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242 p.
- Lakoff, G.** The Contemporary Theory of Metaphor. In: Metaphor and Thought, Ed. A. Ortony Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251.
- Landtsheer, C. D.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: Metaphor and Discourse. London, Palgrave Macmillan UK, 2009, pp. 59–78.
- Lecolle, M.** Personification and Metonymy in the Written Press. How to Differentiate Them? Semen, 2002, vol. 15, no. 2, pp. 97–112.
- Lévy-Bertherat D.** Notes. In: “A Hero of Our Time” by Mikhail Lermontov. Transl. from Russian by D. Lévy-Bertherat. Paris: Flammarion, 2003, pp. 353–362.
- Markovich, V. M.** On the Problem of Evolution of Lermontov’s Prose. Studia Filologiczne, 1982, no. 14, p. 41–72. (in Russ.)
- Melion, W. S., Ramakers, B.** Personification: An Introduction. In Intersections: Interdisciplinary Studies in Early Modern Culture, 2016, vol. 41, 755 p.
- Mikhailova, E. N.** Lermontov’s Prose. M.: Publishing House of Artists. Literature, 1957, 383 p. (in Russ.)
- Moskvin, G. V.** Lyrical sources of poetics Mikhail Lermontov’s novel “Vadim”. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2019, no. 3, pp. 42–47. (in Russ.)
- Naiditsch, E. E.** Once Again about “Stoss”. Lermontov’s Collection. L.: Nauka, 1985, pp. 194–212. (in Russ.)
- Nazirov, R. G.** Motive of the Predetermined Duel in Novels by Balzac, Lermontov and Dostoevsky. Liberal Arts in Russia, 2014, vol. 3, no. 5, p. 312–319. (in Russ.)
- Nishimura, S.** Personification: Its Functions and Boundaries. Papers on Language & Literature, 2014, vol. 50, no. 1, p. 90–108.
- Perlmutter, L. B.** The Prose Language of M. Yu. Lermontov. Life and Work of M. Yu. Lermontov: Research and Materials: The First Collection. M.: OGIZ, 1941, pp. 310–355. (in Russ.)
- Raskol’nikov, F.** Lermontov’s “Fatalist” and the Problem of Fate in the Hero of Our Time. Revue des études slaves, 1995, vol. 67, no. 2/3, pp. 353–363.
- Rubins, M.** Russian Montparnasse: Transnational Writing in Interwar Paris. Springer, 2015, 302 p.
- Savina, E. S.** Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3, p. 98–109. (in Russ.)
- Solovyeva, E. A.** Animal Similes in the Nineteenth–Century French Translations of Mikhail Lermontov’s Novel “A Hero of Our time”. Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2022, no. 1, pp. 124–135. (in Russ.) DOI: 10.18384/2310–712X–2022–1–124–135
- Solovyov, V. S.** Philosophy of Art and Literary Criticism. M., 1991. 701 p. (in Russ.)
- Vinogradov, V. V.** Lermontov’s Prose Style. In: M. Yu. Lermontov. Literary Heritage. M.: Izd–vo AN USSR, 1941, vol. 43–44, pp. 517–628. (in Russ.)

- Zykova, I. V., Kiose, M. I.** Creativity of Phraseology in Contrast: Cinematic Discourse vs Discourse of Children's Literature. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 5–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-5-19
- Zotov, S. N., Efimov, A. A.** The Game Beginning and Its Features in the Novel by M. Yu. Lermontov "A Hero of Our Time". Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences, 2008, no. 4, pp. 15–29. (in Russ.)

List of Sources

- A Frequency dictionary of Lermontov's language. In: Lermontov Encyclopedia, Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. Moscow, 1981, pp. 717–774.
- De Balzac, H.** La peau de chagrin: roman philosophique. T. 1. Paris: Gosselin, 1831, 393 p.
- Bellermann, F.** The hymns of Dionysius and Mesomedes, Text and Melodies Based on Manuscripts and the Ancient Editions, Berlin: Albert Förstner, 1840, 114 p.
- Dahl, V. I.** Proverbs of the Russian People: A Collection of Proverbs, Sayings, Utterances, Priests, Rhetoric, Jokes, Riddles, etc. Moscow Univ. Press, 1862, 685 p. (in Russ.)
- Derzhavin's works with explanatory notes by J. K. Grot: in 9 vol. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences typography, 1863, 736 p. (in Russ.)
- Lermontov, M. Yu.** Collected Works in 6 Volumes; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. literature (Pushkin house). Vol. 6. Prose. Letters. Moscow, Leningrad, 1957, 900 p. (in Russ.)
- Pushkin, A. S.** Complete Works: In 10 vol. Academy of Sciences of the USSR, vol. 5. «Eugene Onegin». Dramatic works, L.: «Nauka», 1977–1979, 529 p. (in Russ.)
- Stolipine, A. A.** Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase / Trad. du russe par A. A. Stolipine. Paris, Démocratie pacifique, 1843. Sept. 29 – Nov. 4.

Информация об авторе

Соловьева Евгения Анатольевна, канд. филол. наук, преподаватель кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Information about the Author

Evgeniya A. Solovyeva, Cand. Sci. (Philology), Lecturer, Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

Статья поступила в редакцию 21.03.2022;

одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 10.07.2022

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 10.07.2022

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-123-138

Влияние типа ввода на эффективность усвоения коллокаций (корпус vs словарь)

Ольга Юрьевна Савина

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

osawina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4777-3188>

Аннотация

Настоящее исследование посвящено овладению коллокациями при обучении неродным языкам. Цель исследования – выяснить, зависит ли эффективность усвоения коллокаций от когнитивных усилий обучающихся, приложенных в момент получения информации о коллокации в разных условиях ввода – деконтекстуализированного (в словарях), обогащенного или усиленного (в корпусах). Обогащение представляет собой увеличение частоты целевого объекта, а усиление – более заметное его представление с помощью типографских приемов. Предполагалось, что обработка обогащенных и усиленных корпусных данных потребует больших когнитивных усилий и, следовательно, обеспечит более эффективное произвольное запоминание, чем обработка деконтекстуализированных данных из словарей. Для проверки данной гипотезы был проведен долгосрочный лабораторный эксперимент с повторными измерениями.

Исследование проводилось на материале немецкого языка. Эксперимент включал следующие этапы: (0) срез знаний – определение уровня владения коллокациями; (1) непосредственное тестирование – определение типа ввода информации о коллокациях, обеспечивающего наиболее эффективное понимание; (2) отложенное тестирование – определение типа ввода, обеспечивающего более прочное долговременное произвольное запоминание коллокаций; (3) сравнение результатов непосредственного и отложенного тестирования. Для анализа данных, собранных в ходе эксперимента, использовались статистические методы: непараметрические критерии Краскела — Уоллиса и Манна — Уитни, а также сила эффекта Cohen's d.

Результаты исследования показали, что обработка обогащенных и усиленных корпусных данных, требующая больших когнитивных усилий, обеспечивает более эффективное произвольное запоминание коллокаций, чем обработка деконтекстуализированных данных из словарей, и что этот эффект сохраняется долгосрочно.

Ключевые слова

коллокации, учебная лексикография, корпусная лингвистика, корпусная лингводидактика, обучение на основе данных, немецкий язык

Для цитирования

Савина О. Ю. Влияние типа ввода на эффективность усвоения коллокаций (корпус vs словарь) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 123–138. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-123-138

Благодарности

Автор выражает признательность своим студентам за участие в эксперименте, Ирине Геннадиевне Горбачевой за ценные консультации по статистическому анализу, а также редакторам и анонимным рецензентам за полезные замечания к более ранним версиям этой статьи.

© Савина О. Ю., 2022

Influence of the Input Type on the Efficiency of Collocations' Retention (Corpus vs Dictionary)

Olga Yu. Savina

University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

osawina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4777-3188>

Abstract

The present research investigates collocation learning strategies in the process of foreign language teaching. The paper aims at analyzing whether the process of effective collocation retention is determined by learners' cognitive effort made at the moment of receiving information about a collocation in various input conditions: decontextualized (in dictionaries), enriched or enhanced (in corpora). Enrichment is viewed as an increase in frequency of the target feature while enhancement consists in a more conspicuous representation of the feature by typographical means.

It is assumed that processing enriched and enhanced corpus data requires higher cognitive effort and, consequently, provides stronger incidental retention compared to analyzing decontextualized dictionary data. To test this hypothesis, we conducted a longitudinal laboratory experiment with repeated measures.

The research focuses on the German language. The experiment included the following stages: (0) a pre-test in order to determine the students' collocation competence; (1) an immediate test targeted at finding out which information about collocations is perceived easier; (2) a post-test to determine the type of input providing stronger long-term involuntary collocation retention; (3) comparison of the immediate test and post-test results. In analyzing experimental data statistical methods have been used: the Kruskal—Wallis and the Mann—Whitney tests for nonparametric data, as well as the Cohen's *d* effect size test.

The research demonstrates that mental processing of enriched and enhanced corpus data, requiring a higher cognitive effort, provides better incidental collocation retention than processing of decontextualized dictionary data and has a long-term effect.

Keywords

collocation, educational lexicography, corpus linguistics, corpus-based teaching, data-driven learning, german language

For citation

Savina, O. Yu. Influence of the Input Type on the Efficiency of Collocations' Retention (Corpus vs Dictionary). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 123–138. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-123-138

Acknowledgments

The author would like to express her gratitude to the students participating in the experiment, Irina Gorbacheva for valuable advice concerning statistical analysis, the editors and anonymous reviewers for their helpful comments on the earlier versions of this paper.

Введение

Извлечение коллокаций из контекстов или справочных материалов – далеко не тривиальная задача, так как разные источники по-разному предъявляют коллокации, в том числе с точки зрения их визуального представления. Поиск наиболее эффективных путей получения информации о коллокациях и определение факторов, играющих роль в формировании коллокационной компетенции при изучении неродных языков, определяют актуальность настоящего исследования. На необходимость решения проблем в данной области лингводидактики указывают исследователи в различных странах (см. раздел «Результаты эмпирических исследований»).

Цель настоящего исследования – выяснить, зависит ли эффективность сохранения коллокаций в долговременной памяти обучающихся от когнитивных усилий, приложенных в момент получения информации о коллокации в разных условиях ввода: деконтекстуализированного (в словаре), обогащенного или усиленного (в корпусе).

1. Лингводидактический взгляд на коллокации и их представление в словарях и корпусах

Несмотря на разнообразие определений понятия «коллокация», обусловленное различными направлениями исследования, большинство авторов выделяют совместную встречаемость слов как характерную черту коллокаций [Хохлова, 2008, с. 343; Quasthoff, 2011; Павельева, 2016, с. 57; Павловская, Горина, 2017, с. 135; Zaabalawi, Gould, 2017, p. 21]. При этом обычно выделяют так называемую базу, то есть семантически независимое слово (например, *Kaffee, Bett*) и коллокатор – семантически зависимую составляющую (например, *stark, machen*) [Steyer, 2008, p. 187], которая не может быть выбрана, переведена (и выучена) независимо от базы [Hausmann, 2007, p. 218].

Эту семантическую зависимость впервые описал Ф. Й. Хаусманн (1984) [см. Targońska, 2019, p. 181]. Вслед за этим ученые выделили два подхода, ныне общепринятых, к определению коллокаций: количественный, по частотности совместной встречаемости слов, и семантический (или фразеологический), по конвенциональной зависимости коллоката.

Семантический подход фокусируется на установлении семантических отношений между словами (двумя или более) [Gablasova et al., 2017, p. 158]. В то же время, по мнению многих исследователей, коллокации лишь в малой степени проявляют, если проявляют вообще, семантический сдвиг, который является ярким признаком истинных фразеологизмов [Steyer, 2008, p. 187; Reder, 2011, p. 136]. Таким образом, они занимают промежуточную позицию между словом / свободным словосочетанием и идиомой, имеют аналитический характер и благодаря этому относительно легки для запоминания [Hausmann, 2007, p. 229; Reder, 2011, p. 137].

Количественный подход характерен для современной корпусной лингвистики, в рамках которой данные о частотности легко доступны [Reder, 2011, p. 133]. Очевидное достоинство количественного подхода состоит в том, что обучающиеся могут самостоятельно находить коллокации в корпусах [Reder, 2011, p. 133]. Однако, по заключению И. Таргоньской, количественный подход характерен только для дидактики английского как иностранного [Targońska, 2019, p. 182]. В учебниках по немецкому как иностранному чаще всего реализуется семантический подход к коллокациям [Reder, 2011, p. 138]. Первый словарь коллокаций для немецкого языка был составлен У. Квастхоффом в 2011 г. [см. Targońska, 2014, p. 137]. Он включает коллокации для более чем 3 200 частотных существительных, глаголов и прилагательных [Quasthoff, 2011, p. 5].

Считается, что владение коллокациями повышает беглость речи, поскольку если носители языка хранят свой словарный запас в виде более крупных фрагментов, которые можно извлечь из памяти целиком, то это повышает скорость обработки информации по сравнению с его сохранением в виде отдельных слов. Некоторые ученые утверждают, что существует высокая корреляция между общим уровнем владения языком и владением коллокациями [Rahimi, Momeni, 2012, p. 41]. Затраты времени на целенаправленное выучивание коллокаций оправдываются приростом беглости и идиоматичности речи [Nation, 2006, p. 517; Frankenberg-Garcia, 2017, p. 4].

Однако в связи с грамматической и лексической непредсказуемостью таких комбинаций с точки зрения другого языка, являющейся типичной причиной интерференционных ошибок, овладение коллокациями требует особого внимания [Nation, 2006, p. 525; Möhring, 2011, p. 34; Reder, 2011, p. 137]. На начальных этапах освоения иностранного языка обучающиеся плохо осознают необходимость запоминания коллокаций как готовых лексических блоков, которые должны храниться в памяти целиком, и, следовательно, не уделяют достаточного внимания овладению ими [Zaabalawi, Gould, 2017, p. 27]. Довольно часто они комбинируют слова, подспудно руководствуясь правилами родного языка, и могут создать лексически и даже грамматически корректные комбинации, но не соответствующие узусу носителей языка, т. е. неидиоматичные [Boulton, De Cock, 2016, p. 6; Zaabalawi, Gould, 2017, p. 21].

Несмотря на важную роль коллокаций при изучении неродного языка и объективные трудности в овладении ими, они нечасто становятся объектом обучения [Peters, 2012, p. 65; Szudarski, Carter, 2016, p. 246; Targońska, 2019, p. 183]. В лингводидактике немецкого как иностранного коллокации впервые заняли самостоятельное место лишь в публикации 2010 года *Deutsch als Fremdsprache: Ein internationales Handbuch* К. Фандриха и Х.-Ю. Крумма [см. Targońska, 2014, p. 135].

В то же время некоторые исследователи выделяют специфическую коллокационную компетенцию. И. Таргоньска видит в ее структуре три составляющих: рецептивную, продуктивную и рефлексивную. Рецептивная подразумевает способность понимать значение коллокации, а также идентифицировать неправильные варианты коллокаций; продуктивная – их корректное использование, а также способность исправлять узуально неправильные комбинации слов; рефлексивная – способность видеть неизвестные коллокации в тексте. Соответственно, последняя является базовой для развития первых двух компетенций [Targońska, 2019, p. 184–185].

Деконтекстуализированная форма представления коллокаций в словаре мало способствует их пониманию и запоминанию, так как обычно сводится к перечислению [Sonbul, Schmitt, 2013, p. 128]. Восприятие коллокаций в словаре не поддерживается никакими визуальными приемами, тогда как для развития базовой рефлексивной коллокационной компетенции требуется именно так называемый обогащенный (*enriched*) и усиленный (*enhanced*) ввод [Steuer, 2008, p. 193].

Обогащение входных данных определяется как увеличение частоты предъявления целевого объекта во входном речевом сигнале, а усиление входных данных подразумевает более наглядное представление коллокаций, что достигается с помощью самых различных шрифто-типографских средств (жирный шрифт, подчеркивание, цветная маркировка, облако слов, формат KWIC – в виде фрагментов контекстов, центрированных по искомому слову, и т. д.) [Vyatkina, 2016a, p. 208]. В облаке слов более высокая частотность представлена большим размером шрифта, что привлекает внимание к типичным коллокаторам. Кроме того, форма облака позволяет разместить больше примеров коллокаций для одного слова, чем традиционное представление [Geuken et al., 2008, p. 373].

Широкие возможности для обогащенного и усиленного ввода информации предоставляют корпуса [Roberts et al., 2018, p. 2]. Использование корпусных данных в процессе обучения неродным языкам получило название «обучение на основе данных» (англ. *Data-Driven Learning*, или *DDL*; нем. *datengesteuertes Lernen*). Эта область лингводидактики в настоящее время активно развивается.

2. Результаты эмпирических исследований и вопросы, остающиеся открытыми

Эмпирические исследования последних лет, выполненные учеными разных стран в области «корпусной лингводидактики» [Горина, Царакова, 2021, с. 37], позволяют сделать следующие выводы.

Эксперименты с отложенным тестированием подтверждают, что усиленный ввод более эффективен, чем обогащенный, но не эффективнее деконтекстуализированного. При этом эффект усиленного ввода растет с ростом уровня владения языком [Sonbul, Schmitt, 2013], а комбинация обогащения и усиления ввода дает более высокие результаты по запоминанию и распознаванию коллокаций [Szudarski, Carter, 2016, p. 261–262].

Инструкции учителя влияют на концентрацию внимания обучающихся меньше, чем визуальный акцент в тексте (жирный шрифт или подчеркивание). Более того, усиление ввода побуждает обучающихся обращаться к поиску дополнительной информации о лексических единицах [Peters, 2012].

Несмотря на накопленные результаты, все еще существуют значительные пробелы, требующие внимания. Так, довольно мало исследований посвящено тому, каким путем обучающиеся получают знания о коллокациях [Sonbul, Schmitt, 2013, p. 126]. И. Таргоньска призывает исследовать способы развития коллокационной компетенции и факторы, играющие роль в ее формировании [Targońska, 2014, p. 136, 142].

Малоизученным также остается вопрос об эффективности корпуса по сравнению со словарем. Н. Вяткина предполагает, что использование корпусных данных может быть более эффективным в сравнении со словарем за счет индуктивного обнаружения и обогащения ввода [Vyatkina, 2016b, p. 161]. Также автор отмечает, что достаточно редко изучаются отсроченные эффекты и практически нет исследований, посвященных влиянию когнитивных усилий на эффективность запоминания; по ее мнению, к тому же необходимы исследования таких эффектов, как управляемая индукция, насыщенность и усиление входного сигнала [Vyatkina, 2016a, p. 220].

Большинство проведенных исследований ориентированы на английский язык как иностранный. На необходимость исследований по другим целевым языкам указывают И. Таргоньска [Targońska, 2014, p. 137], Н. Вяткина и А. Бултон [Vyatkina, Boulton, 2017, p. 6].

Кроме того, для более убедительных выводов необходимы репликации – исследования, выполненные в единой методологии, которые позволят задействовать большое количество участников разных уровней [Vyatkina, 2016a, p. 220].

Исследование, о котором сообщается в данной статье, направлено на восполнение указанных пробелов и является вкладом в дискуссию о преимуществах и эффективности использования словарных и корпусных источников информации о коллокациях для немецкого как иностранного.

3. Методология исследования

В рамках исследования подлежала проверке гипотеза о том, что эффективность запоминания коллокаций зависит от объема когнитивных усилий обучающихся, приложенных на этапе ввода новой информации. Обработка обогащенных и усиленных корпусных данных потребует больших когнитивных усилий и, следовательно, обеспечит более прочное произвольное запоминание, чем обработка данных из словарей.

Для проверки данной гипотезы был проведен долгосрочный лабораторный эксперимент с повторными измерениями [Empirische Forschungsmethoden, 2014, p. 239; Döring, Bortz, 2016, p. 209]. Следуя общей тенденции, сформулированной А. Бултоном и С. Де Кок [Boulton, De Cock, 2016, p. 11], для операционализации эффективности овладения коллокациями была использована степень запоминаемости словосочетаний, проверяемая дважды: в непосредственном и отложенном тестировании. Инструментом измерения запоминаемости стали тесты, включающие задания на заполнение пропусков. Подобная методика проведения исследования с указанными задачами уже широко распространена [Boulton, Cobb, 2017].

Исследовательская стратегия включала следующие этапы:

0. Срез знаний для выяснения информированности студентов о коллокациях в изучаемом языке.

1. Непосредственное тестирование для ответа на вопрос, какой тип ввода информации о коллокациях обеспечивает ее наиболее эффективное понимание.

2. Отложенное тестирование для выяснения, какой тип ввода информации о коллокациях обеспечивает их более прочное произвольное запоминание.

3. Сравнение результатов непосредственного и отложенного тестирования для определения эффективности произвольного запоминания в зависимости от типа ввода коллокаций (корпусные и словарные источники).

В качестве источников информации о коллокациях использовались: «Русско-немецкий переводной словарь» (далее – Русс.-нем. сл.) [Großes Schulwörterbuch Russisch, 2008], примеры из корпуса Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (далее – DWDS) [DWDS – Digitales Wörterbuch], толковый словарь DaF от Langenscheidt (далее – Langenscheidt) [Deutsch als Fremdsprache, 2011] и облако слов из корпуса DWDS (далее – Wortwolke) [DWDS – Wortprofil]. Оба словаря – и переводной, и толковый – рассматриваются нами как инструмент деконтекстуализированного ввода коллокаций. Корпусные источники (примеры и облако слов) относятся к обогащенному и усиленному вводу информации.

Тестовыми инструментами на каждом этапе эксперимента были бумажные рабочие листы с десятью пропусками (на первом и втором этапе по каждому из четырех источников информации). В ходе тестирования испытуемые заполняли пропуски в тексте, подбирая правильные, с их точки зрения, немецкоязычные коллокации на основе предложенных бумажных копий информации из соответствующего источника.

Испытуемыми стали 30 студентов, изучающих немецкий как первый или второй иностранный язык и владеющих им на уровне B1–B2. Объем выборки определялся по рекомендациям Н. Дёринг и Ю. Борца [Döring, Bortz, 2016, p. 843]. Данные испытуемых были анонимизированы (работы обозначались индексами)¹. Участники были проинформированы, что эти результаты будут средством контроля их уровня владения коллокациями, но в начале эксперимента они не знали, что этот уровень будет проверен в отложенном тестировании. Это позволило предотвратить целенаправленное повторение материала в период до отложенного тестирования.

Собранные данные первично были обработаны с использованием статистического редактора Excel (версия 2010). Вторичная обработка выполнялась с использованием пакета IBM SPSS Statistics (версия 23) и программы JASP (версия 0.11.1).

Полученные экспериментальные данные были проанализированы по четырем позициям: 0. Срез знаний: сравнение результатов испытуемых.

1. Непосредственное тестирование: сравнение средних баллов по каждому из четырех использованных источников информации.

2. Отложенное тестирование: сравнение средних баллов по каждому из четырех использованных источников информации.

3. Сравнение разности между непосредственным и отложенным тестированием.

В качестве нулевой гипотезы принималось отсутствие различий между группами. В качестве альтернативной гипотезы принималась зависимость сравниваемых величин от использованного источника информации. Для оценки значимости выявленных различий использовались статистические критерии, выбор которых определялся типом данных, характером выборки и типом распределения результатов.

4. Результаты исследования

Описательные статистические данные для результатов разных этапов исследования представлены в табл. 1.

4.0. Срез знаний

Для среза знаний были отобраны коллокации из словаря А. Хэки Бухофер и др. «Устойчивые словосочетания немецкого языка» (например, *den Zug verpassen, ein Medikament einnehmen, einen Flug buchen, dunkles Brot*) [Feste Wortverbindungen des Deutschen, 2014]. Порог эффективности был определен в 60 %, при правильном выполнении более 60 % заданий владение коллокациями оценивалось как удовлетворительное. Срез знаний показал, что студенты недостаточно хорошо владеют коллокациями (см. таблицу 1): среднее значение – 22,5 %, и даже

¹ Для этого эксперимента было получено устное информированное согласие от всех участников предоставить свои результаты тестирования в качестве материалов исследования.

максимальный результат не превысил 55 %. Следовательно, их можно привлечь к тестированию для проверки заявленной гипотезы.

Таблица 1

Описательная статистика*

Table 1

Descriptive Statistics

Источник информации	N	M	Me	SD	min	max
0. Владение коллокациями (срез знаний, балл)						
Без источника	30	2,25	2,0	1,38	0,5	5,50
Понимание и запоминание коллокаций при использовании разных источников информации						
1. Понимание (непосредственное тестирование, балл)						
Русс.-нем. словарь	30	9,25	10,0	1,26	5,0	10,0
DWDS	30	6,38	6,75	2,09	0	9,0
Langenscheidt	30	7,52	8,0	1,85	2,0	10,0
Wortwolke	30	5,75	6,0	1,05	3,5	8,0
2. Запоминание (отложенное тестирование, балл)						
Русс.-нем. словарь	30	1,37	1,0	1,12	0	4,5
DWDS	30	1,0	1,0	0,71	0	3,0
Langenscheidt	30	1,45	1,0	1,01	0	3,0
Wortwolke	30	0,90	1,0	0,76	0	2,5
3. Разность между пониманием и запоминанием коллокаций при использовании разных источников информации						
Русс.-нем. словарь	30	7,88	8,0	1,48	5,0	10,0
DWDS	30	5,38	5,25	2,05	0	9,0
Langenscheidt	30	6,07	6,50	1,75	1,5	9,0
Wortwolke	30	4,85	5,0	1,08	2,5	8,0

* N – размер выборки, M – среднее, Me – медиана, SD – стандартное отклонение, min – минимальное, max – максимальное значение.

Тестирование

Участники могли получить до 10 баллов в каждом тесте (по каждому из источников информации). Обобщенные результаты непосредственного и отложенного тестирования представлены на рис. 1.²

² Примеры коллокаций, использованных в тестовых заданиях: das Gepäck aufgeben, mit bloßem Auge, ein Tor schießen [Großes Schulwörterbuch Russisch, 2008]; starker Kaffee, in Wut geraten, tatkräftig unterstützen [DWDS – Digitales

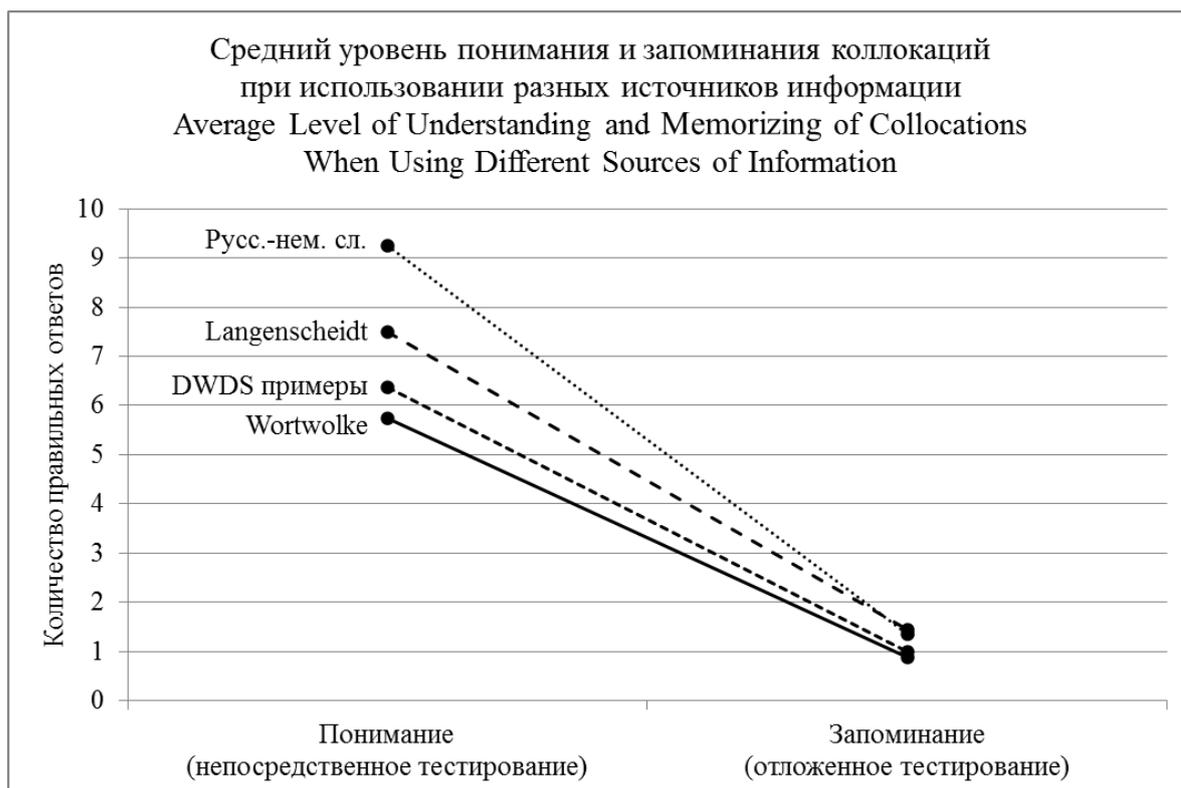

Рис. 1. Результаты непосредственного и отложенного тестирования
Fig. 1. Immediate test and delayed post-test results

График показывает, что:

- 1) количество правильных ответов на непосредственном тестировании различается в зависимости от источника информации;
- 2) количество правильных ответов на отложенном тестировании различается в зависимости от источника информации;
- 3) разность в количестве правильных ответов между двумя тестами (угол падения линий) различается в зависимости от источника информации.

4.1. Непосредственное тестирование

На этапе непосредственного тестирования наибольший средний ранг (самое большое количество правильных ответов) относится к группе Русско-немецкий словарь (97); наименьший средний ранг относится к группе Wortwolke (33). Достоверность различий проверена по критерию Краскела — Уоллиса (см. таблицу 2), который показывает высокую значимость ($p = 0,0000$), что позволяет провести попарное сравнение с использованием U-критерия Манна — Уитни (см. таблицу 3).

Статистически значимая разница между группами на этапе непосредственного тестирования ($p < 0,05$) наблюдается для всех сравниваемых пар. Однако наиболее значимым является отличие показателей любого из трех источников от «Русско-немецкого словаря» ($p = 0,000$), а также отличие Langenscheidt от Wortwolke ($p = 0,000$).

Wörterbuch]; eine vierköpfige Familie, eine Note vergeben, Bett machen, neue Kartoffeln [Deutsch als Fremdsprache, 2011]; verkaufsoffener Sonntag, den Zug erwischen, im schulpflichtigen Alter [DWDS – Wortprofil].

Таблица 2

Результаты критерия Краскела — Уоллиса*

Table 2

Results of the Kruskal-Wallis Test

Источник информации	Rank-sum	Middle rank	H Kruskal-Wallis	p
1. Непосредственное тестирование				
Русс.-нем. сл.	2896	97	56,712	0,0000
DWDS	1428	48		
Langenscheidt	1958	65		
Wortwolke	980	33		
2. Отложенное тестирование				
Русс.-нем. сл.	1981	66	5,223	0,156
DWDS	1649	55		
Langenscheidt	2062	69		
Wortwolke	1569	52		
3. Разность между непосредственным и отложенным тестированием				
Русс.-нем. сл.	2788	93	43,158	0,000
DWDS	1510	50		
Langenscheidt	1863	62		
Wortwolke	1101	37		

* Rank-sum – сумма рангов, Middle rank – средний ранг, H Kruskal—Wallis – критерий Краскела – Уоллиса, p – уровень значимости.

Таким образом, на этапе непосредственного тестирования были выявлены статистически значимые различия по числу правильных ответов в зависимости от использованного источника информации. Эти результаты объясняются тем, что «Русско-немецкий словарь» предоставляет пользователю непосредственный ответ в виде перевода искомого словосочетания, тогда как при использовании других источников информации выбирать коллокации на основе предложенных данных приходится самостоятельно. Значимую разницу между результатами в группах Langenscheidt и Wortwolke, вероятно, можно объяснить особенностями представления информации: в словаре Langenscheidt коллокации приведены как готовые словосочетания (с толкованием значения каждого из них), в облаке же коллокааты представлены, но значение каждого словосочетания никак не комментируется.

Таблица 3

Результаты сравнения групп по критерию Манна – Уитни*

Table 3

Results of the Mann–Whitney Test

Источник информации	Middle rank	U Mann—Whitney	<i>p</i>
1. Непосредственное тестирование			
Русс.-нем. сл.	42,93	77	0,000
DWDS	18,07		
Русс.-нем. сл.	40,38	153,5	0,000
Langenscheidt	20,62		
Русс.-нем. сл.	44,2	39	0,000
Wortwolke	16,8		
DWDS	25,27	293	0,019
Langenscheidt	35,73		
DWDS	35,25	307,5	0,034
Wortwolke	25,75		
Langenscheidt	39,9	168	0,000
Wortwolke	21,1		
3. Разность по группам между непосредственным и отложенным тестированием			
Русс.-нем. сл.	40,97	136	0,000
DWDS	20,03		
Русс.-нем. сл.	39,43	182	0,000
Langenscheidt	21,57		
Русс.-нем. сл.	43,52	59,5	0,000
Wortwolke	17,48		
DWDS	27,35	355,5	0,16
Langenscheidt	33,65		
DWDS	33,93	347	0,124
Wortwolke	27,07		
Langenscheidt	37,87	229	0,001
Wortwolke	23,13		

* Middle rank – средний ранг, U Mann–Whitney – критерий Манна – Уитни, *p* – уровень значимости.

4.2. Отложенное тестирование

Отложенное тестирование было проведено спустя шесть недель, список коллокаций остался прежним. Поскольку установка на запоминание коллокаций испытуемым на первом этапе не давалась, и они не знали о предстоящем отложенном тестировании, на этом этапе проверялось, какой тип ввода информации обеспечивает более прочное произвольное запоминание материала.

Наибольший средний ранг (самое большое количество правильных ответов) относится к группе Langenscheidt (69); наименьший средний ранг относится к группе Wortwolke (52); критерий Краскела – Уоллиса не значим ($p = 0,156 > 0,05$) (см. таблицу 2). Следовательно, на этапе отложенного тестирования и словарная, и корпусная информация сохраняются приблизительно на одном уровне.

4.3. Сравнение разности между непосредственным и отложенным тестированием

Для проверки основной гипотезы исследования (см. раздел «Методология исследования») необходимо сравнить разность между результатами непосредственного и отложенного тестиро-

вания по каждому из источников информации (угол падения линий на рис. 1). Если эта разность минимальна, значит, испытуемый сохранил в своей памяти больше правильных коллокаций.

Медианы разности между пониманием и запоминанием коллокаций отличаются в зависимости от источника информации. Минимальная разность наблюдается в группе Wortwolke – 5, максимальная в группе «Русско-немецкий словарь» – 8 (см. таблицу 1). Для проверки статистической значимости этих различий был использован критерий Краскела — Уоллиса (см. таблицу 2).

Наибольшее ранговое среднее (самая большая разность между правильными ответами в непосредственном и отложенном тестировании) относится к группе «Русско-немецкий словарь» (93), наименьшее – к группе Wortwolke (37). Критерий Краскела — Уоллиса высоко значим ($p = 0,000$). Следовательно, медианы групп значимо отличаются друг от друга, что позволяет провести попарное сравнение групп с помощью критерия Манна – Уитни (см. таблицу 3).

Статистически значимая разница между группами ($p < 0,05$) наблюдается для всех попарных сравнений, кроме пар DWDS vs Langenscheidt ($p = 0,16$) и DWDS vs Wortwolke ($p = 0,124$). Соответственно, в данных комбинациях источник лингвистической информации не влияет существенно на эффективность ее запоминания. Для всех остальных пар принимаем альтернативную гипотезу: различные типы ввода влияют на эффективность запоминания. Запоминание существенно эффективнее при использовании обогащенных и усиленных данных из корпуса (DWDS/Wortwolke) в сравнении с деконтекстуализированным вводом («Русско-немецкий словарь» / Langenscheidt).

Сила эффекта

Для обеспечения методологической строгости исследования использовалась статистика величины эффекта, позволяющая проводить сравнения между исследованиями [Vyatkina, Boulton, 2017, p. 6]. В современной статистике закрепилось мнение, что если сила эффекта невелика, то результат не ценен, даже если есть статистическая значимость [Empirische Forschungsmethoden, 2014, p. 205]. В лингводидактике наиболее распространенной мерой оценки силы эффекта является эффект Коэна (Cohen's d) [Boulton, Cobb, 2017]. Результаты расчета эффекта Коэна представлены в таблице 4. Сила эффекта была вычислена для парных сравнений на непосредственном и отложенном тестировании, а также для сравнения разности между непосредственным и отложенным тестированием.

Таблица 4

Результаты эффекта Коэна

Table 4

Results of Cohen's d

Источник информации	Непосредственное тестирование	Отложенное тестирование	Разность между непосредственным и отложенным тестированием
Русс.-нем. сл. DWDS	1,659	0,391	1,397
Русс.-нем. сл. Langenscheidt	1,094	0,078	1,120
Русс.-нем. сл. Wortwolke	3,013	0,487	2,335
DWDS Langenscheidt	0,574	0,516	0,359
DWDS Wortwolke	0,383	0,136	0,325
Langenscheidt Wortwolke	1,175	0,615	0,836

Для интерпретации полученных показателей обратимся к рекомендациям Л. Плонски и Ф. Освальда [2014] для сферы обучения неродным языкам, в частности, для внутригрупповых дизайнов (слабый эффект – до 0,6, средний – до 1,0, сильный – до 1,4) [Boulton, Cobb, 2017]. Сильный эффект выделен в таблице жирным шрифтом. Кроме того, есть еще три случая очень сильного эффекта ($> 1,4$), в таблице 4 эти ячейки залиты серым.

Сила эффекта, определенная для последнего сравнения, разности между непосредственным и отложенным тестированием, подтверждает статистическую значимость. Деконтекстуализированный ввод существенно уступает в эффективности запоминания обогащенному и усиленному вводу коллокаций.

5. Обсуждение результатов

Полученные результаты сопоставимы с результатами других исследований. Так, в исследовании А. Бултона (2009) по сравнению эффективности словарей и корпусов участвовали студенты французского университета, изучающие английский язык как иностранный [Boulton, 2009]. В рамках эксперимента они на основании корпусных данных (конкордансы в формате KWIC и краткие контексты), а также данных из двуязычных словарей и грамматик выбирали ответ на вопрос о сочетаемости с наречиями. Автор пришел к выводу, что использование корпусных данных более эффективно, чем использование традиционных словарных источников [Boulton, 2009, p. 50]. В нашем исследовании корпусные источники также оказались более эффективными в сравнении со словарными.

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что эффект усиленного и обогащенного ввода гораздо ярче проявляется при восприятии коллокаций (непосредственное тестирование), чем при запоминании (отложенное тестирование). Однако и в отложенном тестировании (т. е. в запоминании) усиленный ввод (облако коллокаций из корпуса) оказался более эффективным, чем деконтекстуализированный (оба словаря), в то время как разница между усиленным и обогащенным вводом (то есть корпусными примерами и облаком слов, соответственно) не существенна.

Таким образом, полученные результаты во многом согласуются с выводами других исследователей, уточняют и подкрепляют их. Представленные нами результаты получены на материале немецкого языка, что расширяет сферу действия выводов. Следует, однако, отметить, что данное исследование было построено на относительно небольшой выборке, поэтому результаты должны интерпретироваться с осторожностью.

Заключение

Представленное исследование позволяет сделать вывод, что когнитивные усилия, прилагаемые обучающимися для запоминания коллокаций в изучаемом иностранном языке, зависят от условий ввода информации. Обогащенный и усиленный ввод способствует более эффективному произвольному запоминанию, чем деконтекстуализированные словарные данные. Корпусные данные по своей природе являются обогащенными и усиленными. Их использование в учебном процессе позволит повысить эффективность усвоения коллокаций.

Список литературы

- Горина О. Г., Царакова Н. С. Корпусные инструменты, маршруты и эксперименты в современной лингводидактике // Вестник НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. № 2. С. 36–53.
- Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки, 2016. № 3/4 (155/156). С. 56–61.

- Павловская И. Ю., Горина О. Г.** Корпусно-когнитивные методы изучения лексической стороны речи на иностранном языке // Вестник Череповецкого гос. ун-та, 2017. № 1. С. 132–138.
- Хохлова М. В.** Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // *Slavica Helsingiensia* 34. Инструментарий русистики: Корпусные подходы / Под ред. А. Mustajoki. Helsinki: Dep. of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008. С. 343–357.
- Boulton A.** Testing the Limits of Data-Driven Learning: Language Proficiency and Training. *ReCALL*, 2009, no. 1, p. 37–54.
- Boulton A., Cobb T.** Corpus Use in Language Learning: A Meta-Analysis // *Language Learning*, 2017. No. 2. Pp. 348–393.
- Boulton A., De Cock S.** Dictionaries as Aids for Language Learning. In: *International Handbook of Modern Lexis and Lexicography* / ed. by P. Hanks, G.-M. de Schryver. New York, Springer, 2016, p. 1–17.
- Deutsch als Fremdsprache.** Duden-Bibliothek. DIGITAL Joanneum Research. Graz. Version 5.1.3.0: Langenscheidt, 2011. CD-Rom.
- Döring N., Bortz J.** Forschungsmethoden und Evaluation. In den Sozial- und Humanwissenschaften. Berlin, Springer, 2016. 1051 S.
- DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.** Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 24.02.2020).
- DWDS – Wortprofil.** Erstellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/wp> (дата обращения: 24.02.2020).
- Empirische Forschungsmethoden für Deutsch als Fremd- und Zweitsprache.** Eine Einführung (UTB Sprachwissenschaft, 8541) / J. Settinieri, S. Demirkaya, A. Feldmeier, N. Gültekin-Karakoç, C. Riemer (Hrsg.). Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2014. 1315 S.
- Feste Wortverbindungen des Deutschen.** Kollokationenwörterbuch für den Alltag / A. Häcki Buhofer, M. Dräger, S. Meier, T. Roth, R. Frauchiger (Hrsg.). Tübingen, Francke, 2014. XIX, 1003 S.
- Frankenberg-Garcia A.** Combining User Needs, Lexicographic Data and Digital Writing Environments. TechLing 2017. University of Bologna, 10.11.2017.
- Gablasova D., Brezina V., McEnery T.** Collocations in Corpus-Based Language Learning Research: Identifying, Comparing, and Interpreting the Evidence // *Language Learning*, 2017. No. 67:S1. Pp. 155–179.
- Geyken A., Didakowski J., Siebert A.** Generation of Word Profiles on the Basis of a Large and Balanced German Corpus. In: *Proceedings of the XIII EURALEX International Congress (Barcelona, 15-19 July 2008)* / ed. by E. Bernal, J.A. DeCesaris. Barcelona, Documenta Universitaria; Institut universitari de lingüística aplicada, Universitat Pompeu Fabra, 2008. Pp. 371–383.
- Großes Schulwörterbuch Russisch.** Russisch - deutsch, deutsch - russisch. Berlin : Langenscheidt, 2008. 719 с.
- Hausmann, F. J.** Die Kollokationen im Rahmen der Phraseologie – systematische und historische Darstellung. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2007, Nr 3, S. 217–234.
- Möhring, J.** Kollokationen im Lernerwörterbuch – Anspruch und Wirklichkeit // *Linguistik online*, 2011. Nr 3. S. 33–53.
- Nation I. S. P.** Learning Vocabulary in Another Language. Cambridge u. a., Cambridge University Press, 2006. 615 p.
- Peters E.** Learning German Formulaic Sequences: The Effect of Two Attention-Drawing Techniques // *The Language Learning Journal*, 2012. No. 1. Pp. 65–79.
- Quasthoff U.** Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen. Berlin, De Gruyter, 2011. 551 S.
- Rahimi M., Momeni G.** The Effect of Teaching Collocations on English Language Proficiency // *Procedia—Social and Behavioral Sciences*, 2012. Pp. 37–42.

- Reder A.** Kommen Kollokationen in Mode? Kollokationskonzepte und ihre mögliche Umsetzung in der Didaktik // *Linguistik online*, 2011. Nr 3 (47). S. 131–140.
- Roberts J. C., Frankenberg-Garcia A., Lew R., Rees G., Sharma N.** Visualisation Approaches for Corpus Linguistics: towards Visual Integration of Data- Driven Learning. Paper presented at 3rd Workshop on Visualization for the Digital Humanities. In: *3rd Workshop on Visualization for the Digital Humanities – Vis4DH*, 2018. Pp. 93–104.
- Sonbul S., Schmitt N.** Explicit and Implicit Lexical Knowledge: Acquisition of Collocations under Different Input Conditions // *Language Learning*, 2013. No. 1. Pp. 121–159.
- Steyer K.** Kollokationen in deutschen Wörterbüchern und in der deutschen Wörterbuchforschung. In: *Lexicographica*, 2008. S. 185–207.
- Szudarski P., Carter R.** The role of input flood and input enhancement in EFL learners' acquisition of collocations // *International Journal of Applied Linguistics*, 2016. No. 2. Pp. 245–265.
- Targońska J.** Kollokationen – ein vernachlässigtes Gebiet der DaF-Didaktik? // *Linguistik online*, 2014. Nr 6. S. 127–149.
- Targońska J.** Kollokationskompetenz vs. Sprachfertigkeiten bzw. andere Sprachkompetenzen – ein Forschungsüberblick // *Glottodidactica. An International Journal of Applied Linguistics*, 2019. Nr 1. S. 179–196.
- Vyatkina N.** Data-Driven Learning for Beginners: The Case of German Verb-Preposition Collocations // *ReCALL*, 2016a. No. 2, p. 207–226.
- Vyatkina N.** Data-Driven Learning of Collocations: Learner Performance, Proficiency, and Perceptions // *Language Learning & Technology*, 2016b. No. 20(3). Pp. 159–179.
- Vyatkina N., Boulton A.** Corpora in Language Learning and Teaching // *Language Learning & Technology*, 2017. No. 21(3). Pp. 1–8.
- Zaabalawi R. S., Gould A. M.** English Collocations: A Novel Approach to Teaching the Language's Last Bastion // *Ampersand*, 2017. Pp. 21–29.

References

- Boulton, A.** Testing the Limits of Data-Driven Learning: Language Proficiency and Training. *ReCALL*, 2009, no. 1, p. 37–54.
- Boulton, A., Cobb, T.** Corpus Use in Language Learning: A Meta-Analysis. *Language Learning*, 2017, no. 2, p. 348–393.
- Boulton, A., De Cock, S.** Dictionaries as Aids for Language Learning. In: *International Handbook of Modern Lexis and Lexicography* / Ed. by P. Hanks, G.-M. de Schryver. New York, Springer, 2016, p. 1–17.
- Deutsch als Fremdsprache.** Duden-Bibliothek. DIGITAL Joanneum Research. Graz. Version 5.1.3.0 : Langenscheidt. 2011. CD-Rom.
- Döring, N., Bortz, J.** Forschungsmethoden und Evaluation. In den Sozial- und Humanwissenschaften. Berlin, Springer, 2016. 1051 S.
- DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.** Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. [Online]. URL: <https://www.dwds.de/> (zuletzt geprüft am: 24.02.2020).
- DWDS – Wortprofil.** Erstellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Online]. URL: <https://www.dwds.de/wp> (zuletzt geprüft am: 24.02.2020).
- Empirische Forschungsmethoden für Deutsch als Fremd- und Zweitsprache.** Eine Einführung (UTB Sprachwissenschaft, 8541). J. Settinieri, S. Demirkaya, A. Feldmeier, N. Gültekin-Karakoç, C. Riemer (Hrsg.). Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2014. 1315 S.
- Feste Wortverbindungen des Deutschen.** Kollokationenwörterbuch für den Alltag / A. Häcki Buhofer, M. Dräger, S. Meier, T. Roth, R. Frauchiger (Hrsg.). Tübingen, Francke, 2014. XIX, 1003 S.

- Frankenberg-Garcia, A.** Combining User Needs, Lexicographic Data and Digital Writing Environments. TechLing 2017. University of Bologna, 10.11.2017.
- Gablasova, D., Brezina, V., McEnery, T.** Collocations in Corpus-Based Language Learning Research: Identifying, Comparing, and Interpreting the Evidence. *Language Learning*, 2017, no. 67:S1, p. 155–179.
- Geyken, A., Didakowski, J., Siebert, A.** Generation of Word Profiles on the Basis of a Large and Balanced German Corpus. In: *Proceedings of the XIII EURALEX International Congress (Barcelona, 15-19 July 2008)* / ed. by E. Bernal, J.A. DeCesaris. Barcelona : Documenta Universitaria; Institut universitari de lingüística aplicada, Universitat Pompeu Fabra, 2008, p. 371–383.
- Gorina O. G., Tsarakova N. S.** Corpus Routes and Experiments in Language Teaching. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, p. 36–53. (in Russ.)
- Großes Schulwörterbuch Russisch.** Russisch – deutsch, deutsch – russisch. Berlin, Langenscheidt, 2008. 719 c.
- Hausmann, F. J.** Die Kollokationen im Rahmen der Phraseologie – systematische und historische Darstellung. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2007, Nr 3, S. 217–234.
- Khokhlova, M. V.** Evaluation of Methods for Collocation Extraction. *Slavica Helsingiensia 34. Instrumentarij rusistiki: Korpusnye podhody* / ed. by A. Mustajoki. Helsinki : Dep. of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008, p. 343–357. (in Russ.)
- Möhring, J.** Kollokationen im Lernerwörterbuch – Anspruch und Wirklichkeit. *Linguistik online*, 2011, Nr 3, S. 33–53.
- Nation, I. S. P.** Learning vocabulary in another language. Cambridge u. a., Cambridge University Press, 2006. 615 p.
- Paveleva, T. Yu.** Collocations Study based on the Text Corpora. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, no. 3/4 (155/156), p. 56–61. (in Russ.)
- Pavlovskaya, I. Yu., Gorina O. G.** Corpus-Based Cognitive Oriented Methods of Lexical Analysis in Foreign Language Studies. *Cherepovets State University Bulletin*, 2017, no. 1, p. 132–138. (in Russ.)
- Peters, E.** Learning German Formulaic Sequences: The Effect of Two Attention-Drawing Techniques. *The Language Learning Journal*, 2012, no. 1, p. 65–79.
- Quasthoff, U.** Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen. Berlin : De Gruyter, 2011. 551 S.
- Rahimi, M., Momeni, G.** The Effect of Teaching Collocations on English Language Proficiency. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, p. 37–42.
- Reder A.** Kommen Kollokationen in Mode? Kollokationskonzepte und ihre mögliche Umsetzung in der Didaktik. *Linguistik online*, 2011, Nr 3 (47), S. 131–140.
- Roberts, J. C., Frankenberg-Garcia, A., Lew, R., Rees, G., Sharma, N.** Visualisation Approaches for Corpus Linguistics: towards Visual Integration of Data- Driven Learning. Paper presented at 3rd Workshop on Visualization for the Digital Humanities. In: *3rd Workshop on Visualization for the Digital Humanities – Vis4DH*, 2018, p. 93–104.
- Sonbul, S., Schmitt, N.** Explicit and Implicit Lexical Knowledge: Acquisition of Collocations under Different Input Conditions. *Language Learning*, 2013, no. 1, p. 121–159.
- Steyer, K.** Kollokationen in deutschen Wörterbüchern und in der deutschen Wörterbuchforschung. In: *Lexicographica*, 2008, S. 185–207.
- Szudarski, P., Carter, R.** The Role of Input Flood and Input Enhancement in EFL Learners' Acquisition of Collocations. *International Journal of Applied Linguistics*, 2016, no. 2, p. 245–265.
- Targońska, J.** Kollokationen – ein vernachlässigtes Gebiet der DaF-Didaktik? *Linguistik online*, 2014, Nr 6, S. 127–149.

- Targońska, J.** Kollokationskompetenz vs. Sprachfertigkeiten bzw. andere Sprachkompetenzen – ein Forschungsüberblick. *Glottodidactica. An International Journal of Applied Linguistics*, 2019, Nr 1, S. 179–196.
- Vyatkina, N.** Data-Driven Learning for Beginners: The Case of German Verb-Preposition Collocations. *ReCALL*, 2016a, no. 2, p. 207–226.
- Vyatkina, N.** Data-Driven Learning of Collocations: Learner Performance, Proficiency, and Perceptions. *Language Learning & Technology*, 2016b, no. 20 (3), p. 159–179.
- Vyatkina, N., Boulton, A.** Corpora in Language Learning and Teaching. *Language Learning & Technology*, 2017, no. 21 (3), p. 1–8.
- Zabalawi, R. S., Gould, A. M.** English Collocations: A Novel Approach to Teaching the Language's Last Bastion. *Ampersand*, 2017, p. 21–29.

Сведения об авторе

Савина Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Тюменского государственного университета

Information about the Author

Olga Yu. Savina, Cand. of Sci. (Linguistics), Associate Professor of the Department of German Philology at Tyumen University

*Статья поступила в редакцию 01.07.2021-01.06.2022;
одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 22.07.2022
The article was submitted 01.07.2021-01.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022;
accepted for publication 22.07.2022*

Научная статья

УДК 114/115 (512.157)

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-139-150

Смех как инициация: функционирование элементов смеховой культуры в якутских фольклорных текстах

Саргылана Еремеевна Ноева (Карманова)

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ФИЦ ЯНЦ СО РАН
Якутск, Россия

Noyeva79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2957-5233>

Аннотация

Цель статьи – изучение репрезентации инициальной функции смеха в якутских фольклорных текстах. Круг задач исследования определен семантикой смеха, его функционированием в якутских текстах. Материалом для исследования, отражающим уникальные качества смехового дискурса, послужили фольклорные и этнографические источники. Особое внимание уделялось актуализации архаики смеха в якутской ритуально-обрядовой культуре, в частности, в коллективных обрядах *айыыһыты атаарыы туома* ('проводы богини Айыысыт') и *дьалын ылыытын туома* ('вызывание половой страсти'). Автором также выделяются элементы смеховой культуры, широко представленные в текстах военно-эпического дискурса песнями-перебранками богатырей, песнями кровопролития илбис ырыата, песнями-проклятиями богатырей *кырыыс ырыата*, а именно: *ругательства, сквернословие, брань, подшучивания*. В фокусе внимания находится изучение особенностей функционирования смеха в качестве одного из важнейших компонентов обряда перехода – инициации. Автор рассматривает смех в фольклорном мире (в сказках, легендах номох, эпосе олонхо) как аналог психологической инициации, в которой находит актуализацию его очищающая, защищающая, жизнеутверждающая сила, направленная на разграничение мира живого и мертвого. Ввиду этого проблемы, затрагиваемые в пределах данной статьи, включают также вопросы самоидентификации, специфики ментального ландшафта, определения рубежей маргинальности в культурном пространстве.

Ключевые слова

смеховая культура, фольклорные тексты, ритуал перехода, инициация, смерть/жизнь

Для цитирования

Ноева С. Е. Смех как инициация: функционирование элементов смеховой культуры в якутских фольклорных текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 139–150. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-139-150

© Ноева С. Е., 2022

Несмотря на многочисленные научные изыскания, посвященные смеховой культуре, эта тема до сих пор остается сложной и недостаточно разработанной в мировой науке в целом. Исследование смехового начала в якутской культуре исчерпывается ограниченным количеством материала, касающимся функционирования смеха в якутском фольклоре и литературе, также в современной культуре дальневосточных народов [Павлова, 2015; Сапалова, 2014; Кириллина, 2014; Березницкий, 2007; Бурькин, 2002].

Исследование проблемы функциональной природы смеха в аспекте изучения якутской сказки частично затронуто в работах Н. В. Павловой и Д. У. Сапаловой, которые отмечают инициальную и воспитательную функции смеха. Тема архаического характера смеха в контексте якутского фольклора рассматривается в монографии М. А. Кириллиной, которая указывает на архаическую природу животворящего ритуального смеха применительно к комическому в якутском фольклоре.

Очевидно, в ограниченных рамках данной статьи полное освещение особенностей функционирования смеховых элементов в якутской культуре не представляется возможным. Однако даже предварительные результаты в этой области, не получившей на сей день должного внимания, могут представлять интерес для якутской филологии и тем самым привлечь внимание к изучению этой глубокой культурно-специфичной темы.

1. Арханка смеха в якутской культуре

Смеховое начало у многих народов мира относится к ритуалам рождения (аграрный земледельческий культ) и смерти (погребальный обряд). Так, в якутской культуре функционирование ритуального смеха ярко отражается во многих обрядах: в охотничьих ритуальных действиях, связанных с духом охоты и промысла Баай Байанай, в поклонении духу огня Хатан Тэмиэрийэ, в родильных обрядах в честь богини плодородия и чадородия Айыысыт и др.

Магический характер смеха является основополагающим в рецепции образов и функциональных характеристик духов (иччи), которым приписывали такие черты характера, как веселость, дружелюбность, шумливость, но вместе с тем и пылкость, обидчивость. Якуты, живущие в экстремальных условиях Севера, когда зимой температура может достигать -50°C , особое почтение оказывали духу огня Хатан Тэмиэрийэ – наиболее близкому иччи для них. Люди были убеждены, что Хатан Тэмиэрийэ, веселый, радушный седоволосый старик, очень радуется угощениям: оладушкам, маслу, кумысу, щепотке чая, листьям табака и др. Поэтому при заклинании алгыса (благопожелании), посвященному духу огня, в качестве обязательных формул в эпитетных конструкциях используются лексемы смеховой коммуникации *үөр-көт* ‘радоваться’, *мичик гын* ‘улыбнуться’, *күлүм аллай* ‘рассмеяться’:

Аал уотум иччитэ, Бырдья бытык, Дьабыллаах дьабадьы, Чууччу кыламан Саалыр чанчык Хатан Тэмиэрийэ, Бэттэх көрөн Мичик гын, Антах көрөн Күлүм аллай! Үөр-көт! (досл. ‘Хранитель отчего очага, Белобородый Бырджа Бытык с ресницами в долото, с висками, как сажа, Хатан Тэмиэрийэ, посмотри на нас, улыбнись, рассмейся, возрадуйся!’) [пер. авт. – С. Н.].

Духа охоты Баай Байаная также описывали как веселого шумливого старика, обросшего седыми волосами и облаченного в роскошные одеяния. Считалось, что он благоволил радушным и благодарным, поэтому по возвращении охотника домой даже с мелкой добычей домоладцам полагалось угощать духа огня маслом, благодарить духа охоты, приплясывать, будто бы радуясь крупной добычей. Как описывал в этнографических материалах А. Е. Кулаковский, «Байанай»ю нравится, когда охотник бывает рад его дарам, потому стараются угодить ему, прикидываясь чрезмерно обрадованными. Например, когда самострелом убивают кабаргу, уже издали кричат: “Какую громадную добычу послал мне Байанай”» [Кулаковский, 1979, с. 34]. С этой же целью придя домой, охотник начинает делать вид, что кабарга не пролезает в дверь, и изображает, что тешет топором косяки, чтобы расширить вход.

Смеховые коллективные обряды занимают исключительное место в ритуально-обрядовой культуре якутов и преимущественно связаны с культом изобилия. В традиции *айыыһыты атаары* (проводы богини Айыысыт), рассмотренной еще В. Я. Проппом в труде «Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре», особое внимание уделяется процессу смеховой истерии (на третий день после рождения ребенка участницы обряда намазывали лицо маслом и сильно хохотали с целью получить расположение покровительницы рожениц Айыысыт) [Пропп, 1999, с. 235]. Считалось, что чем заразительнее и продолжительнее хохот женщины, тем благосклоннее будет Айыысыт и ниспошлет ей крепкое здоровье и хорошее потомство. М. А. Кириллина [2014, с. 5] хохот женщины в этом обряде связывает с производительным актом, указывая, что смех несет магическую функцию жизнеутверждения.

С архаическим культом рожавшей земли связан и якутский коллективный обряд вызывания половой страсти *дьалын ылыытын туома*, в котором выразительно отражаются смеховое поведение, инверсия и эротизм. Данный обряд подробно описан в работе Г. В. Ксенофонта «Хрестес. Шаманизм и христианство» (1929). Массовая оргия, руководимая шаманом, представляется мощным ритуальным действием, направленным на призыв силы размножения у рогатого скота и лошадей, имеющей важное значение в жизни скотоводческого народа. Жизнеутверждающий характер смеха проявляется в сцене импровизированного совокупления шамана-жеребца с женщинами, играющими роль кобылиц:

«Камланием (пляской) шаман приходил к духу матери земли и умолял ее даровать джалын. Когда он брал у богини *джалын* – половую страсть – держа в руках бубен с колотушкой, с конским ржанием начинал кружиться и издавать призывные крики: “Хоруу, хоруу!” (*хоруутуур* – звать криками табун кобылиц или коней). В этот момент собравшиеся женщины, неожиданно издав раскатистый хохот, начинали ржать по конски: “Ииннэ-сасах!” Со ржанием они набрасывались на шамана и делали над ним любово-страстные телодвижения» [Ксенофонт, 1929, с. 61–62].

Якутские исследователи А. И. Гоголев, А. П. Осипова, С. И. Иевлева, отмечая функционирование хохота в качестве элемента аграрной продуцирующей магии, относят данный обряд к календарному весенне-летнему обрядовому циклу и называют обрядом плодородия [Гоголев, 2019, с. 57].

На жизнеутверждающую функцию смеха, который становится «побудителем и провокатором новой жизни» [Щербаков, 2021, с. 39] и включается в культурно-антропологическую универсалию *рождения-плодородия-мистерии*, показанную ранее в трудах Дж. Фрэзера, В. А. Проппа, О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтина, М. Нильссона, Е. М. Мелетинского и др., указывает и Ф. Б. Щербаков в статье, посвященной изучению смеховой семантики эллинской культуры. На наш взгляд, упомянутый в данной статье ведический ритуал ашвамедха, совершаемый правителем для укрепления статуса миродержца, функционально близок с вышеуказанным якутским обрядом вызывания половой страсти, дарящим магическую силу. Яркое проявление связи смеха и эротизма в этом обряде усматривается в сцене имитации совокупления царицы с задуманным ритуальным конем, когда наблюдающие за этой сценой помощницы активно смеются и сквернословят.

2. Смех как инициальное начало

Общезвестно, что основная функция смеха заключена в его коммуникативной прагматике, поскольку полностью сущность смехового поведения раскрывается только в социуме. Активное использование смеха в качестве регулятора межкультурных отношений обнаруживается и в фольклорном материале.

Ю. А. Артемова, исследовавшая формы и функции смехового поведения, определяет их как эффективные инструменты социального взаимодействия, которые «создают особое социальное пространство, допускающее такие формы поведения, на которые в иное время

или в иных ситуациях обществом налагаются запреты» [Артемова, 2006, с. 17]. По словам исследователя, «формы смехового поведения дают людям возможность временно освободиться от бремени культурных запретов без деструктивных последствий» [Артемова, 2006, с. 17].

На главную функцию ритуального смеха указывает и И. Рейдерман, который отмечает, что смех «создает “иную реальность”, в которой господствует свобода. (...) Без такой в некотором роде абсолютной духовной свободы нельзя себе представить человека как человека» [Рейдерман, 2006, с. 33].

Стоит отметить, что смеховое начало в якутском фольклорном материале представлено довольно широко: смешные ситуации, комические образы и сюжеты отражаются в текстах скороговорок-чабыргах, народных песен, сказок, народного эпоса (олонхо) и др.

Тем не менее в рамках данной статьи наше особое внимание привлекает функционирование смеха в фольклорном дискурсе инициации как одного из важнейших компонентов обряда перехода. Мы исходим из допущения, что в фольклорном мире смех может представляться аналогом психологической инициации, основанной на жизнеутверждающей силе смеха, очищающей и защищающей людей, направленной на разграничение мира живого и мертвого. Сказочный мир, в котором персонажи активно проходят инициацию (становясь богатырями, побеждая злых чудовищ и т. д.), сформирован подсознательными чувствами, интуицией, первобытным страхом человека, который через страх и смех формирует собственные попытки освоения окружающего мира. Персонажи Мэник Мэнигийээнэ, Оногочоон Чоохоон, Чаахаан, Кусаган Хоодьугур и другие свободны и идут наперекор социальным, иерархическим условностям и скрепам. Они показаны в системе сказочных образов как страшные/устрашающие и в то же время комичные герои. Деструктивность их действий (они убивают, съедают, уничтожают и т. п.) смешит своей алогичностью, но при этом она иногда не совсем понятна читателю. В этой связи стоит провести аналогию с наблюдением Д. С. Лихачева, который в труде о древнерусском смехе отмечает, что дурак из сказки, «обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм» – это «прежде всего человек, видящий и говорящий “голую правду”» [Лихачев, 2001, с. 350–351].

Описанный в мировой культуре образ дурака существует и в якутском фольклоре, где он представлен образами двух проказников, сказочных персонажей – Мэник Мэнигийээнэ и Кусаган Хоодьугура, через действия которых якуты проецировали всю тяжесть бытия и страхи нелегкой жизни. Странные и в то же время смешные действия этих персонажей, такие как развешивание собственной дохи на деревьях, рассечение головы скота, а также своей матери и т. д. становятся выражением их внутренней свободы.

На наш взгляд, в действиях Мэник Мэнигийээнэ (т. е. букв. Шалуна Шалунишкина) можно усмотреть процесс индивидуализации, характеризующийся отделением от материнской фигуры, обособлением личности от окружающих, а также определенным освобождением человека от социальных догм, мифов и кодов. Эта обособленность оказывается вместе с тем социально полезной, поскольку благодаря свободному нраву Мэник Мэнигийээнэ братья спасаются от неминуемой гибели и находят жен.

Утрированно показанное формирование личностной инициативы человека положено в основу сюжета и в сказке «Хороший Юедюйээн», в которой именно благодаря помощи неумехи-брата Кусагана Хоодьугура братья женятся, то есть обретают самость, проходя инициацию.

Об инициациальном начале как специфическом компоненте якутской сказки говорит исследователь Н. В. Павлова, отмечая, что тексты сказок основаны на обрядах инициации, к которым она относит свадебный ритуал и похоронный обряд [Павлова, 2015, с. 15].

Комичность действий старика Чаахаана в начале сказки «Чаахаан и Алаа Могус» обуславливается действиями его «товарищей по несчастью» – слабых, патологически хилых, неполноценных Кыл Күөмэй (Тонкого Горла), Сытыган Өттүк (Пораженного Бедра), От Атах (Травяной Ноги), Хабах Мэйии (Хрупкой Головы). Все они умирают при забое быка: у одного оторвется горло, у другого вывернется бедро, у третьего переломится нога, а у четвертого

треснет череп. Гипертрофированная уязвимость и крайняя ущербность героев сказки, доведенные до абсурда, противостоят безысходности и смерти, символизируемым фигурой великана-людоеда Алаа Могуса. Поэтому вполне понятны кровавые, ужасные действия персонажей якутской сказки – хилого Чаачахаана и чудаковатого Мэник Мэнигийээнэ – которые преодолевают страх посредством смеха или эксцентричного поведения. Проходя инициацию вместе с героями сказок, уничтожая, изрубая своих врагов, буквально смеясь в лицо смерти, якуты преодолевали свои комплексы, горести и страхи.

Смеховое поведение, формы которого в фольклорном материале весьма многообразны, может еще включать в себя подшучивания, сквернословие и ругань (инвективы); все они ярко отражаются в коммуникативных характеристиках и других героев эпоса олонхо. Исследователями якутского фольклора ранее были отмечены комические характеристики рабыни-коровницы старушки Симэхсин, старухи-сплетницы Хопчороолджун и посыльного-табунщика Со-рука Боллура, которые в эпическом тексте олонхо представлены в довольно развернутом виде (см., в частности, работы Н. В. Емельянова, И. В. Пухова, А. Н. Даниловой, А. А. Кузьминой, М. А. Кириллиной и др.).

3. Смеховое начало в военно-эпическом дискурсе

В контексте данной проблемы наше внимание привлекает заявление К. Лоренца, усматривающего этологию улыбки в животном оскаливании (демонстрации клыков), целью которого является запугивание противника [Лоренц, 1994]. Как нам кажется, оскал зверя, служащий сигналом запугивания в животном мире, аналогичен агрессивному смеху, адресованному противнику в военных ритуалах. Как отмечают авторы статьи «Смех: онтология и коммуникативная прагматика» М. В. Черников, Д. О. Жучков и А. М. Жучкова, зверь, взъерошивая шерсть для придания себе визуально большего размера и оскаливая зубы, «предвосхищает встречу с возможным противником и реагирует на него с опережением» [Черников и др., 2019, с. 176–177].

Именно такое *предвосхищение* отмечается в смеховом поведении богатырей, которое в аспекте военно-эпического дискурса довольно интересно актуализируется в *перебранках* богатырей перед схваткой, песнях *кровопролития* (илбис ырыата), *проклятиях*, адресованных врагу и т. д., которые представлены в якутских военных ритуалах и обычаях.

В труде Ф. Ф. Васильева, посвященном исследованию военного дела якутов, выделены следующие древние якутские обряды и ритуальные действия воинов: *илбис түһэрии* (обряд вселения духа кровожадности на воина), *сэби хааннааһын* (окропление кровью боевого оружия), *сэт онгоруу* (публичное высказывание презрения врагу), *кэп туонуу* (последнее высказывание поверженного воина), *кырыыс* (проклятие), *нөрүөн көрсүү* (ритуальное единоборство), *тэллэх булунуу* (прим. ‘застелить постель’) и другие, в которых в разной степени находит отражение и смеховое поведение [Васильев, 1995].

Широко распространенный сюжет веселой перебранки богатырей перед боем, ругательства (сквернословие и ругань) в текстах олонхо используются достаточно часто. Эти элементы балаганной комедики были выделены Н. В. Емельяновым в труде о сюжетах якутского олонхо [Емельянов, 1980]. В качестве примера Емельяновым приведена перебранка между богатырем из нижнего мира Сююнэ Джалгааном и богатырем Ала Туйгуном из олонхо «Ала Туйгун» [Емельянов, 1980, с. 328–329]:

*Вор, чье злодейство не измерить длиной жерди,
Варнак, чьи провинности не измерить саком,
В остроге чуть не погибший большой разбойник,
В тюрьме чуть не сгнивший отпетый варнак,
Рожденным весенней порой,*

*Пегим конем владеющий
Внук Айыысыт,
Ала туйгун-удалец!...
... Лучшие, пока цел, найди свою страну,
Пока жив, уезжай обратно
В свою страну,
Черным глазам моим не показывайся,
Плоским ушам не дай слышать. – так сказал.*

В отрывке из олонхо И. Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивый Кулун Куллустуур» в сюжете о подготовке к схватке между богатырями срединного мира айбы и дьявольского рода абаасы, говорится, что соперники начали сквернословить (*ыстырыыстастылар*), насмехаться друг над другом (*хомнуустастылар*), показывать непристойные жесты (кукиш *кохуоска*) и затеяли ссору (*хохучуол*):

*Утарыта хаамсан кэллилэр,
Тылларынан ыстырыыстастылар,
Хохучуол төрдө
Кохуоска буолбут эбит диэн,
Кохуосканан хомнуустастылар*

«Шагнули к друг другу,
Начали сквернословить,
Причиной ссоры
Стал кукиш,
Стали насмехаться друг над другом показывая непристойные жесты».

(Пер. наш. – С. Н.)

[Тимофеев-Теплоухов, 1958, с. 168]

Можно предположить, что ругательства и смех воина, еще не вступившего в схватку, но смеющегося заранее, представляют собой вдохновляющий на победу магический ритуал, который укрепляет его позицию в поединке и отражает, отторгает от него смерть. В русском языке существуют поговорки «солдат смеется – врагу плакать» и «смех силе брат». Этим же смыслом, скорее всего, наполнен китайский афоризм из трактата Сунь-Цзы об искусстве войны: «Воины-победители сперва побеждают и только потом вступают в битву». Воин, готовящийся к битве, отгораживается смехом, одним из основных идентификаторов живого мира. Несомненно, в этом случае В. Я. Пропп прав, отмечая жизнедеятельную и разграничивающую функции смеха как отличительной черты живого мира [Пропп, 1999, с. 232].

На особый статус культурного героя, первопредка саха Тыгын Дархана, по легенде, родившегося со сгустком крови в кулаке, указывает его сильный воинский дух, который проявился в очень раннем возрасте. В предании говорится, что когда «двенадцатилетнему Дыгыну впервые одели куяк (*куйах*), т. е. панцирь и броню», «Дыгын от радости и военного экстаза бился трое суток (*унуоҕа хамнаан*)» [Кулаковский, 1979, с. 267].

Г. В. Ксенофонов в «Эллэйада» отмечал, что перед сражением якутские воины зывали к божествам войны Илбис Хаан, Илбис Кыыһа и Охол Уола, распевая песни кровопролития (*илбис ырыата*). Илбис Кыыһа (Дочь Илбиса) и Охол Уола (Сын Увечий) – злые темные божества – сильно радовались предстоящей кровопролитной битве. Дочь и сын божества войны изображались в виде трехгорбых железных воронов: «Горячей крови прося / Гоготала, визжала Илбис кыыса; / Кривой добычи прося, / Выл, вопил Осол Уола, / Клича гибель, / Клювом кривым клекоча» [Нюргун Боотур, 1975, с. 309].

*Кыыра Кыыспай, хатын эдьиий обургу,
Быһыйа быһаххын аргыстанан,
Чөкөрөөн сүгэбин доҕордоһон,
Кылааннаах батаскын кымньыыланан,
Өһөхтөөх үнүүгүн тайахтанан,
Кыа хааны үктэллэнэн,*

*Хара хааны моойторуктанан
Бэттэх көрөн мичингнээн көр...*

[Архив ЯНЦ, ф. 5., оп. 3, д. 542]

(«Старшая сестра моя, Кыра Кыспай, / Острый нож разделочный возьми, / Подругу-топорик смотри не забудь, / На кровавое копьё обопрись, / Ступай на дорогу из свежей крови, / Улыбнись мне») (пер. наш – С. Н.).

В песне кровопролития, структурно схожей с алгысом, которая сопровождается пением семи или девяти воинов, приводится обращение к богине войны с просьбой стать благосклонной к ним и радоваться, улыбнуться в их сторону (*бэттэх көрөн мичингнээн көр*). Распевающий илбис ырыата начинал с импровизированной истории всей своей родословной, затем переходил на *поношение противника и всех его предков*. Заключительная часть песни включала проклятия, угрозы и описания того, как воин расправится со своим врагом [Ксенофонов, 2004].

На сардонический смех воина указывал А. Е. Кулаковский—Өксөкүлээх Өлөксөй в фольклорном материале о старце Тисикияне, в прошлом славном воине, который осмеял молодых противников Ильгиэлэ и Инэрчэ, показав в борьбе с ними свою ловкость и силу, тем самым обратив своих врагов в бегство: «Но тот каким-то образом увернулся и стоял поодаль с *иронической улыбкой*. “Напрасно вас хвалили и славили, – сказал он. – Ты, ударивши и промахнувшись, трижды повертелся вокруг себя; я же, если бы это было при настоящей борьбе, мог бы в это время изрубить тебя в трех местах!”».

Можно отметить, что бранное слово (ругательство-развенчание по Бахтину), имеющее ритуальный характер и использующееся в рамках раблезианской системы образов, выражая «смерть», «старую власть», в современных реалиях частично функционально сохранилось и активно используется бойцами ММА, когда брань соперников становится непременным ритуалом перед схваткой, который подогревает интерес и азарт публики.

Прилюдное выказывание презрения к чувствам врага, демонстрация злорадства над его горем, исполняемое в оскорбительном тоне, называлось в якутской военной культуре сэт оноруу [Васильев, 1995, с. 168]. Этот старинный обычай высмеивания врага неизменно провоцировал вооруженное столкновение. Описание данного обычая можно найти в материале легенды «Бөрө Бөтүннэр» («Братья волки-бетюнцы»), описанной в сборнике «Исторические предания и рассказы якутов» (1960), повествующей о семи братьях Бөрө Бөтүннэр:

Ол гынан биш кинилэрэ суулла сытар тиити үрдүнэн хаамыталыы сылдьан күлүү-элэк онгостон: «Оо, бу хаарыан таайдарбытын тууспан уот аһылыга онордохпунт, хаарыан дьон бу көмүс ууһун күүрээ бараана буоллахтарын, аны кинилэр курдук бөбө-боотур аатын ылар кимнээх үөскүөхтэрэй», – диэн ырыа-хоһоон онгосто-онгосто батыһанан күлү буллуйбут. [Исторические предания, 1960. С. 206] – Затем один человек, прохаживаясь по сваленному дереву, посмеиваясь и издеваясь, помещивая пальмой золу, говорил и распевал: «О, как это мы дорогих наших дядей отдали в пищу огню большого костра; о, как эти бедные люди превратились в кучу черных (углей) кузнеца по серебру; отныне кто же уродится такой, который унаследует их богатерскую силу!» [Исторические предания, 1960, с. 210].

В этом отрывке можно заметить актуализацию смеховой формулы, присутствующей в проклятиях-кырыыс, это күлэ-күлэ күлгүн таптайыам (досл. ‘смеясь, пепел твой похлопаю’) или күлэ-күлэ күлгүн буллуйуом (досл. ‘смеясь, пепел твой перемешаю’). Здесь может имманентно отражаться магическая связь ритуального смеха с силой воина.

Далее можно рассмотреть отрывки из текста олонхо:

Күлгүн күлэ-күлэ буккуйуоһум,
Көмөргүн үөрэ-үөрэ
Кыбыхтаһыым.

«Пепел твой, смеясь, перемешаю,
Золу твою, смеясь-ликуя,
Развею.

[Каратаев, 1996, с. 136]

(Пер. наш – С. Н.)

*Күлэ-күлэ күлгүн таптайыам,
Оонньуу-оонньуу уоккун умуруоруом.*
[Слепцов, 2004, с. 45]

«Смеясь, пепел твой развею,
Играючи потушу твой огонь».
(Пер. наш – С. Н.)

Исследователь ритуального смеха В. Тэрнер определял актуализацию смеха ритуалами перехода, включающего рождение, обряды инициации и смерть человека, см. [Тэрнер, 1983]. Смех воина, развеивающего пепел, оставшийся от тела побежденного соперника, есть смех инициальный, поскольку при помощи него победитель, вероятно, завладевал силой и удачью поверженного соперника или перенимал их.

Желанием защититься от осмеяния руководствовались, вероятно, и воины в век брани (*кыргыс үйэтигэр*), когда завещали после смерти не делать над могилой памятник и оставлять неизвестным место своего погребения, чтобы укрыться от врагов, так как те могли выкопать труп и совершить *порувание* (*ыт-кус аһылыга гыныхтара, ый-кун ыһыаба гыныхтара*). В народном предании говорится о силаче Моджукане, завещавшем втайне ото всех его, ослабевшего и немощного старика, закопать живым во избежание расправы врагов и *осмеяния* ими [Кулаковский, 1979, с. 259].

Можно также отметить, что в формуле якутского проклятия *күлэ-күлэ күлгүн буллуйуом* (досл. ‘смеясь, пепел твой смешаю’) могли каким-то образом отражаться следы ритуальной антропофагии, предполагающей жертвоприношение. Об этой древней традиции вкушения говорит Ф. Ф. Васильев в аспекте якутских военных ритуалов *илбис түһэриин* (низведение духа илбис) и *сэби хааннааһын* (окропление кровью боевого оружия), которые сопровождалась ритуальным убийством: «Сюжет о преподнесении божеству войны и поедании сердца и печени поверженного противника, жертвы ритуального убийства, в эпосе и другом фольклорном материале довольно распространен» [Васильев, 1995, с. 167].

В этой связи можно напомнить о часто описываемой исследователями функциональной близости ритуалов охоты и военного дела [Васильев, 1995, с. 187]. Нужно заметить при этом, что сходство касается не только орудия охоты и боевого оружия, но также и обычаев. Ликование победившего воина, смеясь перемешивающего пепел от тела врага, в какой-то степени сравнимо с бурной радостью охотника, который обмазывается кровью своей добычи или испивает теплую кровь животного (например, оленя). Как отмечает Ф. Ф. Васильев, части тела противника (или животного) поедаются для приобщения к его силе, и это является частью симпатической магии.

Этот ритуал также описывается в монографической работе Г. В. Ксенофонтова «Ураанхай-сахалар» [Ксенофонтов, 1992, с. 90–91].

Также стоит упомянуть и аналогичную смеховую лексику, употребляемую в охотничьих и боевых ритуалах: *мичик гын* (‘улыбнись’ при алгысе-обращении к божеству охоты и войны), *үөр* (‘радуйся’ при обращении к духу охоты Байанаю и духу войны Илбис Хаан), *уруй* (возглас-клич радости, победы на охоте и в сражении), алаккы! (союзный боевой клич торжества на охоте и в сражении) [Васильев, 1995, с. 175].

Подводя итоги этого раздела, можно сказать, что смеховое начало в военно-эпическом дискурсе саха занимает довольно значимое место, что широко отражено в фольклорном нарративе (песнях-перебранках, ругательствах, сквернословиях богатырей, песнях-проклятиях и др.) и ритуальных действиях воинов.

Смех в военно-эпическом материале фольклора функционально участвует в укреплении статуса человека, который, приобщаясь к смеховой ситуации, проходил инициацию – побеждал врага, осваивал новые миры, духовно трансформировался. Образы и формы смехового поведения, функционирующие в фольклорном тексте, отражают жизнеутверждающую сущность смеха, возвышающего человека над темной действительностью реального мира. Смеющийся, иницирующий человек освобождался от социальных запретов, моральных скреп и уз, и по-

тому обретал необходимую ему моральную, психологическую, духовную свободу, приближающую его к достижению цели.

Заключение

Архаика смеха, семантически связанная с идеей рождения/возрождения/плодородия, имеет глубокое мирозерцательное значение, что отражается в национальной картине мира – в фольклорном, этнографическом, литературном материале, социальной коммуникации. Смех функционально играл особую роль в укреплении статуса, места и роли человека в мире: посредством него люди *иницировались, очищались и защищались*.

Если в древних ритуалах смех был связан с идеей рождения/плодородия, то в фольклорных и литературных текстах сохранилась в большей степени его инициальная функция. Как показывают различные этнографические источники, она наиболее аутентично раскрывается в военно-эпическом фольклорном дискурсе (в песнях-перебранках богатырей, песнях кровопролития *илбис ырыата*, песнях-проклятиях богатырей *кырыыс ырыата*). В актуализации одного из важнейших компонентов обряда перехода – инициации – важнейшую роль играют элементы смеховой культуры, такие как *ругательство, сквернословие, брань, подшучивания*.

Исследование специфики смеховой культуры, до сих пор не получившей достаточного внимания со стороны ученых, предполагает дальнейшую перспективу научных изысканий по данной теме. Их разработке могут поспособствовать выводы, сделанные в рамках данной статьи.

Список литературы

- Артемова Ю. А.** Смеховое поведение: формы и функции (этнолого-психологический аспект): Автореф. дис. ... к. филол. н.: 07.00.07. М., 2006. 32 с.
- Березницкий С. В.** Смех в культуре дальневосточных этносов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2007. № 3. С. 93–101.
- Бурыкин А. А.** Анекдоты о чукчах как социокультурное явление (заметки специалиста) // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола. СПб.: СПб филос. О-во, 2002. С. 64–70.
- Васильев Ф. Ф.** Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 221 с.
- Гоголев А. И., Осипова А. П., Иевлева С. И.** Традиционные религиозные воззрения якутов в XVIII–XIX вв. – наследие центральноазиатского тенгрианства // Айыы Тангара и кузнечный культ в тенгрианстве: матер. Всеросс. научн.-практ. конф. Якутск: ОФСЕТ, 2019. С. 51–60.
- Данилова А. Н.** Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука, 2014. 166 с.
- Емельянов Н. В.** Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
- Исторические предания и рассказы якутов. В 2 ч. Ч. 1. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 337 с.
- Каратаев В. О.** Модун Эр Соготох. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 437 с.
- Кириллина М. А.** Якутская комедия. Типология и жанровая динамика. Новосибирск: Наука, 2014. 114 с.
- Ксенофонтов Г. В.** Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 1. Якутск: Нац. книж. изд-во РС (Я), 1992. 413 с.
- Ксенофонтов Г. В.** Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 2. Якутск: Нац. книж. изд-во РС (Я), 1992. 316 с.
- Ксенофонтов Г. В.** Хрестес. Шаманизм и христианство. Иркутск: Изд-во Власть труда, 1929. 143 с.

- Ксенофонт Г. В.** Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Якутск: Бичик, 2004. 354 с.
- Кузьмина А. А.** Олонхо Вилкойского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. Новосибирск: Наука, 2014. 168 с.
- Кулаковский А. Е.** Научные труды. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1979. 484 с.
- Лихачев Д. С.** Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2001. 566 с.
- Лоренц К.** Агрессия (так называемое зло). М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 272 с.
- Ньургун Боотур Стремительный.** Якутский героический эпос олонхо. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. 438 с.
- Павлова Н. В.** Якутская волшебная сказка: сюжетный состав и основные образы: Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.09. Якутск, 2015. 26 с.
- Пропп В. Я.** Русские аграрные праздники: монография. Санкт-Петербург: Изд-во «Азбука», Издательский центр «Терра», 1995. 174 с.
- Пропп В. Я.** Труды. Проблемы комизма и смеха. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. 288 с.
- Пухов И. В.** Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 255 с.
- Рейдерман И.** Смех как утверждение бытия [Электронный ресурс] URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa9/28-35.pdf> (дата обращения: 06.07.2021)
- Сапалова Д. У.** Смех и юмор в якутской народной сказке (воспитательный аспект) // Теория и практика общественного развития. Исторические науки, 2014. № 2. С. 295–297.
- Саха былыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ:** в 2 ч. Ч. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 337 с.
- Слепцов Д. М.** Кётёр мюлгюн. Якутск: Бичик, 2004. 237 с.
- Тэрнер В.** Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Черников М. В., Жучков Д. О., Жучкова А. М.** Смех: онтология и коммуникативная прагматика // Историческая психология и социология истории, 2019. № 1. С. 174–194.
- Щербаков Ф. Б.** Поэтика смеха у Платона: к вопросу о генезисе философской иронии // Платоновские исследования. Вып. XIV (2021|1). М.-СПб.: ПФО; РГГУ; РХГА, 2021. С. 32–51.

References

- Artemova, Yu. A.** Laughter Behavior: Forms and Functions (Ethnological and Psychological Aspect). PhD Thesis Abstract. Moscow, 2006. 32 p. (in Russ.)
- Bereznickij, S. V.** Laughter in the Culture of Far Eastern Ethnic Groups. Vestnik dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, 2007, no. 3, pp. 93–101. (in Russ.).
- Burykin, A. A.** Anecdotes about the Chukchi as a Socio-Cultural Phenomenon (Notes of a Specialist). Anecdote as a Cultural Phenomenon: Roundtable Proceedings. Saint Petersburg: Publ. SPb. filos. o-vo, 2002. pp. 64–70. (in Russ.)
- Chernikov, M. V., Zhuchkov, D. O., Zhuchkova, A. M.** Laughter: Ontology and Communicative Pragmatics. Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii, 2019, no. 1, pp. 174–194. (in Russ.).
- Danilova, A. N.** The image of a female hero in the Yakut olonkho. Novosibirsk: Nauka Publ., 2014, 166 p. (in Russ.)
- Emel'yanov, N. V.** Stories of Yakut Olonkho. Moscow: Nauka Publ., 1980, 375 p. (in Russ.)
- Gogolev, A. I., Osipova, A. P., Ievleva, S. I.** Traditional Religious Views of the Yakuts in the XVIII–XIX Centuries—the Legacy of Central Asian Tengrianism. Aiyu Tangara i kuznechnyi kul't v tengrianstve: Mater. Vseros. nauch.konf. Yakutsk: Ofset Publ., 2019, pp. 51–60. (in Russ.)
- Kirillina, M. A.** Yakut Comedy. Typology and Genre Dynamics. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, 114 p. (in Russ.)
- Ksenofontov, G. V.** Chrestes. Shamanism and Christianity. Irkutsk: Vlast' truda Publ., 1929. 143 p. (in Russ.)

- Ksenofontov, G. V.** Elleyada: Materials on the Mythology and Legendary History of the Yakuts. Yakutsk: Bichik Publ., 2004, 354 p. (in Russ.)
- Ksenofontov, G. V.** Uraanghai sahalар. Book 1. Yakutsk: Yakut. Book Publ., 1992, 413 p. (in Russ.)
- Ksenofontov, G. V.** Uraanghai sahalар. Book 2. Yakutsk: Yakut. Book Publ., 1992, 316 p. (in Russ.)
- Kulakovskij, A. E.** Scientific Works. Yakutsk: Yakut. Book Publ., 1979, 484 p. (in Russ.)
- Kuz'mina, A. A.** Olonkho of the Vilyui Region Existence, Plot-Compositional Structure, Images. Novosibirsk: Publ. Nauka, 2014, 168 p. (in Russ.)
- Lihachev, D. S.** Historical Poetics of Russian Literature. Laughter as a Worldview. СПб.: Aletеya Publ., 2001, 566 p. (in Russ.)
- Lorenc, K.** Aggression (the So-Called Evil). Moscow: Progress, Univers Publ., 1994, 272 p. (in Russ.)
- Nyurgun Bootur the Swift. Yakut Heroic Epic Olonkho. Yakutsk: Yakut. Book Publ., 1982, 438 p. (in Russ.)
- Propp, V. Ya.** Russian Agricultural Holidays. Saint Petersburg: Azbuka, Terra, 1995, 174 p. (in Russ.)
- Propp, V. Ya.** Works. Problems of Comedy and Laughter. Moscow: Labirint, 1999, 288 p. (in Russ.)
- Puchov, I. V.** Yakut Heroic Epic Olonkho. Basic Images. Moscow: AN SSSR, 1962, 255 p. (in Russ.)
- Pavlova, N. V.** Yakut Fairy Tale: Plot Composition and Main Images. PhD Thesis Abstract. Yakutsk, 2015, 26 p. (in Russ.)
- Raiderman, I.** Laughter as a Statement of Being [Electronic resource] URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa9/28-35.pdf> (accessed on 06.07.2021) (in Russ.)
- Shcherbakov, F. B.** The Poetics of Laughter in Plato: On the Question of the Genesis of Philosophical Irony. Platonovskie issledovaniia. Iss. XIV (2021|1). Moscow-Saint Petersburg: Publ. PFO; RGGU; RHGA, 2021, pp. 32–51. (in Russ.)
- Sleptsov, D. M.** Kotor Mulgun. Yakutsk: Bichik Publ., 2004, 237 p. (in Yakut)
- Sapalova, D. U.** Laughter and Humor in the Yakut Folk Tale (Educational Aspect). Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Istoricheskie nauki, 2014, no. 2, pp. 295–297. (in Russ.)
- Turner, V.** Symbol and Ritual / Selected works translated into Russian. Moscow, Science Publishing House, 1983, 277 p. (in Russ.)
- Vasil'ev, F. F.** Military Affairs of the Yakuts. Yakutsk: Bichik Publ., 1995, 221 p. (in Russ.)
- Yakut Legends and Stories: in 2 parts. P. 1. Moscow-Saint Petersburg: AS USSR Publ. House, 1960, 337 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ноева (Карманова) Саргылана Еремеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ СО РАН, Якутск, Россия

Information about the Author

Sargylana E. Noeva (Karmanova), PhD in Philology, Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 29.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 27.07.2022
The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 20.06.2022;
accepted for publication 27.07.2022*

Научная статья

УДК 81`27

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-151-165

Моделирование структуры групповой интерпретации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре

Мария Юрьевна Товкес

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

tovkes.m@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4714-1287>

Аннотация

Исследование гендерных стереотипов обусловлено необходимостью обнаружения актуальных тенденций вариативности нормативных представлений о мужчине и женщине. В рамках когнитивно-коммуникативного подхода возможно объяснить происходящие изменения на концептуальном уровне языкового сознания. С данной позиции стереотип понимается как формат знания, имеющий прототипическую организацию, и как когнитивная схема, которая разбивает концептуальную систему на тематические области. В ходе анкетирования были получены 1 064 реакции о типично мужских и 1 053 реакции о типично женских характеристиках. На основе выделенных респондентами концептуальных признаков производится ранжирование тематических групп и их компонентов как областей формирования значения языковых единиц. Методология исследования включает концептуально-дефиниционный анализ лексических единиц, обозначающих стереотипные качества мужчин и женщин и объективирующих прототипическую организацию концептов. Цель исследования – моделирование структуры групповой интерпретации базовых гендерных концептов. В ядро концепта МУЖЧИНА входят традиционные доминанты мужественности (ответственность, сила, мужество, смелость), в ядро концепта ЖЕНЩИНА – традиционные женские качества (эмоциональность, забота, доброта). В предъядерной зоне концепта МУЖЧИНА преобладают волевые качества, ориентированность на результат; публичный имидж; приверженность моральным нормам и принципам. В периферийной зоне доминируют интеллектуальные качества, а группы семейных и коммуникативных качеств наименее частотные. В предъядерную зону концепта ЖЕНЩИНА вошли качества, маркирующие реализацию в профессиональной сфере; значимость морали; расположенность к общению. Качества периферийной зоны указывают на значимость семьи, склонность к проявлению эмоций, преодоление дискриминации по интеллекту, группа внешних качеств является наименее частотной. Наряду с типичными гендерными качествами можно выделить переходную (метагендерную) зону, где происходит перекодирование традиционных концептуальных признаков в сторону нейтрализации гендерных различий. Таким образом, способ категоризации гендера в групповом языковом сознании носителей русского языка можно определить по ядерным прототипическим признакам как бинарную модель, однако на границе зон структурирования концептов наблюдаются динамические процессы становления новой нормативности, конкурирующей с ядром традиционной модели гендерных различий.

Ключевые слова

гендерный стереотип, русская культура, когнитивное моделирование, концептуально-дефиниционный анализ, тематическая группа, прототипическая структура, метагендерная зона

Для цитирования

Товкес М. Ю. Моделирование структуры групповой интерпретации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 151–165. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-151-165

© Товкес М. Ю., , 2022

Group Interpretation Structure of the “Russian” Concepts МУЖЧИНА (MAN)/ЖЕНЩИНА (WOMAN)

Maria Yu. Tovkes

HSE University

Nizhniy Novgorod, Russian Federation

tovkes.m@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4714-1287>

Abstract

The issue of studying gender stereotypes in different cultures stems from the need to outline current trends in the variability of normative mental representation of men and women. A cognitive-communicative approach makes it possible to interpret conceptual changes in group language consciousness. A stereotype is understood both as a format of knowledge with a prototypical organization and as a cognitive scheme that structures a conceptual system. As part of the study a questionnaire was conducted and over 2,000 reactions about typically male (1,064) and female (1,053) characteristics were collected. The ranking of conceptual-thematic groups and their components determining the meaning of language categories is based on lexical representation of gender characteristics. The research methodology combines conceptual and definitional analyses of lexical units denoting stereotypical male and female qualities, as well as cognitive modeling of prototypical organization of the concepts under study. The aim of the research is to model a structure of basic gender concepts in their group interpretation. The prototypical core of the concept МУЖЧИНА (MAN) consists of traditional masculine characteristics (responsibility, strength, courage, bravery), while the core of the concept ЖЕНЩИНА (WOMAN) includes traditional feminine qualities (emotionality, caretaking, kindness). The pre-core zone of the concept МУЖЧИНА (MAN) is mainly expressed by orientation to achievement; public image; dedication to moral norms and principles. Intellect, family values and sociability are peripheral. The pre-core zone of the concept ЖЕНЩИНА (WOMAN) is characterized by career orientation; morality; communicativeness. Family values, expression of emotions, overcoming intelligence-based discrimination are peripheral, a woman's appearance is the least frequent. Along with typical gender qualities, a transitional (metagender) zone can be distinguished, where traditional lexico-semantic characteristics of masculinity and femininity are being re-coded. Thus, gender categorization in the Russian speakers' language consciousness can be defined as a binary model based on core prototypical characteristics. However, dynamic processes of gender neutralization competing with the most representative characteristics of basic gender concepts are observed at the boundary of concept zones.

Keywords

gender stereotype, Russian culture, cognitive modelling, conceptual and definitional analysis, thematic group, prototypical structure, metagender zone

For citation

Tovkes, M. Yu. Group Interpretation Structure of the “Russian” Concepts МУЖЧИНА (MAN) / ЖЕНЩИНА (WOMAN). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 151–165. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-151-165

Введение.

Программа исследования

В настоящее время вопросы, связанные с изменением традиционных гендерных различий, релятивизмом гендерной самоидентификации, обсуждаются в России в официальных кругах и общественных дискуссиях. Так, Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 13.05.2021 № 313н был скорректирован перечень работ, которые ранее не могли выполнять женщины. В российских СМИ поднимается вопрос о закреплении на законодательном уровне возможности давать детям женские варианты отчества (*матроним, матчество*).

Гендерные стереотипы как разновидность социальных стереотипов представляют один из фундаментальных параметров коллективной (национальной, групповой) и личностной идентификации, позволяющих различать норму и отклонения от нее. Исследование гендерных стереотипов в коммуникативно-когнитивном аспекте дает возможность обнаружить актуальные тенденции в изменении нормативных представлений носителей русского языка о мужчине и женщине на глубинном, концептуальном уровне.

Цель исследования заключается в моделировании на основе выделенных респондентами лексических единиц, характеризующих типические качества мужчины и женщины, структурно-содержательных характеристик концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в их современной групповой интерпретации.

В рамках исследования было проведено анкетирование, в котором приняли участие 270 респондентов (79 мужчин и 191 женщина). Анкета была выложена в интернет-пространстве и находилась в свободном доступе. Наиболее многочисленной группой респондентов по возрастному показателю является группа 18–23 года – 130 респондентов, далее следуют группы 24–29 лет – 73, 30–39 лет – 32, 40–49 лет – 12, 50–59 лет – 12, 60 лет и старше – 11 респондентов. Большинство из них имеет или получает высшее образование – 236 человек, число респондентов со средним или средне-специальным образованием составляет 22 и 12 человек соответственно.

Материалом для анализа послужили 1 064 реакции о типично мужских и 1 053 реакции о типично женских качествах характера и поведенческих характеристиках. При анализе принимались во внимание все ответы респондентов.

Методология исследования сочетает в себе когнитивный анализ словарных дефиниций лексических единиц, обозначающих качества мужчин и женщин, и моделирование прототипической организации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА.

Исследование проводилось в несколько этапов:

- составление перечня наиболее часто употребляемых лексических единиц, маркирующих мужские и женские типические характеристики;
- распределение полученных реакций по тематическим группам, отражающим содержание концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА;
- построение прототипических моделей гендерных концептов;
- компаративный анализ полученных результатов, для визуализации которых использовался графопостроитель Gephi.

1. Социальные стереотипы в когнитивном аспекте

Когнитивный подход к языку предполагает моделирование когнитивных структур, релевантных языковым формам и категориям: «В основе современного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик, 2015, с. 32]. Лингвистические исследования, ориентированные на когнитивную мотивацию языковой референции, вносят весомый вклад в современное решение проблемы содержания и функционирования социальных стереотипов как культурно-значимых базовых концептов.

Впервые понятие «стереотип» в лингвистике ввел американский философ и логик Х. Патнэм, трактуя его как идеализированную ментальную репрезентацию нормального случая, по отношению к которому устанавливается экстенционал «термина естественного вида» [Putnam, 1975]. В этой неклассической теории референции лексическое значение определяется способом категоризации и допускает альтернативные, несовместимые концептуальные схемы описания объекта («множество концептуальных выборов»), в пределах каждой из которых оно является «правильным»: «“Объекты” не существуют независимо от концептуальных схем. Мы “разрезаем” мир на объекты, когда мы вводим ту или иную схему описания. Поскольку объекты и знаки одинаково являются *внутренними* для данной схемы описания, оказывается возможно сказать, что чему соответствует» [Putnam, 1981, p. 52].

Понимание социального стереотипа как коллективного механизма референции и корректного употребления слова в типичных коммуникативных ситуациях разрабатывается в ана-

литической философии позднего Л. Витгенштейна. Определение референции как «языковой игры» находит обоснование в идее фамильного (семейного) сходства: элементы языковой категории не имеют общего набора признаков, однако, как члены одной семьи, структурируются подобием в разных отношениях. При этом выделяются «лучшие примеры» языковой категории, демонстрирующие неравнозначность элементов в ее структуре, а также отмечается отсутствие у языкового значения фиксированных границ, его способность к расширению [Wittgenstein, 1953].

Идея фамильного сходства в качестве основания языковой концептуализации и категоризации стереотипа как нормативно конвенциональной модели репрезентации лексического значения получила переосмысление в стандартной теории прототипов и базового уровня категоризации Э. Рош. В данном теоретико-методологическом контексте языковая референция базируется на выделении психологически предпочтительных центральных элементов естественной категоризации индивидуального познавательного опыта – прототипов, способных в качестве «точек референции» ограничивать членство и производить ранжирование непрототипических элементов категории базового уровня [Rosch, 1975].

Психологический прототипический подход к естественной и языковой концептуализации и категоризации был расширен в когнитивных теориях значения Р. Лангакера, Ж. Фоконье, Дж. Лакоффа и др., ориентированных на выделение когнитивных механизмов структурирования знания и формирования смысла, репрезентированных и интерпретируемых в языке [Скребцова, 2018]. Так, Дж. Лакофф исследует социальные стереотипы с позиции теории идеализированных когнитивных моделей, понимаемых как мотивированное когнитивное устройство, создающее контекст определения значения языковой категории. Социальные стереотипы, рассматриваемые им на примере концепта МАТЬ, «представляют собой случаи метонимии – когда подкатегория наделяется общественно признанным статусом представителя категории в целом, обычно в целях быстрого вынесения суждений о людях» [Lakoff, 1987, P. 96] или включены в центральную модель кластера [Ibid., p. 82].

Исследования социальных стереотипов представителей тамбовской школы отечественной когнитивной лингвистики и их последователей базируются на доминантном принципе организации языкового сознания [Болдырев, 2019a]. Роль опорных точек в процессах означивания и осмысления принадлежит прежде всего названиям базовых категорий, которые в качестве внутриязыковых точек референции формируют поступающую информацию. В когнитивной теории языка Н. Н. Болдырева термин «лексический прототип» используется в отношении категории переходной зоны естественной и языковой категоризации, поскольку лексическая категоризация «есть отражение и интерпретация концептуальной системы человека в языке» [Болдырев, 2019б, с. 145]. Автор различает тематический и операциональный аспекты естественной и языковой концептуализации и категоризации, что обуславливает осознанный выбор методологии анализа эмпирического материала. Социальный стереотип в содержательном аспекте представляет собой вид прототипического концепта, областью определения которого становится соответствующая коллективная концептуально-тематическая область знания, профилируемая индивидуальной концептуальной системой, и он служит для структурирования знания на определенные иерархически организованные компоненты [Болдырев, 2019б, с. 56, 124]. При этом социальный стереотип в операциональном аспекте понимается как когнитивный регулятор отбора вербальных средств, исходя из социокультурных (энциклопедических, «тезаурусных») знаний субъекта, отношения субъекта к предмету дискурса, и служит для образования социально признанных концептов-смыслов [Дубровская, 2015; Серова, 2017]. Акцент делается на индивидуальных интерпретациях фонового знания, которые, в свою очередь, могут служить ориентиром для коллективных схем концептуализации и категоризации, мотивировать расширение языковой категории, что особенно актуально в период перестройки социальных стереотипов.

2. Анализ гендерной феноменологии в российской лингвистике

В отечественной лингвистике разработку интерсекционального подхода к гендеру осуществляет пермская социолингвистическая школа, которая анализирует феноменологию гендера на пересечении базовых характеристик социально-психологических различий. Так, работы М. В. Гаранович посвящены изучению гендерных стереотипов как структурированных когнитивных новообразований группового языкового сознания. Автор исследует социолингвистическую вариативность гендерных стереотипов, выявляет зависимости между содержанием гендерных стереотипов и базовыми социальными параметрами носителей русского языка (пол, возраст, образование, специальность) [Гаранович, 2011].

Выявление актуальных тенденций семиотической репрезентации гендера и его смысловых акцентуаций представлено в работах А. В. Кирилиной. Глобальный сдвиг гендерной концептуализации и категоризации обнаруживает себя в расширении гендерно значимых норм социальных институтов, политизации маркера сексуальности, а также в редуцировании гендерной референции до нейтрального маркера самоидентификации. С другой стороны, тенденция к гендерной глобализации, характерная для американской и европейской лингвокультур, активизирует гендерную дифференциацию и гендерную асимметрию. Современная семиотическая интерпретация гендера в России определяется автором как плюралистическая модель, в которой «четко выделяются глобальная тенденция к устранению гендерных различий и патриархатный фундаментализм» [Кирилина, 2021, с. 124].

Исследовательский коллектив под руководством Е. С. Гриценко анализирует гендер с позиции дискурсивного конструктивизма, что позволяет объяснять лингвистический выбор репрезентации целевого, значимого для коммуникативного контекста аспекта гендерной идентификации [Гриценко, 2005]. Такой подход акцентирует внимание на динамике концептуализации и репрезентации гендера в англоязычном (преимущественно европейском и американском) культурном контексте, во многом определяющем в современном мире стратегию нового гендерного порядка – «дегендеризацию коммуникации», подвергающую сомнению само толкование специфического гендерного поведения как отклонения от нормы и транслируемую по различным информационным каналам в глобальном масштабе: «Сверхиндивидуализированное общество создает десятки определений новых гендерных идентичностей, подвергая сомнению само понятие “отклонений” в гендерном поведении» [Гриценко, 2021, с. 67].

В данной статье представлены структурно-содержательные модели лексико-семантической репрезентации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА. На основе индивидуально профилируемых лексических единиц производится выделение доминирующих по частотности употребления и общности денотативного компонента лексико-семантических характеристик, позволяющих, на наш взгляд, реконструировать лексический прототип. Он маркирует групповое знание прототипических признаков базовых гендерных концептов, кодирующих актуальные тенденции поведенческой практики. Индивидуальные реакции, профилирующие социокультурное знание, позволяют выделить доминантные концептуальные признаки, маркирующие коллективно-признанную норму. Таким образом, исследование опирается на понимание гендерного стереотипа как устойчивого, социально-признанного и лексически выраженного сочетания наиболее репрезентативных характеристик мужественности и женственности, замещающих концепты МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в целом, функционирующих в качестве экономной, нормативно-оценочной схемы осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса.

3. Прототипическая организация концепта МУЖЧИНА

Структура естественной категории играет важную роль в мыслительных процессах, формируя содержание языковой категории. Следовательно, по лексически выраженным при-

знакам можно реконструировать организацию исследуемых концептов. Полученные реакции информантов группируются «на понятийной основе», то есть «по смысловым (идеографическим) группам, внутри которых соотносятся с общим для них понятием» [СТРП, 2015, с. 20]. Многие качества являются полисемантическими, соотносимыми с различными тематическими группами.

Большинство реакций респондентов относятся к группе «**Качества личности**» (805 реакций), ранжирование которых с частотностью от 20 раз и выше представлено в таблице 1:

Таблица 1

Компоненты группы «Качества личности»

Table 1

Components of the Group "Identity Traits"

Наименование качества	Вербализаторы	Частотность употребления
Ответственность	<i>Ответственность, ответственный</i>	70
Сила	<i>Сила, сильный, сильные</i>	56
Мужество	<i>Мужество, мужественность, мужественный</i>	49
Смелость	<i>Смелость, смелый</i>	43
Надежность	<i>Надежность, надежный</i>	28
Уверенность	<i>Уверенность</i>	25
Честность	<i>Честность, честный, честь</i>	25
Решительность	<i>Решительность, решительный</i>	24
Ум	<i>Ум, умный</i>	22
Целеустремленность	<i>Целеустремленность</i>	21

Среди указанных качеств доминантами можно считать личностные характеристики с частотностью употребления от 40 раз и выше: *смелость, мужество, сила, ответственность*. Качество *мужество*, воспринимаемое как собирательное, относится к нескольким группам концептуальных признаков. Оно одновременно маркирует 'душевную стойкость и смелость' [Ефремова] («Волевые качества») и подразумевает определенный стандарт достойного поведения («Моральные качества»). Данное качество репрезентируется не только лексическими единицами *мужество* (25), *мужественность* (19), *мужественный* (5). По данным «Русского ассоциативного словаря», прямыми ассоциациями по отношению к данному качеству являются такие черты (понятия), как *храбрость, героизм, отвага, сила, смелость, выносливость* и др. [РАС]. Л. Г. Бабенко в качестве синонимов выделяет *храбрость, бесстрашие, смелость, героизм* [ССРЯ, 2011].

В область определения *ответственности*, помимо свойства характера мужчины, включены компоненты 'добросовестное отношение к выполнению своих обязанностей' («Деловые качества»), 'высокоразвитое чувство долга', 'обязанность отвечать за свои поступки' («Моральные качества»). Рассматривая репрезентацию качества по отношению к профессиональной деятельности, можно отметить синонимы *пунктуальность* (4), *организованность* (3), *дисциплинированность* (2) и др.

Сила может быть соотнесена и с группой «Волевые качества». С одной стороны, она характеризует человека, который 'отличается твердым волевым характером' [Ефремова]. Некоторые респонденты конкретизируют данное качество с помощью уточняющих маркеров *сила воли, сила духа, сила (характера и физическая)* и др. С другой стороны, *сила* маркирует деятельность, связанную с 'определенной степенью напряженности, устремленности' [Там же]. Можно выделить синонимический ряд, где реализуются различные конфигурации значения

данного качества: физическая сила – *выносливость* (9), *крепкий* (1); обладание властью и могуществом – *властность* (3), *главенство* (1), *доминантность* (1); обладание волей – *решительность* (22), *твердость* (7), *выдержка* (3).

Смелость представлена синонимическим рядом существительных *смелость* (39), *храбрость* (10), *отвага* (4), *бесстрашие* (1), *героизм* (1) и прилагательных *смелый* (4), *нетрусливый* (1), *рискованный* (1), *храбрый* (1).

Волевые качества (297 реакций). Качества данной группы преимущественно маркируют проявление упорства и настойчивости, подчеркивают стремление к осуществлению поставленных целей. Наиболее часто употребляемым в описании качеством является *сила* (38), понимаемая как проявление не только физической силы – *физическая сила* (4), но и силы характера – *сила духа* (3), *сила воли* (3)).

Ряд реакций представляет качества, необходимые для достижения целей, а обозначающие их лексические единицы содержат компоненты значения ‘стремление’, ‘настойчивость’ [Там же]: *целеустремленность* (21), *упрямство* (8), *упорство* (6), *напористость* (5) и др. Кроме того, отмечается инициативность, стремление к принятию решений – *решительность* (22), а реакции *выносливость* (9), *терпеливость* (5), *твердость* (7), *стойкость* (6), *выдержка* (3) и др. содержат компоненты ‘способный выдержать’, ‘стойкий’ [Там же].

Деловые качества (269 реакций). Эта группа маркирует качества, необходимые для успешной профессиональной деятельности. Некоторые реакции напрямую связаны с работоспособностью и расположением к труду – *трудолюбие* (6) / *трудолюбивость* (2) / *трудолюбивый* (1), *работоспособность* (4) и др. или характеризуют атрибуты рабочей обстановки – *деловые встречи* (1).

Вместе с тем респонденты отмечают старательность и исполнительность, которые проявляются как *ответственность* (63), *серьезность* (8), *пунктуальность* (4) и др.; способность работать в условиях многозадачности, о чем говорят такие качества, как *стрессоустойчивость* (9), *уравновешенность* (2) и др.; установку на взаимодействие с коллегами – *вежливость* (5), *кооперативность* (1), *стремление к сотрудничеству* (1) и др.; а также лидерские качества, на которые указывают такие реакции, как: *инициативность* (1), *главенство* (1), *руководить* (1) и др.

Моральные качества (251 реакция). Под моральными качествами понимаются внутренние личностные ценности, которые имеют внешнее выражение через манеры и поведение, являются осознанным выбором личности и приобретены путем воспитания и социализации [ФЭС, 1983, с. 387–388]. В большинстве случаев лексические единицы, эксплицирующие данные качества, обладают генерализованным значением ‘чувство долга’: *ответственность* (63), *чувство долга* (2) и др. Схожей семантикой обладают и реакции *заботливый* (3), *забота о близких* (2), *способность заботиться* (1) и др. в значении ‘необходимость уделять внимание дорогим людям’ [Ефремова].

Также респонденты отмечают приверженность своим принципам: *твердость* (7) в значении ‘стойкий, непоколебимый, верный своим убеждениям’ [Там же]; *прямолинейность* (6) в значении ‘действующий прямо, по убеждению’ [Там же], *верность* (8) в значении ‘неизменная приверженность чему-либо, следование чему-либо’ [Там же], *стойкость* (6), понимаемая как ‘непоколебимость’ [Там же].

Реакции *честность* (19), *галантность* (2), *порядочность* (2), *благородство* (2) и др. подчеркивают внутреннее достоинство и умение себя вести.

Интеллектуальные качества (160 реакций). Качества данной группы маркируют высокие интеллектуальные способности, мыслительную активность в целом: *ум* (13), *интеллект* (5), *мудрость* (5), *интеллектуал* (1) и др., а также *чувство юмора* (12), понимаемое как ‘изошренность мысли, острота ума’ [Там же].

Способность мужчины ‘руководствоваться в своих действиях требованиями рассудка, здравого смысла’ и качества, ‘отличающиеся преобладанием рассудка над чувством’ [Там же], экс-

плицируются с помощью реакций *рациональность* (9), *рассудительность* (8), *аналитическое мышление* (1) и др. Кроме того, акцентируется внимание на 'вдумчивости в мыслях и поступках' [Там же] – *серьезность* (8), *расчетливость* (5), *осознанность* (1) и др. – и на 'спокойном состоянии, при котором сохраняется выдержка и ясность мысли' [Там же]: *хладнокровие* (7), *холодный ум* (1) и др.

Эмоциональные качества (96 реакций). Качества данной группы организованы по принципу неявной оппозиции и свидетельствуют о том, что мужчины менее эмоциональны, чем женщины: *закрытость* (2), *уравновешенность эмоций* (2), *безэмоциональность* (1), *менее эмоциональны* (1) и др. Ряд ответов отражает мнение респондентов, что мужчины могут контролировать свое эмоциональное состояние: *спокойствие* (6), *уравновешенность* (2), *невозмутимость* (1), *эмоциональная стабильность* (1) и др.

Семейные качества (76 реакций). В этой группе отмечаются качества, которые могут составить собирательный образ «настоящий семьянин» и ассоциируются в сознании респондентов с тем, как именно мужчина должен вести себя в семье. Наиболее частотные реакции: *надежность* (20) в значении 'такой, на которого можно положиться; внушающий доверие' [Там же]; *верность* (8) как 'постоянство в чувствах' [Там же], *заботливый* (3) и *забота* (2) как 'проявление внимания, попечительство' [ССРЯ, 2011].

Ценность семьи для мужчины представлена реакциями *любовь к семье* (3), *защита семьи* (1), *отношение к женщинам и детям и семье* (1), а традиционные стереотипные роли – реакциями *защита* (2), *кормилец* (1), *опора* (1), *сильное плечо* (1), *умение обеспечивать* (1).

Коммуникативные качества (70 реакций). Качества в этой группе также организованы по принципу бинарной оппозиции и маркируют как расположенность к взаимодействию с другими людьми, так и обратное: *коммуникабельность* (2), *общительность* (1) / *закрытость* (2), *замкнутость* (2); *вежливость* (5), *тактичность* (1) / *грубость* (2), *дерзость* (1); *терпимость* (2), *толерантность* (2) / *гомофоб* (1) и др.

4. Прототипическая организация концепта ЖЕНЩИНА

Большинство реакций также относятся к группе «**Качества личности**» (663 реакции): респонденты маркируют стереотипные, на их взгляд, личностные качества, характерные для образа идеальной женщины, ранжирование которых с частотностью от 20 раз и выше представлено в таблице 2:

Эмоциональность маркирует особенность темперамента, а также соотносится с группой «Эмоциональные качества», где репрезентируются различные проявления эмоций. Конфигурациями выделенной области определения являются маркеры различных спонтанных ситуативных эмоциональных состояний – *вспыльчивость* (4), *восприимчивость* (3), *переменчивость* (3), *несдержанность* (1), *неуравновешенность* (1) и др., а также душевных переживаний – *утонченность* (4), *ранимость* (3), *сентиментальность* (1) и др.

Забота, помимо группы «Качества характера», может быть отнесена к концептуальным структурам, представленным моральными и семейными качествами. Как 'бескорыстная забота о благе других, отказ от собственных интересов во благо других' [Там же] данное качество маркируется реакциями *заботливость* (19), *гиперопека* (1), *альтруизм* (1), *самопожертвование* (1) и др.

Доброта может быть отнесена как к группе «Моральные качества», поскольку маркирует нравственное качество, так и к коммуникативным качествам, где присутствуют признаки, репрезентирующие взаимодействие с людьми. В значении этой лексической единицы есть компонент 'отзывчивость, готовность помочь' [Там же], а в словаре Л. Г. Бабенко данное качество входит в группу «Дружелюбие – одиночество» [СТРП, 2015]. В качестве синонимов могут выступать *сострадание* (8), *эмпатия* (7), *чуткость* (4) и др.

Таблица 2

Компоненты группы «Качества личности»

Table 2

Components of the Group "Identity Traits"

Наименование качества	Вербализаторы	Частотность употребления
Эмоциональность	<i>Эмоциональность, эмоциональная, эмоциональные, чрезмерная эмоциональность, яркая эмоциональность</i>	52
Забота	<i>Забота, заботливая, заботливость, заботливые</i>	46
Доброта	<i>Добрая, добродушие, доброжелательность, доброта, добрые</i>	45
Нежность	<i>Нежность, нежная</i>	34
Красота	<i>Красивая, красивые, красота</i>	31
Женственность	<i>Женственная, женственность</i>	29
Ответственность	<i>Ответственность, ответственные</i>	29
Хитрость	<i>Хитрость, хитрые</i>	20
Мягкость	<i>Мягкая, мягкость, мягкость характера</i>	20

Деловые качества (216 реакций). В данную группу вошли реакции, которые маркируют качества, необходимые для успешной профессиональной деятельности. Некоторые из них, как и у мужчин, связаны с работоспособностью и расположением к труду: *трудолюбие* (9), *трудолюбивая* (2). Также можно выделить следующие аспекты деловых качеств:

- старательность, дотошность, ответственное отношение к делу: *ответственность* (28), *аккуратность* (18), *внимательность* (13) в значении 'сосредоточенность' [Ефремова], *исполнительность* (3) и др.;
- взаимодействие с коллегами: *тактичность* (4), *договороспособность* (1), *умение находить компромиссы* (1) и др.;
- способность приспосабливаться к изменяющимся условиям: *гибкость* (10), *мобильность* (2), *адаптация* (1) и др.

Моральные качества (213 реакций). Данная группа представляет область определения различных аспектов моральных качеств: чувство долга (*ответственность* (28), *чувство долга* (1), *обязательность* (1) и др.); необходимость уделять внимание дорогим людям как одно из проявлений чувства долга (*заботливость* (19), *забота* (17) и др.); проявление чувства собственного достоинства и умение вести себя (*гуманность* (7), *честность* (5), *воспитанность* (4), *порядочность* (1) и др.); приверженность своим принципам (*верность* (18), *стойкость* (3), *твердость* (1) и др.).

Можно предположить, что расположенность к общению связана с внимательным отношением к собеседнику, способностью сопереживать, помогать и поддерживать: *доброта* (30), *сострадание* (8), *эмпатия* (7), *чуткость* (4) в значении 'внимательный к окружающим; отзывчивый, участливый' [Там же] и др.

Коммуникативные качества (211 реакций). Реакции данной группы акцентируют внимание на расположенности женщины к общению и взаимодействию с другими людьми: *легкость* (8), *общительность* (6), *открытость* (4), *легкость в общении* (1) и др. Речевое поведение женщины характеризуется как лексическими единицами, маркирующими 'словоохотливость' [Там же] – *болтливость* (10), *разговорчивость* (3), так и речевое поведение в целом: *тактичность* (4), *вежливость* (3), *умение подбирать слова* (1) и др.

Семейные качества (177 реакций). Качества данной группы ассоциируются в сознании респондентов с тем, как именно женщина должна вести себя в семье. Наиболее релевантными являются *нежность* (29) как ‘проявление любви и ласки по отношению к кому-либо’ [Там же], *верность* (18), *забота* (17).

Значимость семьи для женщины эксплицируется реакциями *любовь к семье* (10), *семья очень важна* (1), а ее традиционные социальные роли – реакциями *хозяйственность* (7), *материнский инстинкт* (2), *хранительница очага* (1) и др.

Эмоциональные качества (150 реакций). Реакции данной группы передают как склонность к проявлению эмоций – *эмоциональность* (44), *чрезмерная эмоциональность* (1), *яркая эмоциональность* (1), так и быструю смену эмоционального состояния: *вспыльчивость* (4), *импульсивность* (2), *истеричность* (2) и др.

Некоторые реакции образуют синонимический ряд с общим компонентом значения ‘обладающий повышенной восприимчивостью к воздействиям извне’ [Там же]: *чувствительность* (9), *утонченность* (4), *ранимость* (2) и др.

Интеллектуальные качества (129 реакций). Качества данной группы передают высокие интеллектуальные способности – *ум* (8), *интеллект* (3), *интеллектуальность* (1); наличие хорошего образования – *образованность* (3) и др.; жизненный опыт – *мудрость* (18); расположенность к получению новых знаний – *способность к обучению* (1), *любящая получать новые знания и опыт* (1) и др. Также к данной группе можно отнести *хитрость* (19), трактуемую как ‘изобретательность’ [Там же] и являющуюся одним из синонимов лексемы умный [ССРЯ, 2011], а также одним из маркеров интеллектуальной оценки, умственных способностей [СТРП, 2015, с. 110, 112].

Волевые качества (115 реакций). Речевые вербализаторы этой группы маркируют наличие сильной воли – *сила духа* (2), *волевой характер* (1), *я и баба и мужик* (1) и др.; умение проявлять силу воли для достижения целей – *целеустремленность* (13), *решительность* (3), *умение добиваться цели БЕЗ ПОМОЩИ МУЖЧИН* (1) и др.; способность сохранять самообладание и выдержку для достижения результатов: *усидчивость* (12), *терпение* (5), *выносливость* (3) и др.

Однако в большей степени отмечается отсутствие данных качеств в характере женщины: *мягкость* (16) и *мягкость характера* (2), *слабость* (5), *податливость* (2), *уступчивость* (2) и др.

Внешние качества (60 реакций). Респонденты акцентируют внимание на привлекательной внешности – *красота* (24), *сексуальность* (4), *привлекательность* (3) и др.; аккуратном внешнем виде – *ухаживенность* (2), *опрятность* (2), *внимание к внешности* (1) и др. Также они характеризуют целостный образ женщины с помощью реакций *милая* (2), *обаятельность* (1), *шарм* (1) и др., которые имеют схожую дефиницию ‘симпатичный, приятный’ [Ефремова].

Выводы.

Компаративный анализ

На основании выявленной структуры концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА можно произвести их сравнительный анализ, сопровождающийся визуализацией результатов исследования (рис. 1).

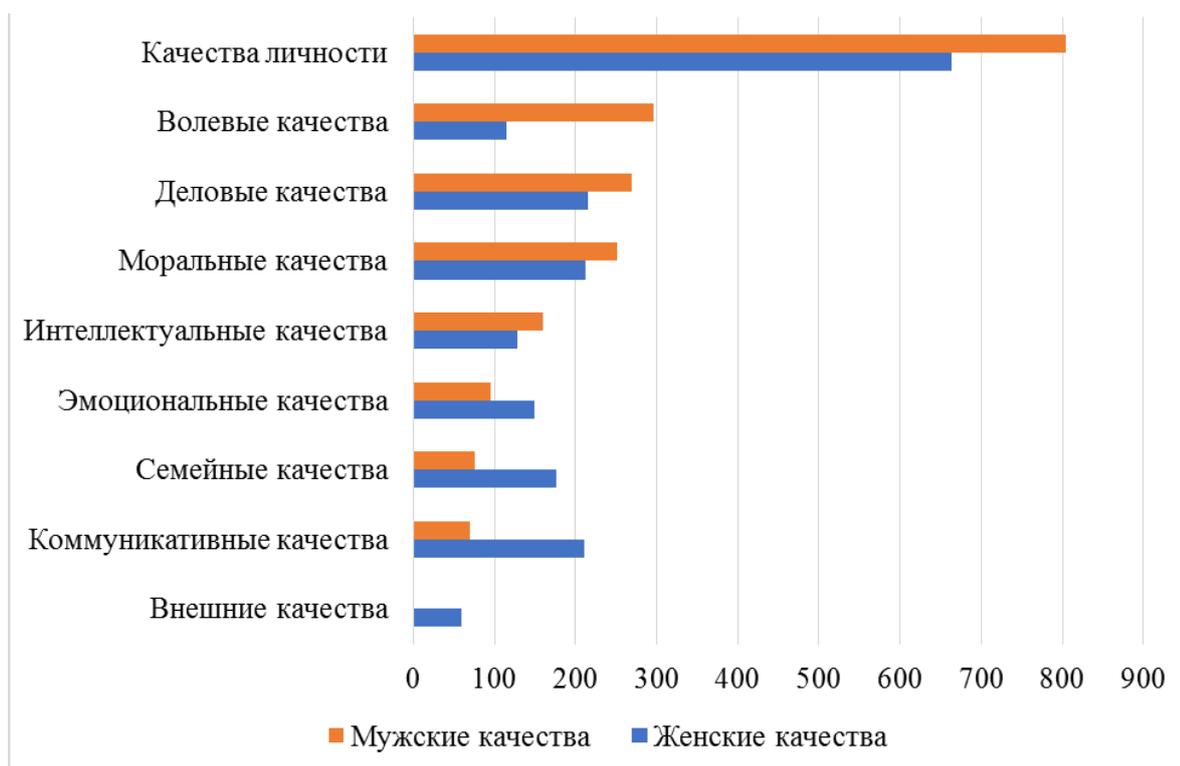

Рис. 1. График частотности употребления групп мужских и женских качеств
 Fig. 1. The frequency of male and female groups of traits

Областью определения большинства признаков является группа «Качества личности», что свидетельствует о сравнительно равной степени значимости личностных характеристик в структуре базовых гендерных концептов. Прототипическим ядром (от 501 и более реакций) концепта МУЖЧИНА становятся традиционные доминанты мужественности (*ответственность, сила, мужество, смелость*), ядро концепта ЖЕНЩИНА также представляют традиционные доминанты женственности (*эмоциональность, забота, доброта*). Данный результат свидетельствует о высокой степени значимости традиционных гендерных стереотипов в группе информантов, большинство которых составляют молодые люди (18–29 лет) с высоким уровнем образования.

В предъядерной зоне (201–500 реакций) концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА приблизительно в равной степени отмечается значимость деловых качеств (269 реакций у мужчин / 216 реакций у женщин) и приверженность моральным нормам и принципам (251 у мужчин / 213 реакций у женщин). Профессиональная деятельность для женщины не менее значима, чем для мужчины, и маркируется не только характеристиками исполнительности, но и творческой деятельности. Также при определении респондентами мужественности и женственности обнаруживается значимость нравственной мотивации социального поведения. Для характеристики концепта МУЖЧИНА в предъядерной зоне больше всего подчеркиваются волевые качества, в то время как при описании концепта ЖЕНЩИНА эта группа уходит на периферию и демонстрирует организацию по принципу бинарной оппозиции, которая свидетельствует о том, что женщина достигает своих целей иными способами. В структуре концепта ЖЕНЩИНА значимой предъядерной группой являются коммуникативные качества, в то время как в концепте МУЖЧИНА они находятся на периферии и также строятся по принципу оппозиции.

На периферии (до 200 реакций) концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА находится группа интеллектуальных качеств, наиболее частотная в периферийной зоне концепта МУЖЧИНА (160 у мужчин / 129 у женщин). Однако если в структуре концепта МУЖЧИНА акцентируется

рациональность (*ум, рассудительность, расчетливость*), то значимые интеллектуальные качества в структуре концепта ЖЕНЩИНА выражены лексическими единицами *мудрость* и *хитрость*. Ценность семьи как области определения концепта ЖЕНЩИНА значительно выше, чем для концепта МУЖЧИНА (177 у женщин / 76 у мужчин). Также эмоциональные качества в структуре концепта ЖЕНЩИНА представляют наиболее частотную группу периферийной зоны и обладают преимущественно нейтральной коннотацией, в то время как в структуре концепта МУЖЧИНА данная группа является одной из наименее частотных (150 у женщин / 96 у мужчин). Показательно, что привлекательные внешние данные (*красота, сексуальность* и др.) маркируются только у концепта ЖЕНЩИНА и вместе с тем оказываются наименее частотной группой женских качеств (60) для респондентов, среди которых преобладают женщины и люди с высшим образованием.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Базовые гендерные концепты МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в современной групповой интерпретации осмысляются не как маркеры пола или традиционных социальных ролей, а как репрезентация социально одобряемых личностных качеств автономных субъектов.

2. Гендерный стереотип как когнитивная схема репрезентативности (механизм категоризации) структурирует групповую концептуальную систему на иерархию областей определения концептуальных признаков мужественности и женственности.

3. Гендерный стереотип как сочетание прототипических признаков, встроенных в ядро структуры репрезентативности концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, представляет собой набор традиционных характеристик мужественности и женственности.

4. Лексико-семантическая репрезентация признаков осуществляется с помощью механизмов внутриязыковой референции, действие которых предполагает как сохранение, так и изменение структуры или содержания исходного значения, например: вторичная номинация как логическое обобщение в дефиниции аналоговых признаков естественных концептов, синонимия (*эгоизм (10), самовлюбленность (3), мужское самолюбие (1), тщеславие (1), бахвальство (1), горделивость (1), выпендречность (1)* и др.), антонимия (*вежливость – грубость, сила – слабость* и др.), метафоризация (*твердость, гибкость, сильное плечо* и др.), фразеологизация (*я и баба и мужик, хранительница очага*).

5. Наряду с типичными мужскими и женскими признаками можно выделить качества переходной (метагендерной) зоны, в которой преодолевается дискриминация женщины по интеллектуальному признаку, маркируется значимость профессиональной деятельности и социального статуса для мужчин и женщин (рис. 2).

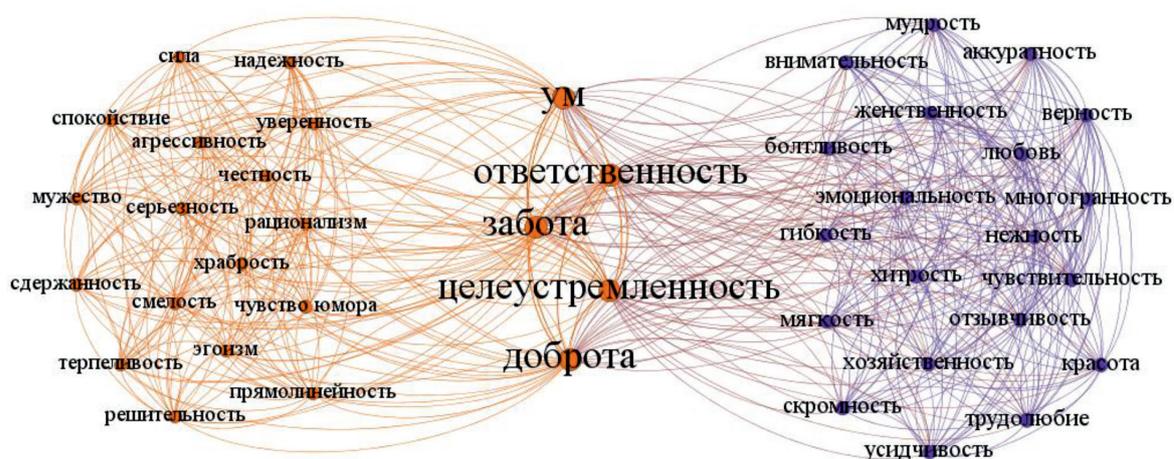

Рис. 2. Визуализация мужских, женских и метагендерных качеств
Fig. 2. Visualization of male, female and metagender traits

6. Несмотря на то, что способ категоризации гендера в групповой интерпретации носителей русского языка представляет собой бинарную модель, определяемую по ядерным прототипическим признакам, на границе зон структурирования базовых гендерных концептов наблюдаются динамичные процессы становления гендерно нейтральной нормативности, конфликтующей с ядром традиционной модели гендерных различий.

7. В перспективе предполагается соотнести полученные результаты с признаками маскулинных и фемининных культур [Хофстеде, 2014], что позволит выделить лингвокультурологический аспект исследования гендерных стереотипов [Петерс, 2019; Петерс, 2020].

Полученные результаты выражают представления о концептах МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, свойственные для данной группы респондентов, и не могут быть полностью экстраполированы на другие социальные группы.

Список литературы

- Болдырев Н. Н.** Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка, 2019. № 37. С. 37–44.
- Болдырев Н. Н.** Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.
- Гаранович М. В.** Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 272 с.
- Гриценко Е. С.** Язык как средство конструирования гендера: Дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 405 с.
- Гриценко Е. С.** О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики, 2021. № 3(49). С. 60–73.
- Дубровская О. Г.** Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2015. 407 с.
- Кибрик А. Е.** Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / сост. В. В. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29–59.
- Кирилина А. В.** Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики, 2021. № 3(49). С. 109–147.
- Петерс Б.** О лингвокультурологии и культурологической лингвистике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2019. Т. 17. № 4. С. 6–11.
- Петерс Б.** Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного (пер. с фр. А. Ф. Фефелова) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2020. Т. 18. № 1. С. 84–104.
- Серова И. Г.** Социокультурный конструкт «гендер» в интерпретативном пространстве языка и дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2017. 375 с.
- Скребцова Т. Г.** Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 392 с.
- Хофстеде Г.** Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда, 2014. № 12. С. 9–49.
- Lakoff G.** *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind.* Chicago: University of Chicago Press, 1987, 631 p.
- Putnam H.** *Mind, Language and Reality.* Philosophical Papers, vol. 2, Cambridge University Press, 1975, 457 p.
- Putnam H.** *Reason, Truth, and History.* Cambridge, Cambridge University Press, 1981, 222 p.
- Rosh E.** *Cognitive Reference Points* // *Cognitive Psychology*, 1975. Vol. 7. Pp. 532–547.
- Wittgenstein L.** *Philosophical Investigations.* New York: Macmillan, 1953. 250 p.

References

- Boldyrev, N. N.** Dominant Principle of Linguistic Cognition Organization. *Cognitive Studies of Language*, 2019, no. 37, p. 37–44. (in Russ.)
- Boldyrev, N. N.** Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language. 2nd ed. Moscow, LRC Publishing House, 2019, 480 p. (in Russ.)
- Dubrovskaya, O. G.** The Subjective Principle of the Formation of Socio-Cultural Specifics of Discourse. Doctoral Dissertation. Tambov, 2015, 407 p. (in Russ.)
- Garanovich, M. V.** Variability of Gender Stereotypes According to Social Parameters of Speakers. PhD Dissertation. Perm, 2011, 272 p. (in Russ.)
- Gritsenko, E. S.** Language as a Means of Constructing Gender. Doctoral Dissertation. Nizhniy Novgorod, 2005, 405 p. (in Russ.)
- Gritsenko, E. S.** New Trends in the Linguistic Study of Gender, its Conceptualization and Representation in Modern English. *Journal of Psycholinguistics*, 2021, no. 3(49), pp. 60–73. (in Russ.)
- Hofstede, G.** Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Language, Communication and Social Environment*, 2014, no. 12, pp. 9–49. (in Russ.)
- Kibrik, A. E.** Cognitive Approach to Language. In: *Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics*; Comp. V. V. Kibrik, A. D. Koshelev; Eds. A. A. Kibrik, A. D. Koshelev, A. V. Kravchenko, Yu. V. Mazurova, O. V. Fedorova. M.: Languages of Slavic Culture, 2015, pp. 29–59. (in Russ.)
- Kirilina, A. V.** Gender and Gender Linguistics at the Border of the Millennium. *Journal of Psycholinguistics*, 2021, no. 3(49), pp. 109–147. (in Russ.)
- Peeters, B.** On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 6–11. (in Russ.)
- Peeters, B.** Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom (trans. from French by A. F. Fefelov). *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 84–104. (in Russ.)
- Serova, I. G.** Sociocultural Construct “Gender” in the Interpretive Space of Language and Discourse. Doctoral Dissertation. Saint-Petersburg, 2017, 375 p. (in Russ.)
- Skrebtsova, T. G.** Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches. Moscow, LRC Publishing House, 2018, 392 p. (in Russ.)
- Lakoff, G.** Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 631 p.
- Putnam, H.** *Mind, Language and Reality*. Philosophical Papers, vol. 2, Cambridge University Press, 1975, 457 p.
- Putnam, H.** Reason, Truth, and History. Cambridge, Cambridge University Press, 1981, 222 p.
- Rosh, E.** Cognitive Reference Points. *Cognitive Psychology*, 1975, vol. 7, pp. 532–547.
- Wittgenstein, L.** *Philosophical Investigations*. New York: Macmillan, 1953, 250 p.

Список источников

- Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 11.02.2022).
- РАС – Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 05.03.2022).
- ССРЯ – Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с.
- СТРП – Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Проспект, 2015. 232 с.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев. М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.

List of Sources

- Dictionary of Synonyms of the Russian Language; Ed. L. G. Babenko. Moscow, "Astrel", AST, 2011, 688 p. (in Russ.)
- Philosophical Encyclopedic Dictionary; Ed. L. F. Ilyichev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983, 839 p. (in Russ.)
- Russian associative dictionary [Online]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed on: 05.03.2022).
- Thesaurus of Russian Adjectives, Divided into Thematic Groups; Ed. L. G. Babenko. Moscow, "Prospect", 2015, 232 p. (in Russ.)
- Yefremova, T. F.** New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Word-Formation [Online]. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed on: 11.02.2022).

Сведения об авторе

Товкес Мария Юрьевна, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

Information about the Author

Maria Yu. Tovkes, PhD student, HSE University, Nizhniy Novgorod, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 15.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 27.07.2022
The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 20.07.2022;
accepted for publication 27.07.2022*

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи
Список литературы
Список словарей
Список источников

References

List of Dictionaries

List of Sources

Информация об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания**Авторская монография:**

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография**(все авторы должны быть упомянуты):**

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, nrl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru

